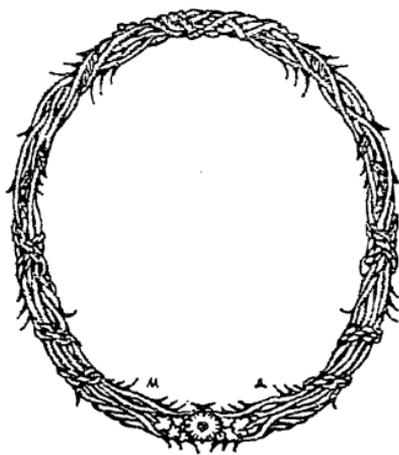

БОБРЕННО БОТЛИЧЕНІІ

С О Л О Г У Б А

Ж. III ѿ

ИЗУ. 60

ШИПОВНИКЪ

Б. П. Б.

ИЗДА
ШИПОВНИКЪ

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

РАЗСКАЗЫ

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

Типографія „Т-ва Андерсона и Лойцянского“, СПБ., Вознесенскій пр., 53.

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

РАЗСКАЗЫ

СВѢТЪ И ТЪНИ.

1.

Худошавый, блѣдный мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, Володя Ловлевъ, только что вернулся изъ гимназіи, и ждалъ обѣда. Онъ стоялъ въ гостиной у рояля, и разсматривалъ послѣдній номеръ Нивы, который принесли съ почты сегодня утромъ.

Изъ газеты, которая лежала тутъ-же, прикрывая одинъ листъ Нивы, выпала маленькая книжечка, напечатанная на тонкой сѣрой бумагѣ,—объявленіе иллюстрированнаго журнала. Въ этой книжечкѣ издатель перечислялъ будущихъ сотрудниковъ,—полсотни извѣстныхъ литературныхъ именъ,—многословно хвалилъ журналъ весь въ цѣломъ и по отдѣламъ, весьма разнообразнымъ, и давалъ образчики иллюстрацій.

Володя началъ разсѣянно передистывать сѣренькую книжку, рассматривая крохотныя картинки. Его большіе глаза на блѣдномъ лицѣ глядѣли устало.

Одна страничка вдругъ заинтересовала мальчика, и заставила его широкіе глаза раскрыться еще шире. Сверху внизъ вдоль странички было напечатано шесть рисунковъ, изображавшихъ сложенные разными спосо-

бами руки, тѣни которыхъ, отброшенные на бѣлую стѣну, образовали темные силуэты: головку барышни въ какой-то смѣшной рогатой шляпкѣ, голову осла, быка, сидячую фигуру бѣлки, и еще что-то въ этомъ-же родѣ.

Володя, улыбаясь, углубился въ разсматриваніе рисунковъ. Ему знакома была эта забава: онъ самъ могъ сложить пальцы одной руки такъ, чтобы на стѣнѣ появилась заячья головка. Но здѣсь было кое-что, чего Володя еще не видывалъ; и,—самое главное,—здѣсь все были фигуры довольно сложные, для двухъ рукъ.

Володѣ захотѣлось воспроизвести эти тѣни. Но теперь, при разсѣянномъ свѣтѣ догоравшаго осенняго дня, конечно, ничего хорошаго не выйдетъ.

Надо взять книжку къ себѣ, сообразилъ онъ,—вѣдь она же не нужна.

Въ это время услышалъ онъ въ сосѣдней комнатѣ приближающіеся шаги и голосъ матери. Покраснѣвъ отчего-то, онъ быстро сунулъ книжку въ карманъ, и отошелъ отъ рояля, навстрѣчу своей мамѣ. Она подходила къ нему, ласково улыбаясь, такая похожая на него, съ такими-же широкими глазами на блѣдномъ, прекрасномъ лицѣ.

Мама спросила, по обыкновенію:

— Что у васъ сегодня новенькаго?

— Да ничего новаго,—хмуро сказалъ Володя.

Но ему сейчасъ-же показалось, что онъ говоритъ съ мамой грубо, и стало отъ этого стыдно. Онъ ласково улынулся, и сталъ припоминать, что было въ гимназці,—но при этомъ еще яснѣе почувствовалъ досаду.

— У насъ Пружининъ опять отличился,—началъ онъ рассказывать объ учителѣ, нелюбимомъ гимнази-

стами за грубость.—Ему нашъ Леонтьевъ отвѣчалъ урокъ, и напуталъ, а онъ и говоритъ ему: «ну, довольно, говорить, садитесь,—вались дерево на дерево!»

— А вы все сейчасъ и замѣтите,—сказала мама, улыбаясь.

— Вообще, онъ ужасно грубый.

Володя помолчалъ немного, вздохнулъ, и заговорилъ жалующимся голосомъ:

— И все-то они торопятся.

— Кто?—спросила мама.

— Да учителя. Каждый хочетъ поскорѣе курсъ пройти, да повторить хорошенько къ экзаменамъ. Если о чемъ спросишь, такъ ужъ навѣрное подумаютъ, что это гимназистъ зубы заговариваетъ, чтобы до звонка протянуть, чтобы не спросили.

— А вы послѣ уроковъ разговаривайте.

— Ну да,—послѣ уроковъ тоже торопятся, домой или въ женскую гимназію на уроки. И все такъ скоро,—сейчасъ геометрія, а сейчасъ и греческій.

— Не зѣвай!

— Да, не зѣвай! Какъ бѣлка въ колесѣ. Право, это меня раздражаетъ.

Мама легонько усмѣхнулась.

II.

Послѣ обѣда Володя отправился въ свою комнату готовить уроки. Мама заботится, чтобы Володѣ было удобно,—и здѣсь есть все, чему надлежитъ быть въ такой комнатѣ. Володѣ здѣсь никто не помѣшаетъ, даже мама не приходитъ къ нему въ это время. Она

придетъ попозже, помочь Володѣ, если это будетъ нужно.

Володя былъ мальчикъ прилежный и, какъ говорится, способный. Но сегодня ему было трудно заниматься. За какой-бы урокъ онъ ни взялся, вспоминалось что-нибудь неприятное,—вспоминался учитель того предмета, его язвительная или грубая фраза, брошенная мимоходомъ и запавшая въ глубину души впечатлительнаго мальчика.

Случилось почему-то, что многіе изъ послѣднихъ уроковъ сошли неудачно: учителя являлись недовольные, и дѣло у нихъ не клеилось. Дурное настроеніе ихъ сообщалось Володѣ, и теперь вѣяло на него со страницъ книгъ и тетрадей хмурое и смутное безпокойство.

Отъ одного урока онъ торопливо переходилъ къ другому, къ третьему,—и это мельканіе маленькихъ дѣлъ, которыя надо поскорѣе исполнить, чтобы не оказаться завтра «деревомъ на деревѣ» своей скамьи, безтолковое и ненужное мельканіе раздражало его. Онъ началъ даже зѣвать отъ скуки и досады, и нетерпѣливо болтать ногами, тревожно двигаясь на стулѣ.

Но онъ твердо зналъ, что всѣ эти уроки надо непременно выучить, что это очень важно, что отъ этого зависитъ вся его судьба,—и онъ добросовѣстно дѣлалъ скучное для него дѣло.

Володя сдѣлалъ на тетрадкѣ маленькое пятнышко, и отложилъ перо. Вглядѣвшись внимательно, онъ рѣшилъ, что можно стереть перочиннымъ ножомъ. Онъ былъ радъ развлеченію.

На столѣ ножа не было. Володя сунулъ руку въ карманъ, и порылся тамъ. Среди всякаго сору и хламу,

по мальчишеской привычкѣ напиханнаго въ карманы, нащупалъ онъ ножикъ, и потянулъ его, а съ нимъ заодно и какую-то книжку.

Онъ еще не зналъ, что это за бумага въ его рукѣ, но, уже вытаскивая ее, вдругъ вспомнилъ, что это книжка съ тѣнями,—и внезапно обрадовался и оживился.

Такъ и есть, это—она, та самая книжка, о которой онъ уже и забылъ, занявшись уроками.

Онъ проворно вскочилъ со стула, подвинулъ лампу поближе къ стѣнѣ, опасливо покосился на притворенную дверь,—не вошелъ-бы кто-нибудь,—и, развернувъ книжку на знакомой страницѣ, принялся внимательно разглядывать первый рисунокъ и складывать по этому рисунку пальцы. Тѣнь выходила сначала нескладная, не такая, какъ надо,—Володя передвигалъ лампу и такъ и этакъ, сгибалъ и вытягивалъ пальцы,—и наконецъ получилъ на бѣлыхъ обояхъ своей комнаты женскую головку въ рогатомъ уборѣ.

Володѣ стало весело. Онъ наклонялъ руки, и слегка шевелилъ пальцами,—головка кланялась, улыбалась, дѣлала смѣшныя гримасы.

Володя перешелъ ко второй фигурѣ, потомъ къ слѣдующимъ. Всѣ онѣ сначала не давались, но Володя кой-какъ справился съ ними.

Въ такихъ занятіяхъ провелъ онъ съ полчаса, и забылъ объ урокахъ, о гимназїи, о всемъ въ мірѣ.

Вдругъ за дверью послышались знакомые шаги. Володя вспыхнулъ, сунулъ книжку въ карманъ, быстро подвинулъ лампу на мѣсто, причемъ едва не опрокинулъ ее,—и усѣлся, сгибаясь надъ тетрадкой. Вошла мама.

— Пойдемъ чай пить, Володенька,—сказала она.

Володя притворился, что смотритъ на пятно и собирается открыть ножикъ. Мама нѣжно положила руки на его голову,—Володя бросилъ ножикъ, и прижался къ мамѣ раскраснѣвшимся лицомъ. Очевидно, мама ничего не замѣтила, и Володя былъ радъ этому. Но ему все-таки было стыдно, словно его поймали въ глупой шалости.

III.

На кругломъ столѣ посреди столовой самоваръ тихо напѣвалъ свою воркующую пѣсенку. Висячая лампа разливала по бѣлой скатерти и темнымъ обоямъ дремотное настроеніе.

Мама задумалась о чемъ-то, наклоня надъ столомъ прекрасное, блѣдное лицо. Володя положилъ руку на столъ, и помѣшивалъ ложкою въ стаканѣ. Сладкія струйки пробѣгали въ чаѣ, тонкіе пузырьки подымались на его поверхность. Серебряная ложка тихонько бренчала.

Кипятокъ, плеща, падалъ изъ крана въ мамину чашку.

Отъ ложечки на блюдце и на скатерть бѣжала легкая, растворившаяся въ чаѣ, тѣнь. Володя всматривался въ нее: среди тѣней, бросаемыхъ сладкими струйками и легкими пузырьками воздуха, она напоминала что-то,—что именно, Володя не могъ рѣшить. Онъ наклонялъ и вертѣлъ ложечку, перебиралъ по ней пальцами,—ничего не выходило.

«А все-таки,—упрямо подумалъ онъ,—не изъ однихъ же пальцевъ можно складывать тѣни. Изъ всего можно, только надо приноровиться».

И Володя сталъ всматриваться въ тѣни самовара, стульевъ, маминой головы, въ тѣни, отбрасываемыя на столъ посудой,—и во всѣхъ этихъ тѣняхъ старался уловить сходство съ чѣмъ-нибудь. Мама говорила что-то,—Володя слушалъ невнимательно.

— Какъ теперь Леша Ситниковъ учится?—спросила мама.

Володя въ это время разсматривалъ тѣнь молочника. Онъ встрепенулся, и торопливо отвѣтилъ:

— На кота.

— Володя, ты совсѣмъ спишь, — съ удивленіемъ сказала мама.—Какой котъ?

Володя покраснѣлъ.

— Не знаю, съ чего мнѣ пришло,—сказалъ онъ.— Извини, мамочка, я не разслышалъ.

IV.

На другой вечеръ передъ чаемъ Володя опять вспомнилъ о тѣняхъ, и опять занялся ими. Одна тѣнь у него все плохо выходила, какъ онъ ни вытягивалъ и ни сгибалъ пальцы.

Володя такъ увлекся, что не замѣтилъ, какъ подошла мама. Заслыша скрипъ отворяющейся двери, онъ сунулъ книжку въ карманъ, и смущенно отвернулся отъ стѣны. Но мама уже смотрѣла на его руки, и боязливая тревога мелькнула въ ея широкихъ глазахъ.

— Что ты дѣлаешь, Володя? Что ты спряталъ?

— Нѣтъ, ничего, такъ,—бормotalъ Володя, краснѣя и неловко переминаясь.

Мамѣ представилось почему-то, что Володя хотѣлъ курить и спряталъ папиросу.

— Володя, покажи сейчас, что ты спряталъ,—говорила она испуганнымъ голосомъ.

— Право же, мама...

Мама взяла Володю за локоть.

— Что-жъ, мнѣ самой къ тебѣ въ карманъ лѣзть? Володя еще сильнѣе покраснѣлъ, и вытащилъ изъ кармана книжку.

— Вотъ,—сказалъ онъ, протягивая ее мамѣ.

— Что-жъ это?

— Ну вотъ,—объяснялъ Володя,—тутъ рисуночки есть,—вотъ видишь, тѣни. Ну, я и показывалъ ихъ на стѣнѣ, да у меня плохо выходило.

— Ну, что-жъ тутъ прятать!—сказала мама, успокоившись. — Какія-жъ это тѣни, покажи мнѣ.

Володя застыдился, но послушно сталъ показывать мамѣ тѣни.

— Вотъ это—голова лысаго господина. А это—заячья голова.

— Ахъ ты!—сказала мама,—вотъ ты какъ уроки готовишь!

— Я, мама, немножко.

— То-то, немножко! Чего-жъ ты краснѣешь, милый мой? Ну полно, вѣдь я знаю, ты все сдѣлаешь, что надо.

Мама взъерошила Володины коротенькіе волосы, Володя засмѣялся, и спряталъ пылающее лицо подъ мамиными локтями.

Мама ушла,—а Володя все еще чувствовалъ неловкость и стыдъ. Мама застала его за такимъ занятіемъ надъ которымъ онъ самъ посмѣялся бы, если бы застала за нимъ товарища.

Володя зналъ, что онъ—мальчикъ умный, и считалъ себя серьезнымъ, а вѣдь это все-таки—забава, годная развѣ только для дѣвочекъ, когда онѣ соберутся.

Онъ сунулъ книжку съ тѣнями подальше въ ящикъ своего стола, и не вынималъ ея оттуда больше недѣли, да и о тѣняхъ всю эту недѣлю мало вспоминалъ. Развѣ только иногда вечеромъ, переходя отъ предмета къ другому, улыбнется онъ, вспомнивъ рогатую головку барышни,—иногда даже сунется въ ящикъ за книжкою, да вспомнить сейчасъ же, какъ мама застала его, застыдится, и скорѣе за дѣло.

V.

Володя и его мама, Евгенія Степановна, жили на окраинѣ губернскаго города, въ собственномъ маминѣ домѣ. Евгенія Степановна вдовѣла уже девять лѣтъ. Теперь ей было тридцать пять лѣтъ, она была еще молода и прекрасна, и Володя любилъ ее нѣжно. Она вся жила для сына, училась для него древнимъ языкамъ, и болѣла всѣми его школьными тревогами. Тихая, ласковая, она нѣсколько боязливо смотрѣла на мѣръ широкими глазами, кротко мерцавшими на блѣдномъ лицѣ.

Они жили съ одною прислугою. Прасковья, угрюмая вдова, мѣщанка, была баба сильная, крѣпкая; ей было лѣтъ сорокъ пять, но по строгой молчаливости своей она была похожа на столѣтнюю старуху.

Когда Володя смотрѣлъ на ея мрачное, словно каменное лицо, ему часто хотѣлось узнать, что думаетъ она длинными зимними вечерами на своей кухнѣ, когда холодныя спицы, позванивая, мѣрно шевелятся

въ ея костлявыхъ рукахъ, и сухія губы ведутъ беззвучный счетъ. Вспоминаеть-ли она пьяницу мужа? Или рано умершихъ дѣтей? Или мерещится ей одинокая и безпріютная старость?

Безнадежно уныло и строго ея окаменѣлое лицо.

VI.

Долгій осенній вечеръ. За стѣною и дождь и вѣтеръ.

Какъ надоѣдливо, какъ равнодушно горитъ лампа!

Володя оперся на локоть, весь наклоняясь надъ столомъ на лѣвый бокъ, и смотрѣлъ на бѣлую стѣну комнаты, на бѣлую штору окна.

Не видны блѣдные цвѣты на обояхъ... Скучный бѣлый цвѣтъ...

Бѣлый абажуръ задерживаетъ отчасти лучи лампы. Вся верхняя половина комнаты въ полусвѣтѣ.

Володя протянулъ вверхъ правую руку. По затѣненной абажуромъ стѣнѣ потянулася длинная тѣнь, слабо очерченная, смутная...

Тѣнь ангела, улетающаго въ небеса отъ порочнаго и скорбнаго міра, прозрачная тѣнь съ широкими крыльями, съ головою, грустно склоненною на высокую грудь.

Не уносится-ли изъ міра пѣжными руками ангела что-то значительное и пренебреженное?..

Володя тяжело перевелъ дыханіе. Рука его лѣниво опустилася. Онъ склонилъ скучающіе глаза на свои книги.

Долгій осенній вечеръ.. Скучный бѣлый цвѣтъ... За стѣною плачетъ и лепечеть...

VII.

Мама второй разъ застала Володю за тѣнями.

На этотъ разъ бычачья голова очень удалась ему, и онъ любовался ею, и заставлялъ быка вытягивать шею и мычать.

Но мама была недовольна.

— Вотъ какъ ты занимаешься!—укоризненно сказала она.

— Я вѣдь немножко, мама,—застѣнчиво прошептала Володя.

— Можно бы этимъ и въ свободное время заняться,—продолжала мама.—Вѣдь ты не маленькій,—какъ тебѣ не стыдно тратить время на такіе пустяки!

— Мамочка, я больше не буду.

Но Володѣ трудно было исполнить обѣщаніе. Ему очень понравилось дѣлать тѣни, и желаніе заняться этимъ частенько стало приходить ему среди какого-нибудь неинтереснаго урока.

Эта шалость иной вечеръ отнимала у него много времени, и мѣшала хорошенько приготовить уроки. Приходилось наверстывать потомъ и не досыпать. А какъ бросить забаву?

Володѣ удалось изобреѣсти нѣсколько новыхъ фигуръ, и не только при помощи пальцевъ. И эти фигуры жили на стѣнѣ и, казалось иногда Володѣ, вели съ нимъ занятныя бесѣды.

Впрочемъ, онъ и раньше былъ большой мечтатель.

VIII.

Ночь. Въ Володиной комнатѣ темно. Володя улегся въ свою постель, но ему не спится. Онъ лежитъ на спинѣ, и смотритъ на потолокъ.

По улицѣ идетъ кто-то съ фонаремъ. Вотъ по толку пробѣгаетъ его тѣнь среди красныхъ свѣтовыхъ пятенъ отъ фонаря. Видно, что фонарь качается въ рукахъ прохожаго,—тѣнь колыхается неровно и трепетно.

Володѣ становится почему-то жутко и страшно. Онъ быстро натягиваетъ одѣяло на голову и, весь содрогаясь отъ торопливости, ложится поскорѣе на правый бокъ, и принимается мечтать.

Ему становится тепло и нѣжно. Въ головѣ его складываются милыя, наивныя мечты, тѣ мечты, которыя посѣщаютъ его передъ сномъ.

Часто, когда онъ ляжетъ спать, ему дѣлается вдругъ страшно, онъ словно становится меньше и слабѣе,—и прячется въ подушки, забываетъ мальчишескія ухватки, дѣлается нѣжнымъ, ласковымъ, и ему хочется обнять и зацѣловать маму.

IX.

Сгущались сѣрыя сумерки. Тѣни сливались. Володѣ было грустно.

Но вотъ и лампа. Свѣтъ пролился на зеленое сукно стола, по стѣнѣ прошмыгнули неопредѣленные, милыя тѣни.

Володя почувствовалъ приливъ радости и одушевленія, и заторопился вынуть сѣренькую книжку.

Быкъ мычить... Барышня звонко хохочеть... Какіе злые, круглые глаза дѣлаеть этотъ лысый господинъ!

Теперь свое.

Степь. Странникъ съ котомкою. Кажется, слышна печальная, тягучая дорожная пѣсня...

Володѣ радостно и грустно.

Х.

— Володя, я ужъ третій разъ вижу у тебя эту книжку. Что-жь, ты цѣлыми вечерами на свои пальцы любишь?

Володя неловко стоялъ у стола, какъ пойманный шалунъ, и вертѣлъ книжку въ горячихъ пальцахъ.

— Дай мнѣ ее сюда!—сказала мама.

Володя сконфуженно протянулъ ей книжку. Мама взяла ее, и молча ушла,—а Володя усѣлся за тетрадки.

Ему было стыдно, что онъ своимъ упрямствомъ огорчилъ маму, и досадно, что она отняла отъ него книжку, и еще стыдно, что онъ довель себя до этого. Онъ чувствовалъ себя очень неловко, и досада на маму терзала его: ему совѣстно было сердиться на маму, но онъ не могъ не сердиться. И оттого, что сердиться было совѣстно, онъ еще болѣе сердился.

«Ну, пусть отняла,—подумалъ онъ наконецъ,—а я и такъ обойдусь».

И въ самомъ дѣлѣ, Володя уже зналъ фигуры на память, и пользовался книжкою только такъ, для вѣрности.

ХІ.

Мама принесла къ себѣ книжку съ рисунками тѣней, раскрыла ихъ,—и задумалась.

«Что-же въ нихъ заманчиваго?—думала она.—Вѣдь онъ—умный, хорошій мальчикъ,—и вдругъ увлекается такими пустяками!

«Нѣтъ, ужъ это, значитъ, не пустяки!..

«Что-же, что тутъ?» — настойчиво спрашивала она себя.

Странная боязнь зарождалась въ ней,—какое-то неприязненное, робкое чувство къ этимъ чернымъ рисункамъ.

Она встала, и зажгла свѣчу. Съ сѣренькою книжкою въ рукахъ подошла она къ стѣнѣ, и приостановилась въ боязливой тоскѣ.

«Да, надо-же наконецъ узнать, въ чемъ здѣсь дѣло»,—рѣшила она, — и принялась дѣлать тѣни, отъ первой до послѣдней.

Она настойчиво, внимательно складывала пальцы и сгибала руки, пока не получала той фигуры, какая была ей нужна. Смутное, боязливое чувство шевелилось въ ней. Она старалась его преодолѣть. Но боязнь росла и чаровала ее. Руки ея дрожали, а мысль, запуганная сумерками жизни, бѣжала навстрѣчу грозящимъ печалямъ.

Вдругъ услышала она шаги сына. Она вздрогнула, спрятала книжку, и погасила свѣчу.

Володя вошелъ, и остановился у порога, смущенный тѣмъ, что мама строго смотритъ на него и стоитъ у стѣны въ неловкомъ, странномъ положеніи.

— Что тебѣ?—спросила мама суровымъ, неровнымъ голосомъ.

Смутная догадка пробѣжала въ Володиной головѣ, но Володя поторопился ее отогнать, и заговорилъ съ мамою.

XII.

Володя ушелъ.

Мама прошла нѣсколько разъ по комнатѣ. Она замѣтила, что за нею на полу движется ея тѣнь, и— странное дѣло! — первый разъ въ жизни ей сдѣлалось неловко отъ этой тѣни. Мысль о томъ, что есть тѣнь, безпрестанно приходила ей въ голову,—но Евгенія Степановна почему-то боялась этой мысли, и даже старалась не глядѣть на тѣнь.

А тѣнь ползла за нею, и дразнила ее. Евгенія Степановна пыталась думать о другомъ,—напрасно.

Она внезапно остановилась, блѣдная, взволнованная.

— Ну, тѣнь, тѣнь! — воскликнула она вслухъ, со страннымъ раздраженіемъ топая ногами,—ну что-же изъ того? что-же?

И вдругъ сразу сообразила, что глупо такъ кричать и топать ногами, и притихла.

Она подошла къ зеркалу. Ея лицо было блѣднѣе обыкновеннаго, и губы ея дрожали испуганною злобою.

«Нервы,—подумала она:—надо взять себя въ руки».

XIII.

Ложились сумерки. Володя размечтался.

— Пойдемъ, погуляемъ, Володя,—сказала мама.

Но и на улицѣ были повсюду тѣни, вечернія, таинственныя, неуловимыя,—и онѣ шептали Володѣ что-то родное и безконечно печальное.

Въ туманномъ небѣ проглянули двѣ-три звѣзды, такія далекія и чужія и Володѣ и обступившимъ его тѣнямъ. Но Володя, чтобъ сдѣлать пріятное мамѣ, сталъ думать объ этихъ звѣздахъ: только онѣ однѣ были чужды тѣнямъ.

— Мама, — сказалъ онъ, не замѣчая, что перебилъ маму, которая говорила ему о чемъ-то, — какъ жаль, что нельзя добраться вотъ до этихъ звѣздъ.

Мама взглянула на небо, и отвѣтила:

— Да и не надо. Только на землѣ намъ и хорошо, тамъ—другое.

— А какъ онѣ слабо свѣтятъ! Впрочемъ, тѣмъ и лучше.

— Почему?

— Вѣдь если-бы они сильнѣе свѣтили, такъ и отъ нихъ побѣжали-бы тѣни.

— Ахъ, Володя, зачѣмъ ты все только о тѣняхъ и думаешь?

— Я, мама, нечаянно,—сказалъ Володя раскaiвающимся голосомъ.

XIV.

Володя все еще старался готовить уроки по-лучше,—онъ боялся огорчить маму лѣнностью. Но всю силу своей фантазіи онъ употреблялъ на то, чтобы вечеромъ уставить на своемъ столѣ груду предметовъ, которая отбросила бы новую, причудливую тѣнь. Онъ раскладывалъ такъ и этакъ все, что было у него подъ ру-

ками, и радовался, когда на бѣлой стѣнѣ появлялись очертанія, которыя можно было осмыслить. Эти тѣневые очертанія становились близки ему и дороги. Они не были нѣмы, они говорили, — и Володя понималъ ихъ лепечущій языкъ.

Онъ понималъ, на что ропщеть этотъ унылый пѣше-ходъ, бредущій по большой дорогѣ въ осеннюю сля-коть, съ клюкою въ дрожащихъ рукахъ, съ котомкою на понурой спинѣ.

Онъ понималъ, на что жалуется морознымъ тре-скомъ сучьевъ занесенный снѣгомъ лѣсъ, тоскующій въ зимнемъ затишьѣ, и про что каркаетъ медленный воронъ на посѣдѣломъ дубѣ, и о чемъ груститъ су-етливая бѣлка надъ опустѣлымъ дупломъ.

Онъ понималъ, о чемъ на тоскливомъ осеннемъ вѣтрѣ плачутъ нищія старухи, дряхлыя, безпріютныя, которыя въ ветхихъ лохмотьяхъ дрожатъ на тѣсномъ кладбищѣ, среди шаткихъ крестовъ и безнадежно черныхъ могилъ.

Самозабвеніе и томительная грусть!

XV.

Мама замѣчала, что Володя продолжаетъ шалить.

За обѣдомъ она сказала:

— Хоть бы ты, Володя, другимъ чѣмъ заинтересо-вался.

— Да чѣмъ?

— Почиталъ бы.

— Да, начнешь читать, а самого такъ и тянетъ дѣ-лать тѣни.

— Забаву бы придумалъ другую,—хоть мыльные пузыри.

Володя грустно улыбнулся.

— Да, пузыри полетятъ, а за ними тѣни по стѣнѣ.

— Володя, вѣдь ты этакъ въ конецъ разстроишь себѣ нервы. Вѣдь я вижу,—ты даже похудѣлъ изъ-за этого.

— Мама, ты преувеличиваешь!

— Пожалуйста!.. Вѣдь я знаю,—ты по ночамъ сталъ плохо спать, и бредишь иногда. Ну, представь, если ты захвораешь!

— Вотъ еще!

— Не дай Богъ, сойдешь съ ума или умрешь,—какое мнѣ горе будетъ!

Володя засмѣялся, и кинулся на шею къ мамѣ.

— Мамочка, я не умру. Я больше не буду.

Мама замѣтила, что Володя уже плачетъ.

— Ну, полно,—сказала она,—Богъ милостивъ. Вотъ видишь, какой ты сталъ нервный,—и смѣешься, и плачешь.

XVI.

Мама пристально, боязливо всматривалась въ Володю. Всякія мелочи теперь волновали ее.

Она замѣтила, что Володина голова слегка несимметрична: одно ухо было выше другого, подбородокъ немного отклоненъ въ сторону. Мама смотрѣла въ зеркало, и замѣчала, что Володя и въ этомъ похожъ на нее.

«Можетъ быть,—думала она,—это—одинъ изъ признаковъ дурной наслѣдственности, вырожденія? И въ

комъ тогда корень зла? Я-ли—такая неуравновѣшенная? Или отецъ?»

Евгенія Степановна вспомнила покойнаго мужа. Это былъ добрейшій и милѣйшій человекъ, слабовольный, съ бессмысленными порываніями куда-то, то восторженно, то мистически настроенный, грезившій о лучшемъ общественномъ устройствѣ, ходившій въ народъ, — и пившій запоемъ въ послѣдніе годы жизни.

Онъ былъ молодъ, когда умеръ,—ему было тогда всего тридцать-пять лѣтъ.

Мама даже свела Володю къ врачу, и описала его болѣзнь. Врачъ, жизнерадостный молодой человекъ, выслушалъ ее, посмѣиваясь, далъ кой-какіе совѣты относительно діеты и образа жизни, сопровождая ихъ шутливыми прибаутками, весело настрочилъ «рецептикъ микстурки», и игриво прибавилъ, похлопывая Володю по спинѣ:

— А самое лучшее лѣкарство—посѣчь бы.

Мама жестоко обидѣлась за Володю, но всѣ остальные предписанія выполнила въ точности.

XVII.

Володя сидѣлъ въ классѣ. Ему было скучно. Онъ слушалъ невнимательно.

Онъ поднималъ глаза. На потолокъ къ передней стѣнѣ класса двигалась тѣнь. Володя замѣтилъ, что она падаетъ изъ перваго окна. Сначала она легла отъ окна къ серединѣ класса, а потомъ быстро пропшмыгнула отъ Володи впередъ, — очевидно, на улицѣ подъ окномъ шель кто-то. Когда еще эта тѣнь двигалась, отъ втораго окна упала другая тѣнь, тоже сначала къ задней

стѣнѣ, потомъ начала быстро поворачиваться къ передней. Тоже повторилось въ третьемъ и четвертомъ окнѣ,— тѣни падали въ классъ, на потолокъ, и по мѣрѣ того, какъ прохожій подвигался впередъ, онѣ тянулись назадъ.

«Да,—подумалъ Володя,—это не такъ, какъ въ открытомъ мѣстѣ, гдѣ тѣнь тянется за человѣкомъ; здѣсь, когда человѣкъ идетъ впередъ, тѣнь скользитъ назадъ, и другія тѣни уже опять встрѣчаютъ его впереди.»

Володя перевелъ глаза на сухую фигуру учителя. Холодное, желтое лицо учителя раздражаетъ Володю. Володя ищетъ его тѣнь, и находитъ ее на стѣнѣ, за учительскимъ стуломъ. Тѣнь уродливо перегибается и колыхается,—но у нея нѣтъ желтаго лица и язвительной усмѣшки, и Володѣ приятно смотрѣть на нее. Мысли его убѣгаютъ куда-то далеко,—и онъ уже совсѣмъ ничего не слышитъ.

— Ловлевы!—называетъ его учитель.

Володя по привычкѣ подымается, и стоитъ, тупо глядя на учителя. У него такой нездѣшнй видъ, что товарищи смѣются, а учитель дѣлаетъ укоризненное лицо.

Потомъ Володя слышитъ, что учитель издѣвается надъ нимъ вѣжливо и зло. Володя дрожитъ отъ обиды и отъ безсилія. Потомъ учитель объявляетъ ему, что ставить ему единицу за незнаніе и невнимательность, и приглашаетъ его садиться.

Володя глупо улыбается, и принимается соображать, что съ нимъ случилось.

XVIII.

Единица, первая въ Володиной жизни!
Какъ это было странно для Володи!

— Ловлевъ!—дразнятъ его товарищи, смѣясь и толкаясь:—схватилъ колъ! Съ праздникомъ!

Володѣ неловко. Онъ еще не знаетъ, какъ слѣдуетъ вести себя въ такихъ случаяхъ.

— Ну, схватилъ,—досадливо говоритъ онъ,—тебѣ-то что за дѣло!

— Ловлевъ! — кричитъ ему лѣнивый Снегиревъ:—нашего полку прибыло!

Первая единица! И ее надо было показать мамѣ.

Это было стыдно и унижительно. Володя чувствовалъ на своей спинѣ въ ранцѣ странную тяжесть и неловкость,—этотъ «колъ» пренеудобно торчалъ въ его сознаниі, и никакъ не вязался ни съ чѣмъ въ его умѣ.

Единица!

Онъ не могъ привыкнуть къ мысли объ единицѣ, и не могъ думать ни о чемъ другомъ. Когда городской близъ гимназіи посмотрѣлъ на него, по обычаю своему, строго, Володя почему-то подумалъ:

«А вотъ, если бы ты зналъ, что у меня единица!»

Это было совсѣмъ неловко и непривычно, — Володя не зналъ, какъ ему держать голову и куда дѣвать руки,—во всемъ тѣлѣ была неловкость.

И еще надо было принимать передъ товарищами беззаботный видъ и говорить о другомъ!

Товарищи! Володя былъ увѣренъ, что всѣ они ужасно рады его единицѣ.

XIX.

Мама посмотрѣла на единицу, перевела непонимающіе глаза на Володю, опять взглянула на отмѣтку, и тихо воскликнула:

— Володя!

Володя стоялъ передъ нею, и уничтожался. Онъ смотрѣлъ на складки маминаго платья, на мамины блѣдныя руки, и чувствовалъ на своихъ трепетныхъ вѣкахъ ея испуганные взгляды.

— Что это? — спросила мама.

— Ну что-жъ, мама,—вдругъ заговорилъ Володя,— вѣдь это-жъ первая!

— Первая!

— Ну, вѣдь это со всякимъ можетъ быть. И, право, это печально.

— Ахъ, Володя, Володя!

Володя заплакалъ, по-ребячьи размазывая слезы ладонью по щекамъ.

— Мамочка, не сердись,—зашепталъ онъ.

— Вотъ твои тѣни! — сказала мама.

Въ ея голосѣ Володѣ слышались слезы. Сердце его сжалось. Онъ взглянулъ на маму. Она плакала. Онъ бросился къ ней.

— Мама, мама,—повторялъ онъ, цѣлуя ея руки,—я брошу, право, брошу всякія тѣни.

XX.

Володя сдѣлалъ громадное усиліе воли,—и не занимался тѣнями, какъ его ни тянуло къ нимъ. Онъ старался наверстать пропущенное изъ уроковъ.

Но тѣни настойчиво мерещились ему. Пусть онъ не вызывалъ ихъ, складывая пальцы, пусть онъ не громоздилъ предметъ на предметъ, чтобъ они отбросили тѣнь на стѣнѣ,—тѣни сами обступали его, назойливыя, неотвязныя.

Володѣ уже незанимательны стали предметы, онъ

ихъ почти и не видѣль,—все его вниманіе уходило на ихъ тѣни.

Когда онъ шелъ домой, и солнце, бывало, проглянетъ изъ осеннихъ тучъ хоть въ дымчатой ризкѣ,—онъ радовался, что повсюду побѣжали тѣни.

Тѣни отъ лампы стояли около него, когда онъ вечеромъ былъ дома.

Тѣни вездѣ вокругъ, — рѣзкія тѣни отъ огней, смутныя отъ разсѣяннаго дневного свѣта,—всѣ онѣ тѣснились къ Володѣ, скрещивались, обволакивали его неразрывною сѣтью.

Нѣкоторыя изъ нихъ были непонятны, загадочны, другія напоминали что-то, на что-то намекали,—но были и милыя тѣни, близкія, знакомыя,—вотъ ихъ-то и самъ Володя, хотя и мимовольно, искалъ и ловилъ повсюду въ беспорядочномъ мельканіи чуждыхъ тѣней.

Но грустны были эти милыя и знакомыя тѣни.

Когда же замѣчалъ Володя, что самъ онъ ищетъ этихъ тѣней, онъ терзался совѣстью, и шелъ каяться къ мамѣ.

Случилось однажды, что Володя не одолѣлъ соблазна, пристроился къ стѣнкѣ, и началъ показывать себѣ бычка. Мама застала его.

— Опять!—сердито воскликнула она.—Нѣтъ, я наконецъ попрошу директора, чтобъ тебя сажали въ карцеръ.

Володя досадливо покраснѣлъ, и угрюмо отвѣтилъ:

— И тамъ есть стѣна. Вездѣ стѣна.

— Володя! — горестно воскликнула мама,—что ты говоришь!

Но Володя уже кается въ своей грубости, и плачетъ.

— Мама, я самъ не знаю, что со мною дѣлается.

XXI.

А мама все не можетъ одолѣть своего суевѣрнаго страха тѣней. Ей все чаще думается, что она, какъ Володя, погрузится въ созерцаніе тѣлей, но она старается утѣшить себя.

— Какія глупыя мысли!—говоритъ она себѣ.—Все обойдется, дастъ Богъ, благополучно: напалится и перестанетъ.

А сердце замираетъ отъ тайнаго ужаса, и настойчиво забѣгаетъ ея мысль, пугливая передъ жизнью, навстрѣчу будущимъ печалямъ.

Въ тоскливыя минуты утра она повѣряетъ свою душу, вспоминаетъ свою жизнь,—и видитъ ея пустоту, ненужность, безцѣльность. Одно только бессмысленное мельканіе тѣней, сливающихся въ густѣющихъ сумеркахъ.

«Зачѣмъ я жила?—спрашиваетъ она себя:—для сына? Но для чего? Чтобы и онъ сталъ добычею тѣней, маниакомъ съ узкимъ горизонтомъ,—прикованный къ иллюзіямъ, къ бессмысленнымъ отраженіямъ на безжизненной стѣнѣ?»

«И онъ тоже войдетъ въ жизнь, и дастъ жизнь ряду существованій, призрачныхъ и ненужныхъ, какъ сонъ».

Она садится въ кресло у окна, и думаетъ, думаетъ.

Мысли горькія, тягучія.

Она заламываетъ въ тоскѣ прекрасныя, бѣлыя руки. Мысли ея разбѣгаются. Она смотритъ на свои заломленныя руки, и начинаетъ соображать, какія изъ этого могли-бы выйти фигуры на тѣни. Она ловитъ себя на этомъ, и въ испугѣ вскакиваетъ.

— Боже мой!—воскликаетъ она:— да вѣдь это— безуміе!

XXII.

За обѣдомъ мама смотритъ на Володю.

«Онъ поблѣднѣлъ и похудѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ ему попалась эта несчастная книжка. И весь онъ перемѣнился,—характеромъ, и всѣмъ.

«Говорятъ, характеръ передъ смертью мѣняется. Что, если онъ умретъ?»

«Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, не дай, Господи!»

Ложка задрожала въ ея рукѣ. Она подняла къ образу боязливые глаза.

— Володя, да отчего-жъ ты не доѣлъ супа?—испуганно спрашиваетъ она.

— Не хочется, мама.

— Володя, не капризничай, голубчикъ,—вѣдь это же вредно—не ѣсть супу.

Володя лѣниво улыбается, и медленно кончаетъ супъ. Мама налила ему слишкомъ полную тарелку. Онъ откидывается на спинку стула, и хочетъ сказать съ досады, что супъ былъ невкусенъ. Но у мамы такое обезпокоенное лицо, что Володя не смѣетъ говорить объ этомъ, и блѣдно улыбается.

— Теперь я сытъ,—говоритъ онъ.

— Ахъ, нѣтъ, Володя, сегодня все твое любимое.

Володя печально вздыхаетъ: онъ уже знаетъ, что если мама говорить о его любимыхъ блюдахъ, то это значить: будетъ его пичкать. Онъ догадывается что и за чаемъ мама заставитъ его, какъ и вчера, ѣсть мясо.

XXIII.

Вечеромъ мама говорить Володѣ:

— Володя, милый мой, ты опять увлечешься,—ужь лучше ты не затворяй дверей!

Володя принимается за уроки. Но ему досадно, что за его спиною открытая дверь, и что мама иногда проходитъ мимо этой двери.

— Я такъ не могу,—кричитъ онъ, шумно отодвигая стулъ,—я не могу ничѣмъ заняться, когда дверь настежь.

— Володя, зачѣмъ же ты кричишь?—ласково укоряетъ мама.

Володя уже раскисивается, и плачетъ. Мама ласкаетъ его, и уговариваетъ:

— Вѣдь я, Володенька, о тебѣ забочусь, чтобы помочь тебѣ справиться съ твоимъ увлеченіемъ.

— Мама, посиди здѣсь,—проситъ Володя.

Мама беретъ книгу, и садится у Володиного стола. Нѣсколько минутъ Володя работаетъ спокойно. Но фигура мамы начинаетъ понемногу раздражать его.

«Точно надъ больнымъ!»—злбно думаетъ онъ.

Его мысли перебиваются, онъ досадливо двигается и кусаетъ губы. Мама наконецъ замѣчаетъ это, и уходитъ изъ комнаты.

Но Володя не чувствуетъ облегченія. Онъ терзается

раскаяніемъ, что показалъ свое нетерпѣніе. Онъ пробуетъ заниматься,—и не можетъ. Наконецъ, онъ идетъ за мамою.

— Мама, зачѣмъ же ты ушла?—робко спрашиваетъ онъ.

XXIV.

Ночь подъ праздникъ. Передъ образами теплятся лампы.

Поздно и тихо. Мама не спитъ. Въ таинственномъ сумракѣ спальни она стоитъ на колыняхъ, молится и плачетъ, всхлипывая по-дѣтски.

Ея косы бѣгутъ на бѣлое платье; плечи ея вздрагиваютъ. Умоляющимъ движеніемъ подымаетъ она руки къ груди, и заплаканными глазами смотритъ на икону. Лампада на цѣпяхъ еле замѣтно зыблется отъ ея горячаго дыханія. Тѣни колышатся, толпятся въ углахъ, шевелятся за кіотомъ, и лепечутъ что-то тайное. Безнадежная тоска въ ихъ лепетѣ, неизъяснимая грусть въ ихъ медленно зыбкихъ колыханіяхъ.

Мать встаетъ, блѣдная, съ широкими, странными глазами, и колеблется на ослабѣвшихъ ногахъ.

Тихо идетъ она къ Володѣ. Тѣни обступаютъ ее, мягко шуршатъ за ея спиною, ползутъ у ея ногъ, падаютъ, легкія, какъ паутина, къ ней на плечи и, заглядывая въ ея широкіе глаза, лепечутъ непонятное.

Она осторожно подходитъ къ кровати сына. Въ лучахъ лампы лицо его блѣдно. На немъ лежатъ рѣзкія, странныя тѣни. Не слышно дыханія,—онъ спитъ такъ тихо, что мамѣ страшно.

Она стоитъ, окруженная смутными тѣнями, обвиняемая смутными страхами.

XXV.

Высокіе церковные своды темны и таинственны. Вечерніе пѣсни поднимаются къ этимъ сводамъ, и звучать тамъ торжественною грустью. Таинственно, строго смотрятъ темные образа, озаренные желтыми огоньками восковыхъ свѣчей. Теплое дыханіе воска и ладана наполняетъ воздухъ величавою печалью.

Евгенія Степановна поставила свѣчу передъ иконою Богоматери, и стала на колѣни. Но молитва ея разсѣяна. Она смотритъ на свою свѣчу. Огонь ея зыблется. Тѣни отъ свѣчъ падаютъ на черное платье Евгеніи Степановны и на полъ, и отрицательно колышутся.

Тѣни рѣютъ по стѣнамъ церкви, и утопаютъ вверху, въ этихъ темныхъ сводахъ, гдѣ звучать торжественныя, печальныя пѣсни.

XXVI.

Другая ночь.

Володя проснулся. Темнота обступила его, и беззвучно шевелится.

Володя высвободилъ руки, поднялъ ихъ, и шевелитъ ими, устремляя на нихъ глаза. Въ темнотѣ онъ не видитъ своихъ рукъ, но ему кажется, что темныя шевелятся передъ его глазами...

Черныя, таинственныя, несущія въ себѣ скорбь и лепетъ одинокой тоски...

А мамѣ тоже не спится,---тоска томить ее.

Мама зажигаетъ свѣчу, и тихонько идетъ въ комнату сына, взглянуть, какъ онъ спитъ.

Неслышно пріотворила она дверь, и робко глянула на Володину кровать.

Лучъ желтаго свѣта дрогнулъ на стѣнѣ, пересѣкая Володино красное одѣяло. Мальчикъ тянется руками къ свѣту, и съ бьющимся сердцемъ слѣдитъ за тѣнями. У него даже нѣтъ вопроса: откуда свѣтъ?

Онъ весь поглощенъ тѣнями. Глаза его, прикованные къ стѣнѣ, полны стремительнаго безумія.

Полоса свѣта ширится, тѣни бѣгутъ, угрюмыя, сгорбленныя, какъ безпріютныя путницы, торопящіяся донести куда-то ветхій скорбь, который бременить ихъ плечи.

Мама подошла къ кровати, дрожа отъ ужаса, и тихо окликнула сына:

— Володя!

Володя очнулся. Съ полминуты глядѣлъ онъ на маму широкими глазами, потомъ весь затрепеталъ, соскочилъ съ постели, и упалъ къ маминымъ ногамъ, обнимая ея колѣни и рыдая.

— Какіе сны тебѣ снятся, Володя!—горестно воскликнула мама.

XXVII.

— Володя,—сказала мама за утреннимъ чаемъ,—такъ нельзя, голубчикъ; ты совсѣмъ изведешься, если и по ночамъ будешь ловить тѣни.

Блѣдный мальчикъ грустно опустилъ голову. Губы его нервно вздрагивали.

— Знаешь, что мы сдѣлаемъ?—продолжала мама.—Мы лучше каждый вечеръ вмѣстѣ понемножку поиграемъ тѣнями, а потомъ и за уроки присядемъ. Хорошо?

Володя слегка оживился.

— Мамочка, ты—милая!—застѣнчиво сказалъ онъ.

XXVIII.

На улицѣ Володя чувствовалъ себя сонно и пугливо. Разстилался туманъ, было холодно, грустно. Очерки домовъ въ туманѣ были странны. Угрюмыя фигуры людей двигались подъ туманною дымкою, какъ зловѣщія непривѣтливыя тѣни. Все было громадно необычайно. Лошадь извозчика, который дремалъ на перекресткѣ, казалась изъ тумана огромнымъ, невиданнымъ звѣремъ.

Городовой посмотрѣлъ на Володю враждебно. Ворона на низкой крышѣ пророчила Володѣ печаль. Но печаль была уже въ его сердцѣ,—ему грустно было видѣть, какъ все враждебно ему.

Собаченка съ облѣзлой шерстью затыкала на него изъ подворотни,—и Володя почувствовалъ странную обиду.

И уличные мальчишки, казалось, хотѣли обидѣть и осмѣять Володю. Въ былое время онъ бы лихо расправился съ ними, а теперь боязнь тѣснилась въ его груди, и оттягивала внизъ обезсилѣвшія руки.

Когда Володя вернулся домой, Прасковья отворила ему дверь, и посмотрѣла на него угрюмо и враждебно. Володѣ сдѣлалось неловко. Онъ поскорѣе ушелъ въ комнаты, не рѣшаясь поднять глазъ на унылое Прасковьино лицо.

Мама сидѣла у себя одна. Были сумерки,—и было скучно.

Гдѣ-то мелькнулъ свѣтъ.

Володя вбѣжалъ, оживленный, веселый, съ широкими, немного дикими глазами.

— Мама, лампа горитъ, поиграемъ немножко.

Мама улыбается, и идетъ за Володею.

— Мама, я придумалъ новую фигуру,—взволнованно говоритъ Володя, устанавливая лампу.—Погляди... Вотъ видишь? Это—степь, покрытая снѣгомъ,—и снѣгъ идетъ, мятель.

Володя поднимаетъ руки, и складываетъ ихъ.

— Теперь, вотъ видишь, старикъ прохожій. По колѣни въ снѣгу. Трудно итти. Одинъ. Чистое поле. Деревня далеко. Онъ усталъ, ему холодно, страшно. Онъ весь согнулся,—старый такой.

Мама поправляетъ Володины пальцы.

— Ахъ!—въ восторгѣ восклицаетъ Володя,—вѣтеръ рветъ съ него шапку, развѣваетъ волосы, зарываетъ его въ снѣгъ. Сугробы все выше. Мама, мама, слышишь?

Вьюга.

А онъ?

Старикъ?

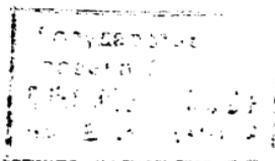
— Слышишь, стонетъ?

— Помогите!

Оба блѣдные, смотрятъ они на стѣну. Володины руки колеблются,—старикъ падаетъ.

Мама очнулась первая.

— Пора и за дѣло,—говоритъ она.

XXX.

Утро. Мама дома одна. Погруженная въ безсвязныя, тоскливыя думы, она ходитъ изъ комнаты въ комнату,

На бѣлой двери обрисовалась ея тѣнь, смутная въ разсѣянныхъ лучахъ затуманеннаго солнца. Мама оставилась у двери, и подняла руку широкимъ, страннымъ движеніемъ. Тѣнь на двери заколебалась, и зашептала о чемъ-то знакомомъ и грустномъ. Странная отрада разлилась въ душѣ Евгеніи Степановны, и она двигала обѣими руками, стоя передъ дверью, улыбалась дикою улыбкою, и слѣдила мельканіе тѣни.

Послышались Прасковьины шаги, и Евгенія Степановна вспомнила, что она дѣлаетъ нелѣпое.

Опять ей страшно и тоскливо.

«Надо перемѣнить мѣсто,—думаетъ она: — уѣхать куда-нибудь подальше, гдѣ будетъ новое.

«Бѣжать отсюда, бѣжать!»

И вдругъ вспоминаются ей Володины слова:

— И тамъ будетъ стѣна. Вездѣ стѣна.

„Некуда бѣжать!“

Въ отчаяніи она ломаетъ блѣдныя, прекрасныя руки.

XXXI

Вечеръ.

Въ Володиной комнатѣ на полу горитъ лампа. За нею у стѣны на полу сидятъ мама и Володя. Они смотрятъ на стѣну, и дѣлаютъ руками странныя движенія.

По стѣнѣ бѣгутъ и зыблются тѣни.

Володя и мама понимаютъ ихъ. Они улыбаются грустно, и говорятъ другъ другу что-то томительное и

невозможное. Лица ихъ мирны, и грезы ихъ ясны,—
ихъ радость безнадежно печальна, и дико радостна ихъ
печаль.

Въ глазахъ ихъ свѣтится безуміе, блаженное безуміе.

Надъ ними опускается ночь.

ЧЕРВЯКЪ.

I.

Ванда, смуглая и рослая дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, вернулась изъ гимназіи румяная съ мороза и веселая. Шумно бѣгала она по комнатамъ, задѣвая и толкая подругъ. Онѣ опасливо унимали ее, но и сами заражались ея веселостью, и бѣгали за нею. Онѣ, однако, робко останавливались, когда мимо нихъ проходила Анна Григорьевна Рубоносова, учительница, у которой дѣвочки жили на квартирѣ. Анна Григорьевна сердито ворчала, хлопотливо перебѣгая изъ кухни въ столовую и обратно. Она была недовольна и тѣмъ, что обѣдъ еще не готовъ, а Владимиръ Ивановичъ, мужъ Анны Григорьевны, долженъ сейчасъ вернуться изъ должности, и тѣмъ, что Ванда шалила.

— Нѣтъ,—досадливо говорила Анна Григорьевна,— послѣдній годъ держу васъ. И въ гимназіи-то вы мнѣ надоѣли до смерти, да и тутъ съ вами возись. Нѣтъ, будетъ съ меня, намаялась.

Зеленоватое лицо Анны Григорьевны принимало злое выраженіе, желтые клыки ея выставлялись изъ подъ верхней губы, и она мимоходомъ больно щипала Ванду за руку. Ванда ненадолго стихала, — дѣвочки боялись

Анны Григорьевны, — но скоро снова комнаты дома Рубо- носовыхъ оглашались смѣхомъ и гулкою бѣготнею.

У Рубоносовыхъ былъ собственный домъ, деревян- ный, одноэтажный, который они недавно построили, и которымъ очень гордились. Владимиръ Иванычъ слу- жилъ въ губернскомъ правленіи, Анна Григорьевна — въ женской гимназіи. Дѣтей у нихъ не было, и потому, можетъ быть, Анна Григорьевна часто имѣла злой и раздраженный видъ. Она любила щипаться. Ей было кого щипать: Рубоносовы держали на квартирѣ каждый годъ нѣсколько гимназистокъ, изъ пріѣзжихъ, и у нихъ жила сестра Анны Григорьевны, Женя, дѣвочка лѣтъ три- надцати, маленькая и худенькая, съ костлявыми пле- чами и большими холодными губами блѣдно-малино- ваго цвѣта, похожая на старшую сестру, какъ молодая лягушка бываетъ похожа на старую. Нынче, кромѣ Жени, у Рубоносовыхъ жили еще четыре дѣвочки: Ванда Та- мулевичъ, дочь лѣсничаго въ одномъ изъ далекихъ уѣздовъ Лубянской губерніи, веселая дѣвочка съ боль- шими глазами, втайнѣ тосковавшая по родинѣ и всегда къ концу зимы (она жила у Рубоносыхъ третій годъ) замѣтно хирѣвшая отъ этого, — Катя Рамнева, самая старшая и смышленная изъ дѣвочекъ, — смѣшливая, черноглазая Саша Епифанова, — и лѣнивая русоволосая красавица Дуня Хвастуновская, обѣ лѣтъ по тринадцати.

У Ванды была причина веселиться: она сегодня по- лучила «пятерку» по самому трудному для нея пред- мету. Ванѣ всегда трудно и скучно было пригото- влять тѣ уроки, которые надо было брать памятью. Слу- чалось часто, что во время заучиванія неинтересныхъ вещей мысли ея разбѣгались, и мечта уносила ее въ таинственно-тихіе, ослѣженные лѣса, гдѣ, бывало, несли

ее съ отцомъ легкія санки, гдѣ наклонялись надъ нею толстыя отъ снѣга вѣтви сумрачно-молчаливыхъ елей, гдѣ бодрый морозный воздухъ вливался въ грудь такими веселыми, такими острыми струями. Ванда мечтала, часы летѣли, урокъ оставался невыученнымъ,— и утромъ наскоро прочитывала его Ванда, и отвѣчала, если спрашивали, кой-какъ, на «тройку».

Но вчера былъ удачный вечеръ: Ванда ни разу не вспомнила далекихъ лѣсовъ своей родины. Сегодня она отвѣтила урокъ «батьшкѣ» слово въ слово по книгѣ: отецъ законоучитель придерживался стараго способа, какъ его самого обучали лѣтъ сорокъ назадъ. Батьшка ее похвалилъ, назвалъ «молодецъ-дѣвка», и поставилъ ей пять.

Вотъ почему теперь Ванда буйно носилась по комнатамъ, дразнила угрюмаго пса Нерона, который, впрочемъ, съ снисходительною важностью относился къ ея шаловливымъ выходкамъ, хохотала, и тормозила подругъ. Отъ быстрыхъ движеній у нея захватывало дыханіе, но радость поднимала ее, и заставляла бѣсноваться. Съ разбѣгу Ванда налетѣла на суетливую служанку Маланью, и выбила у нея изъ рукъ тарелку, но ловко подхватила ее на лету.

— О, чтобъ тебя, оглашенная!—сердито окрикнула ее Маланья.

— Ванда, перестанешь-ли шалить!—прикрикнула на нее и Анна Григорьевна,—разобьешь еще что-нибудь.

— Не разобью,—весело крикнула Ванда,—я ловкая.

Она завертѣлась на каблукахъ, махнула руками, зацѣпила любимую чашку Владимира Ивановича, которая стояла на краю обѣденнаго стола, — и замерла отъ ужаса: послышался звонъ разбитаго фар-

фора, беспощадно-ясный и веселый, по полу покатились разноцвѣтные осколки разбитой чашки. Ванда стояла надъ черепками, прижимая руки къ груди; ея черные бойкіе глаза отъ испуга приняли безумное выраженіе, и смуглыя полныя щеки внезапно поблѣднѣли. Дѣвочки притихли и столпились вокругъ Ванды, пуливно разглядывая осколки.

— Вотъ и дошались! — наставительно сказала Женя.

— Задасть тебѣ Владимиръ Ивановичъ, — замѣтила Катя.

Сашѣ Епифановой вдругъ сдѣлалось смѣшно; она фыркнула и закрыла ротъ рукою, какъ дѣлала всегда, чтобъ не очень разсмѣяться. Анна Григорьевна, заслышавши звонъ, прибѣжала изъ кухни, восклицая:

— Что здѣсь такое?

Дѣвочки молчали. Ванда затрепетала. Анна Григорьевна увидѣла черепки.

— Этого только не хватало! — воскликнула она, и злые глазки ея тускло засверкали. — Кто это сдѣлалъ? Говорите сейчасъ! Это твои штуки, Ванда?

Ванда молчала. Женя отвѣтила за нее:

— Это она здѣсь прыгала, и вертѣлась у самаго стола, махнула руками, задѣла за чашку, чашка и разбилась. А мы ее всѣ унимали, чтобъ она не шалила.

— А, вотъ что! Благодарю покорно! — зашипѣла Анна Григорьевна, зеленѣя и грозя Вандѣ желтыми клыками.

Ванда порывисто бросилась къ Аннѣ Григорьевнѣ, обхватила ее дрожащими руками за плечи, и упрашивала:

— Анна Григорьевна, голубушка, не говорите Владимиру Иванычу!

— Да, Владимиръ Иванычъ не увидитъ!—злобно отвѣтила Анна Григорьевна.

— Скажите, что вы сами разбили.

— Любимую чашку Владимира Иваныча я стану бить! Что, ты съ ума сошла, Ванда? Нѣтъ, милая, я не стану тебя выгораживать, раздѣлывайся сама. Сама и черепки Владимиру Иванычу покажешь.

Ванда заплакала. Дѣвочки принялись собирать черепки.

— Да, да, покажешь сама, онъ тебя поблагодарить, голубушка,—язвительно говорила Анна Григорьевна.

— Не говорите, ради Бога, Анна Григорьевна,—опять принялась упрашивать Ванда,—накажите сами, а Владимиру Иванычу скажите, что это кошка разбила.

Саша, которая усердно собирала мелкіе осколки, складывая ихъ себѣ въ горсть, опять фыркнула отъ смѣха.

— Котъ въ сапогахъ!—крикнула она сдавленнымъ отъ смѣха голосомъ.

Катя шопотомъ унимала ее:

— Ну, чего смѣешься? Ты-бы разбила, такъ какъ звывла-бы, небось.

Анна Григорьевна отымала отъ Ванды свои руки, и повторяла:

— И не проси лучше, непременно скажу. Что это, въ самомъ дѣлѣ, постоянныя шалости! Нѣтъ, матушка, надо тебя хорошенько пробрать! Ну, что, собрали?—спросила она дѣвочекъ.—Давайте сюда.

Анна Григорьевна положила осколки на тарелку, и отнесла ихъ въ гостинную, на столъ, на самое видное мѣсто; Владимиръ Иванычъ, какъ придетъ, такъ сейчасъ-

же замѣтить. Довольная своею изобрѣтательностью, Анна Григорьевна опять забѣгала взадъ и впередъ отъ стола къ печкѣ, и тихонько, злобно шипѣла на Ванду. Ванда уныло и безнадежно ходила за Анною Григорьевною, и упрашивала убрать черепки.

— Пусть хоть послѣ обѣда Владимиръ Иванычъ увидитъ!—говорила она, горько плача.

— Нѣтъ, милая, пусть онъ сразу увидитъ,—злобно отвѣчала Анна Григорьевна.

Въ Вандѣ порывами подымалась злоба на жестокость Анны Григорьевны, и она отчаянно всплескивала руками, и тихонько вскрикивала:

— Да простите же! Да прибейте лучше!

Остальныя дѣвочки сидѣли смирно, и разговаривали шепотомъ.

II.

Владимиръ Иванычъ возвращался домой, и сладко мечталъ, какъ онъ пропуститъ водочки, заморитъ червяка, а потомъ плотно пообѣдаетъ. Былъ ясный, морозный день. Солнце клонилось къ закату. Изрѣдка набѣгали вѣтеръ, частый гость въ Лубянкѣ, и отрывалъ отъ снѣжныхъ сугробовъ толпы пушистыхъ снѣжинокъ. Улицы были пустыньны. Низенькіе деревянные домишки торчали кое-гдѣ изъ-подъ снѣга, розовѣющаго на солнцѣ, да безконечно тянулись длинныя, полураспатаанныя заборы, изъ-за которыхъ выглядывали жесткіе, серебристо-заиндевѣлые стволы деревьевъ.

Рубоносовъ пробирался по узкимъ мосткамъ, молодцовато ступая кривыми ногами и весело посматривая маленькими глазками, мерцавшими оловяннымъ блескомъ на красномъ, веснушчатомъ лицѣ. Вдругъ онъ

завидѣлъ своего врага, Анну Ѳоминичну Пикилеву, учительницу гимназіи, сорокалѣтнюю дѣвицу съ очень злымъ языкомъ. Владимиру Иванычу стало досадно: неужели онъ долженъ уступить ей дорогу, рискуя свалиться въ снѣгъ? А она шла себѣ прямо, скромно опустивши змѣйные глазки и сжимая ненавистныя губы какимъ-то особымъ способомъ, раздражавшимъ всегда Владимира Иваныча. Онъ сжалъ въ правой рукѣ толстую палку изъ кружковъ березовой коры, плотно насаженныхъ на желѣзный пруть, и рѣшительно пошелъ на врага. И вотъ они сошлись грудь съ грудью, и мѣнялись пламенными взорами. Владимиръ Иванычъ первый нарушилъ молчаніе.

— Холера!—торжественно воскликнулъ онъ.

Только теперь онъ замѣтилъ, что за спиною Анны Ѳоминичны копошилась дѣвчонка Машка, ея служанка, которая несла барышнины книжки. Владимиру Иванычу стало жалъ, что нельзя покрупнѣе изругаться,—есть свидѣтельница.

Анна Ѳоминична прошептала пинящимъ голоскомъ:

— Совершенно невѣжественный кавалеръ!

Владимиръ Иванычъ растопырилъ ноги и, подпираясь палкою, говорилъ, посмѣиваясь и показывая гнилые зубы:

— Ну, проходи, чего стала!

— Неужели вы не можете посторониться?—смирено спросила Анна Ѳоминична.

— Что-жъ, мнѣ для васъ въ снѣгъ лѣзть прикажете? Нѣтъ, братъ, шалишь, мнѣ свое здоровье дорого. Проходите, проходите, не засаривайте дороги.

И онъ легонечко протолкнулъ мимо себя Анну Ѳо-

миничну, но какъ-то такъ неосторожно, что она упала на снѣгъ, и закричала визгливымъ голосомъ, вдругъ потерявшимъ всю свою слащавую смиренность:

— Ахъ, ахъ, уронилъ! ахъ, ахъ, злодѣй!

Дѣвчонка прыгнула за нею,—Владимиръ Иванычъ поощрилъ ее легкимъ ударомъ палки подъ колѣнки,— и барахталась въ снѣгу, помогая барышнѣ подняться и вопя благимъ матомъ.

Расчистивъ путь, Владимиръ Иванычъ отправился дальше. Лицо его пылало гордою радостью побѣды. Машка кричала ему въ догонку:

— Ахъ ты, мазурикъ, паршивый, окаянный! Вотъ мы тебя къ мировому.

Дойдя до перекрестка, Владимиръ Иванычъ обернулся, погрозилъ палкою, и крикнулъ:

— Поругайтесь, ясенъ колпакъ, такъ я вамъ и еще прибавлю.

Въ отвѣтъ на это Машка высунула языкъ, показала сразу четыре кукиша, и звонко закричала:

— Сунься, сунься, очень мы тебя боимся!

Владимиръ Иванычъ подумалъ, рѣшилъ, что не стоитъ связываться, плюнулъ, энергично выругался, и отправился домой, радостно чувствуя, что аппетитъ его разыгралъ и удвоился.

III.

Напряженно ожидавшія дѣвочки вздрогнули. Раздался рѣзкій, повелительный звонокъ: это возвратился Владимиръ Иванычъ. Анна Григорьевна бросила злорадный взглядъ на Ванду, и кинулась отворять дверь. Женя повторила за сестрою и злорадный взглядъ,

и суетливый порывъ въ прихожую. Ванда, замирая отъ страха, бѣжала за Анною Григорьевною, и тихонько упрашивала ее не говорить. Анна Григорьевна сердито оттолкнула ее.

Владимиръ Иванычъ, освобождаясь отъ шубы при помощи жены и услужливой Жени, громогласно восклицалъ:

— Я ей, курицыной дочкѣ! Будетъ помнить до новыхъ вѣнчиковъ, ясенъ колпакъ!

Ужасъ охватилъ Ванду: ей представилось, что Владимиръ Иванычъ узналъ какимъ-то чудомъ о разбитой чашкѣ. Но скоро изъ его отрывочныхъ восклицаній Ванда поняла, что рѣчь идетъ о другомъ. Смутная надежда шевельнулась въ ней: можетъ быть, удастся оттянуть до послѣ-обѣда, когда Рубоносовъ будетъ, отъ нѣсколькихъ рюмокъ водки, въ добродушномъ, сонномъ настроеніи. Поспѣшно вернулась она въ гостиную, и стала передъ столомъ, стараясь заслонить обломки чашки. Катя помогла ей, подвинувъ на столѣ лампу такъ, чтобы она съ боку закрывала тарелку.

Владимиръ Иванычъ вошелъ въ гостиную, потрясая кулакомъ и повторяя на разспросы Анны Григорьевны:

— погоди, все расскажу по порядку, дай промочить горло.

Онъ остановился передъ зеркаломъ, и самодовольно оглядѣлъ себя, — онъ казался себѣ самому первымъ красавцемъ въ городѣ. Потомъ онъ снялъ сюртукъ, бросилъ его Вандѣ, и крикнулъ:

— Ванда, тащи въ нашу спальню!

Ванда трепетно подхватила сюртукъ, и уныло потащила его въ спальню супруговъ, бережно держа его

за петлю воротника и высоко подымая, словно-бы онъ былъ стеклянный. Для большей осторожности она даже приподнялась на носки. Смѣшная Саша закрыла ротъ рукою, и выбѣжала изъ комнаты. Щеки Ванды покрылись яркою краскою стыда и досады.

Рубоносовъ, оставшись въ жилетѣ, опять посмотрѣлся въ зеркало, и сталъ расчесывать свои гладкіе, свѣтлые волосы съ проборомъ посрединѣ. Отвернувшись отъ зеркала, онъ увидѣлъ на столѣ, на тарелкѣ, черепки. Мигомъ призналъ онъ въ нихъ остатки той вмѣстительной чашки, изъ которой привыкъ пить чай,—и почувствовалъ себя жестоко оскорбленнымъ.

— Кто разбилъ мою чашку?—закричалъ онъ свирѣпымъ голосомъ.—Вѣдь это-же безобразіе,—мою любимую чашку!

Онъ гнѣвно зашагалъ по комнатѣ.

— Извѣстно, кому-же больше, какъ не Вандѣ, — заговорила злымъ, шипящимъ голосомъ Анна Григорьевна.

Женя, торопясь услужить, взволнованно повторила свой рассказъ о томъ, какъ Ванда разбила чашку. Потомъ она растопырила руки, и закружилась, представляя Ванду. Ея слегка поникшее зеленоватое лицо съ тупымъ носомъ выражало озабоченность усердія, злыя губы не улыбнулись, и спина отвратительно горбатилась.

— Вѣчныя шалости! — шипѣла Анна Григорьевна,—никакой нѣтъ sprawy съ этой дѣвчонкой. Уйми хоть ты ее, Владимиръ Ивановичъ,—вѣдь иначе что-же это у насъ будетъ: всю посуду перебьютъ. Вѣдь онѣ намъ не золотыя горы возятъ,—однѣ хлопоты да безпокойство съ ними.

— Она и тарелки чуть не побила,—опять вмѣша-

лась Женя,—Маланья несла изъ кухни тарелки, а она на нее какъ налетитъ! Маланья едва только подхватила, а то такъ-бы всѣ тарелки въ дребезги.

Рубоносовъ постепенно свирѣпѣлъ, багровѣлъ, и гнѣвно рычалъ. Ванда стояла за дверьми гостиной, плакала, и тихонько молилась, торопливо крестясь. Сквозь щель двери видѣла она багровое лицо Владимира Иваныча, и оно было ей отвратительно и страшно. Рубоносовъ крикнулъ:

— Ванда, поди-ка сюда!

Ванда трепетно вошла въ гостиную.

— Ты что это, курицына дочка, надѣлала?—закричалъ на нее Владимиръ Иванычъ.

Ванда увидѣла въ его рукѣ ременную плеть, которая служила Рубоносову для усмиренія Нерона.

— Поди-ка, поди-ка сюда! — говорилъ Владимиръ Иванычъ, брызгая слюною,—вотъ я тебя приласкаю плеточкой.

Онъ свирѣпо замахалъ плетью, и пронзительно засвисталъ. Испуганная Ванда попятилась назадъ, къ дверямъ,—онъ ухватилъ ее за плечо, и потащилъ, нервно подергивая, на середину комнаты. Съ громкимъ плачемъ Ванда упала на колѣни. Рубоносовъ взмахнулъ плетью. Заслыша свистъ плети въ воздухѣ, Ванда отчаянно взвизгнула, увернулась отъ удара судорожно быстрымъ движеніемъ, вскочила на ноги, и бросилась въ переднюю, гдѣ забила за шкапъ, въ тѣсный, пыльный уголъ. По всему дому разносились оттуда ея истерическія вскрикиванія. Владимиръ Иванычъ ринулся было вытаскивать Ванду, но Анна Григорьевна, испуганная дикими глазами и неистовыми криками дѣвочки, остановила мужа:

— Ну, довольно, Владимиръ Ивановичъ, брось ее,— сказала она,—еще наплачешься съ нею. Смотри, какіе у нея глаза,—начнетъ кусаться, пожалуй. Ужъ видно, какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ смотреть.

Рубоносовъ остановился передъ шкапомъ, за которымъ дрожала и билась Ванда.

— Прятаться отъ меня, ясенъ колшакъ!—заговорилъ онъ медленно, со свирѣпыми удареніями на словахъ, весь багровый отъ негодованія:—ну ладно, подожди, я тебя иначе доѣду.

Ванда притихла, и прислушивалась.

— Отъ меня не спрячешься, курицына дочка!—продолжалъ Владимиръ Ивановичъ, видимо, подыскивая угрозу пострашнѣе: — я знаю, что съ тобой сдѣлать. Вотъ погоди, уже ночью, какъ только ты заснешь, заползетъ тебѣ червякъ въ глотку.—Слышишь, курицына дочка, червякъ!

Владимиръ Ивановичъ сдѣлалъ на словѣ червякъ грозное, рывкающее удареніе, и сердито бросилъ плетку на полъ. Изъ-за шкапа глядѣли на него, не отрываясь, черные, широкіе глаза, и неподвижно смуглѣло поблѣднѣвшее лицо.

— Будешь ты у меня знать! — говорилъ Рубоносовъ.—Вползетъ червякъ прямо въ глотку, ясенъ колшакъ! Такъ по языку и поползетъ. Онъ тебѣ все чрево расколупаетъ. Онъ тебя засосетъ, мнляга!

Ванда чутко, внимательно слушала; ея испуганные глаза неподвижно мерцали среди тѣней, окутывающихъ ее въ пыльномъ, темномъ углу за шкапомъ. А Владимиръ Ивановичъ повторялъ свои странныя, злобныя угрозы, и Вандѣ изъ ея душнаго угла онъ казался

похожимъ на чародѣя, напускающаго на нее таинственныя навожденія, неотразимыя и ужасныя.

IV.

Выдумка о червякѣ понравилась Рубоносову, онъ повторялъ ее нѣсколько разъ и за обѣдомъ, и послѣ обѣда вечеромъ. Понравилась эта шутка и Аннѣ Григорьевнѣ, и дѣвочкамъ,—все смѣялись надъ Вандою. Ванда молчала, и испуганно посматривала на Владимира Ивановича. Иногда она думала, что онъ шутитъ, и что какой-же можетъ быть червякъ? Иногда ей становилось страшно.

Весь вечеръ ей было не по себѣ. Она чувствовала себя и виноватою, и обиженною. Ей хотѣлось-бы остаться одной, забиться куда-нибудь въ уголъ, и поплакать,—но нельзя было этого сдѣлать: вокругъ нея тихо жужжали ея подруги, и она сама должна была сидѣть съ ними, за постылыми книгами и скучными тетрадками; въ сосѣдней комнатѣ разговаривали Рубоносовы. Ванда съ нетерпѣніемъ ожидала ночи, когда можно будетъ хоть одѣяломъ приккрыться отъ этихъ докучливыхъ, неужныхъ людей.

Ванда сидѣла и притворялась, что занимается уроками. Закрывшись руками отъ подругъ, она старалась представить себѣ отцевъ домъ и глухіе лѣса. Она смыкала глаза, и видѣла далекую родину.

Весело трещить огонь въ печкѣ. Ванда сидитъ на полу, и протягиваетъ къ огню застылыя, красныя руки,—она только что прибѣжала домой. А въ окно глядитъ зимній день, морозный, свѣтлый. Низкое солнце румя-

нить искристые кристаллы оконныхъ узоровъ. Тепло, уютно, кругомъ свои, — добродушный смѣхъ, шутки.

Но входилъ Рубоносовъ, и спрашивалъ:

— Что, Ванда, задумалась? по червякѣ соскучилась, ясенъ колшакъ? Небось, вползетъ ночью въ самое чрево.

Дѣвочки смѣялись, Ванда растерянно озиралась широкими, черными глазами.

«Червякъ!» — тихонько, однѣми губами повторяла она, и вдумывалась въ это слово. Самый звукъ его казался ей страннымъ, и какимъ-то грубымъ. Почему червякъ? Она расчленяла слово на слоги и звуки; гнусное шипѣніе вначалѣ, потомъ рокотъ угрозы, потомъ скользкое, противное окончаніе. Ванда брезгливо повела плечами, и холодокъ пробѣжалъ по ея спинѣ. Безсмысленный и некрасивый слогъ «вякъ» повторялся настойчиво въ ея памяти, — онъ былъ ей противенъ, но она не могла отъ него отдѣлаться.

V.

Было поздно. Дѣвочки раздѣлись, и улеглись въ своей спальнѣ, гдѣ ихъ пять кроватей неуютно стояли въ одинъ рядъ. Кровать Ванды была вторая съ краю. По лѣвую сторону у стѣны спала Дуня Хвастуновская, съ правой стороны Саша, потомъ Катя, а у двери въ спальню Рубоносовыхъ Женя.

Тоскующими, злобными глазами Ванда осматривала спальню. Хмуря тѣни въ углахъ непривѣтливо смотрѣли на нее и, казалось ей, стерегли ее.

Стѣны покрыты некрасивыми темными обоями; на нихъ грубо наляпаны лиловые цвѣты, съ краскою, на-

ложенною мимо тѣхъ мѣсть, гдѣ ей слѣдовало быть. Обои наклеены кой-какъ, и узоры не сходятся. Оклеенный бумагою потолокъ низокъ и сумраченъ. Вандѣ кажется, что онъ опускается, сжимаетъ собою воздухъ, и тѣснить ей грудь. Желѣзные кровати тоже, кажется Вандѣ, пахнуть чѣмъ-то непріятнымъ и печальнымъ, острогомъ или больницею.

Противъ кроватей, прямо передъ глазами Ванды, стоятъ шкалы для одежды дѣвочекъ, щелистые, сколоченные изъ гнилого дерева, съ неплотно прилаженными дверцами. Когда мимо шкаповъ проходятъ, то ихъ дверцы вздрагиваютъ и слегка поскрипываютъ. Вандѣ досадно, что у шкаповъ такой жалкій и недоумѣвающий видъ испуганныхъ, дряхлыхъ старичковъ.

Владимиръ Иванычъ вошелъ въ спальню дѣвочекъ, и зычно крикнулъ:

— Ванда, слышь, червякъ-то вползетъ тебѣ нынче ночью въ глотку.

Дѣвочки захихикали, и смотрѣли на Ванду и на Владимира Иваныча. Ванда молчала. Изъ-подъ одѣяла сверкали на Владимира Иваныча ея большіе черные глаза.

Рубоносовъ ушелъ. Дѣвочки принялись дразнить Ванду. Онѣ знали, что Ванду легко раздражить до слезъ, и потому любили дразнить ее. И у Ванды задраженное недовѣрчивое сердце, открытое только мечтамъ о далекой родинѣ.

Ванда тоскливо молчала, грустными глазами тупо разсматривая сумрачный потолокъ. Дѣвочки болтали и пересмѣивались. Это надоѣло Владимиру Иванычу,— онъ собирался спать. Онъ крикнулъ изъ своей спальни:

— Цыцъ, ясенъ колпакъ! Что вы тамъ раскудахтались, комикки! Вотъ я васъ плеткой!

Дѣвочки затихли.

«Только и умѣеть, что о плеткѣ!»—досадливо подумала Ванда. Ей припомнились ласковые, добрые домашніе, а Владимиръ Иванычъ въ сравненіи съ ними показался неотесаннымъ, грубымъ. Но вдругъ ей стало совѣстно осуждать его,—вѣдь все же она предъ нимъ провинилась.

Скоро послышалось съ сосѣдной постели легкое сонное сопѣнье быстро засыпающей Дуни. Это было сегодня противно Вандѣ. Въ тепломъ спертomъ воздухѣ ей дышалось трудно и грустно. Ей казалось, что здѣсь тѣсно и мало воздуха. Тоска и странная досада на что-то тѣснили ея грудь.

Она закрыла голову одѣяломъ. Сердитыя мысли пробѣжали въ ея головѣ, — и потухли, смѣнившись счастливыми, далекими грезами.

Ванда начала засыпать. Вдругъ почувствовала она на губахъ что-то неприятное, какъ-бы ползущее. Она вздрогнула отъ страха. Сонъ словно соскочилъ съ нея.

Ея глаза широко и тоскливо раскрылись. Сердце замерло,—и застучало до боли быстро и сильно. Ванда торопливо поднесла руку ко рту, и вытащила изо рта нечаянно попавшій туда край простыни, слегка смоченный ея слюною. Онъ-то и произвелъ ощущеніе, такъ напугавшее ее.

Ванда почувствовала радость, какъ послѣ избѣгнутой опасности. Она замѣтила теперь, что сердце ея сильно бьется. Она приложила руку къ груди и, ощущая горячими пальцами быстрые толчки, улыбалась своему миновавшему испугу.

А въ сумракѣ ночи вокругъ нея смутно и неопредѣленно шевелилось что-то угрожающее, неизвѣстное. Радость ея была напряженная, и улыбка блѣдная, а сердце уже опять замирало тихонько все отъ того-же темнаго, тайнаго предчувствія.

Вандѣ было тоскливо и томно. Она безпокойно ворочалась съ боку на бокъ. Ей было душно. Одѣяло мѣшало дышать. Въ ногахъ были непріятныя ощущенія: томная усталость наливала ихъ болѣзненной тяжестью, подъемамъ ногъ было больно отъ стягивавшей ихъ днемъ тѣсной обуви. Во всемъ тѣлѣ ощущалась неловкость. Ей хотѣлось спать, но она не могла уснуть, и глаза ея казались ей тяжелыми, сухими.

Вѣтеръ завывъ въ трубѣ жалобно и тонко. Кто-то изъ дѣвочекъ въ просонкахъ пробормоталъ что-то. Томительная тоска бессонницы душными объятіями обхватила Ванду. Болѣзненно-неловко было ей лежать на тѣхъ грубыхъ складкахъ простыни и рубашки, которыя она сама сбивала, мечась и ворочаясь.

Ванда пыталась помечтать, вызвать въ себѣ сладкія и кроткія настроенія, — но и это не удавалось ей. Дѣвочки крѣпко спали, и Вандѣ казались онѣ иногда неживыми и страшными.

Такъ пролежала она цѣлый долгій часъ, и наконецъ заснула.

VI.

Ванда внезапно проснулась, точно ее толкнули. Была еще глубокая ночь, всѣ спали. Ванда порывисто поднялась и сѣла на постели, чѣмъ-то испуганная, какимъ-то смутнымъ сномъ, какими-то неопредѣлен-

ными ощущеніями. Напряженно всматривалась она въ мракъ спальни, думая отрывочными, неясными мыслями о чемъ-то, непонятномъ ей. Тоска сжимала ея сердце. Во рту была непріятная сухость, заставившая Ванду порывисто зѣвнуть. Тогда почувствовала она, какъ будто что-то постороннее ползеть по ея языку, около самага его корня, что-то тягучее и противное,— ползеть въ глубинѣ рта, и щекочетъ зѣвъ. Ванда безсознательно сдѣлала нѣсколько глотательныхъ движеній. Ощущеніе ползучаго на языкѣ прекратилось.

Вдругъ Ванда вспомнила о червякѣ. Она подумала, что это, конечно, вползъ къ ней въ ротъ тотъ самый червякъ, и она проглотила его живьемъ. Ужасъ и отвращеніе охватили ее. Въ сумрачѣной тишинѣ комнаты пронеслись отчаянные, пронзительные вопли Ванды.

Испуганныя дѣвочки повскакали съ постелей, не понимая, лепеча что-то и всхлипывая, и беспорядочно метались въ потьмахъ, сталкиваясь одна съ другою. Ванда затихла. Анна Григорьевна, узнавъ голосъ Ванды, прибѣжала изъ своей спальни неодѣтая, на бѣгу зажигая свѣчку. Слышно было за дверью, какъ тяжело ворочался на скрипѣвшей подъ нимъ кровати Владимиръ Иванычъ, какъ онъ сердито мычалъ, и какъ онъ потомъ началъ отыскивать свою одежду.

Анна Григорьевна подошла къ Вандѣ.

— Ванда, что ты? — спросила она. — Съ чего ты орешь! Чего испугалась, шальная?

При свѣтѣ свѣчи дѣвочки тоже сообразили, что это кричала Ванда, и столпились около ея кровати, пожимаясь съ просонокъ отъ холода и протирая руками заspanные глаза. Ванда сидѣла на постели, согнувшись, поджимая ноги. Она дрожала всѣмъ тѣломъ, и бояз-

ливо смотрѣла на Анну Григорьевну. Ея широко открытые глаза горѣли, и выражали безотчетный ужасъ. Анна Григорьевна тронула ее за плечо:

— Да что съ тобой, Ванда, говори-же!

Ванда вдругъ заплакала, громко съ дѣтскими отчаянными вскрикиваніями, и залепетала:

— Червякъ, червякъ!

Зубы ея какъ-то странно и звучно звякнули. Анна Григорьевна не вспомнила сразу, о какомъ червякѣ говорится.

— Какой червякъ? — досадливо спрашивала она, обращаясь то къ Вандѣ, то къ другимъ дѣвочкамъ.

Ванда еще сильнѣе заплакала, вскрикивая:

— Ой, батюшки, помогите: червякъ заползъ!

Она беспомощно открыла ротъ, и сунула туда пальцы, бессознательно прикусила ихъ, вытащила ихъ изъ рта, и опять зарыдала. Катя объяснила:

— Это ей, должно быть, приснилось, что въ ротъ червякъ заползъ, о которомъ Владимиръ Ивановичъ говорилъ.

Пришелъ и Владимиръ Ивановичъ, и крикнулъ еще съ порога:

— Ну, что у васъ тутъ? Комиги, спать не дають.

— Да вотъ, — отвѣчала ему Анна Григорьевна, — ты натолковалъ Вандѣ про червяка, она и повѣрила.

— Дура, — сказалъ Рубоносовъ, — вѣдь я шутилъ, никакого червяка нѣтъ.

Дѣвочки засмѣялись, тѣснѣе придвинулись къ Вандѣ, и стали ее ласкать и успокаивать:

— Это тебѣ только померещилось, Ванда, откуда можетъ быть червякъ?

— Вотъ дура-то! Пошутить съ тобой нельзя!—воскликнулъ Рубоносовъ, и ушелъ въ свою спальню.

Дуня принесла Вандѣ воды въ ковшикъ, и убѣждала Ванду выпить. Анна Григорьевна присѣла къ Вандѣ на кровать, и уговаривала ее. Мало-по-малу Ванда успокоилась, и быстро заснула.

VII.

Ванда видѣла во снѣ родной домъ, отца, мать, маленькихъ братьевъ, милый лѣсъ и вѣрнаго Полкана.

Одноэтажный домикъ на краю маленькаго города, полузанесенный снѣгомъ. Весело вьется синій дымокъ надъ его крутою кровлею. Невдалекѣ бѣлый лѣсъ съ своею манящею грустью. Тихія небеса озарены раннимъ розовымъ закатомъ.

Потомъ пригрезилось лѣто. Извилистая рѣка медленно струится. Желтыя кувшинки недалеко отъ берега. Надъ рѣкою крутые глинистые обрывы. Въ тонкомъ воздухѣ звенять и рѣютъ быстрыя птицы.

Мать, ласковая, веселая. Ея свѣтло-синіе глаза, ея звенящій голосъ, напѣвающий тихую, мирную пѣсенку.

Отецъ, такой суровый съ виду. Но Ванду не пугаютъ его длинныя, жесткіе усы, начинающіе сѣдѣть, и его густыя, нахмуренныя брови. Ванда любитъ слушать его рассказы объ его родинѣ, далекой и несбыточной. Ванда родилась и выросла среди этихъ снѣговъ, на родинѣ своей матери, и отцовыя рассказы она понимаетъ по своему, сказочно и роскошно.

Движеніе въ спальнѣ, голоса и смѣхъ дѣвочекъ разбудили Ванду. Она открыла глаза. Чуждо и непо-

нятно было ей все то, что она увидѣла. Такъ рѣзокъ былъ переходъ отъ милыхъ видѣній къ этимъ пыльнымъ стѣнамъ, къ этимъ грубымъ обоямъ съ нелѣпыми цвѣтами, что она съ полминуты пролежала, не понимая, гдѣ она и что съ нею, полусознательно хватаясь за убѣгающіе обрывки прерваннаго сна.

А потомъ знакомою тоскою глянули на нее стѣны комнаты, знакомою тоскою защемило ея сердце. Она грустно вспомнила, что опять цѣлый день придется ей быть среди чужихъ, которые будутъ дразнить ее и червякомъ, и ея страннымъ именемъ, и еще чѣмъ-нибудь обиднымъ. Предчувствіе обиды больно зашевелилось въ ея сердцѣ.

VIII.

Рубоносовы и дѣвочки пили чай. Ванда была еще блѣдна отъ ночного испуга. У нея болѣла голова, ей было томно и тоскливо, и она нехотя пила и ѣла. Во рту у нея былъ дурной вкусъ, и чай казался ей не то затхлымъ, не то кислымъ.

Владимиръ Ивановичъ пилъ съ блюдечка, и громко чмокалъ губами. Вандѣ казалось противнымъ это чмоканье, а онъ торопился выпить побольше: скоро надо было итти на службу.

Анна Григорьевна замѣтила, что Ванда печальна, и спросила:

— Что съ тобой, Ванда? Не болитъ-ли у тебя голова?

— Нѣтъ; ничего, Анна Григорьевна, я здорова,— отвѣчала Ванда, встрепенувшись и стараясь улыбнуться.

— Это она съ перепугу такая блѣдная,—объяснила Катя.

Саша, вспомнивъ ночной переполохъ, громко засмѣялась, заражая веселостью другихъ дѣвочекъ.

— Ты, Ванда, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ больна,—не остаться-ли тебѣ дома? —спросила Анна Григорьевна.

Но Ванда слышала по ея голосу, что она разсердится, если останется, и приметъ это за притворство. И Ванда поспѣшила сказать:

— Да нѣтъ, Анна Григорьевна, что вы, я-же, право, совсѣмъ здорова.

— Что, вѣрно, и вправду червякъ вползъ?—спросилъ Владимиръ Ивановичъ, и зычно захохоталъ.

Всѣ засмѣялись, улыбалась и Ванда. При дневномъ свѣтѣ она перестала бояться червяка. Но Рубоносову стало досадно, что Ванда улыбается: негодная шалунья смѣетъ скалить зубы въ то время, когда онъ пьетъ чай не изъ любимой чашки! Онъ рѣшилъ еще попугать Ванду, чтобъ она впередъ помнила.

— А ты чего зубы скалишь, Ванда?—сказалъ онъ, свирѣпо хмуря бѣлесоватыя брови,—ты и впрямь думаешь, что я шучу? Вотъ дура-то! червякъ только пока притихъ,—отогрѣвается, а вотъ дай сроку, начнетъ сосать, взвоешь истошнымъ голосомъ.

Ванда поблѣднѣла, и вдругъ явственно почувствовала въ верхней части желудка легкое щекотаніе. Она испуганно схватилась за сердце. Анна Григорьевна встревожилась: захвораетъ дѣвчонка,—возись съ ней,—родители живутъ за триста верстъ. Она стала унимать мужа:

— Да полно тебѣ, Владимиръ Ивановичъ, ну что пу-

гаешь дѣвчонку; опять ночью заблажить. Не каждую мнѣ ночь съ ней возжаться. И за день намаешься съ ними.

IX.

Когда Ванда шла съ подругами въ гимназію, червякъ продолжалъ щекотать все въ томъ-же мѣстѣ. Ей было неловко и страшно.

Вѣтеръ, который вѣялъ ей навстрѣчу, казался ей безпощаднымъ. Угрюмые заборы и унылые люди навели на нее тоску,—и не могла она никакъ забыть, что въ ней сидитъ червякъ, маленькій, тоненькій, еле замѣтный, и щекочетъ, словно пробираясь куда-то, щекочетъ урывками: то притихнетъ, то начнетъ снова, какъ и этотъ безпощадный вѣтеръ, порывами вздымающій нелѣпо кружащіяся снѣжные вихри. Этотъ гулъ вѣтра на пустынныхъ улицахъ томительно напоминалъ Вандѣ дремотную тишину далекаго лѣса, гдѣ теперь подъ суровыми соснами звучно раздается мужественный голосъ ея отца. Но тамъ, въ лѣсу,—просторъ и Божья воля, а здѣсь, въ скучномъ чужомъ городѣ,—стѣны и людское безсилье.

Ей вспомнилось, какъ любо ей было прятаться въ отцову шубу,—а санки бѣгутъ, а вѣтеръ разгульно взвизгиваетъ, и взвиваетъ снѣжныя тучи, и солнце сквозитъ въ нихъ, и многоцвѣтными брызгами дробятся его лучи; слышенъ бодрый храпъ коней и протяжный гулъ полозьевъ, скользящихъ по снѣгу.

Изъ воротъ чьего-то дома на улицу тянулась узкая дорожка ельника. Пугливо сжалось сердце Ванды.

«И зачѣмъ я вчера разбила эту чашку!»—горько подумала она,— и зачѣмъ я прыгала? чему обрадовалась?»

Х

Сидя въ классѣ, Ванда прислушивалась къ тому, что дѣлаетъ ея червякъ. Ей казалось по временамъ, что онъ подымается выше, къ сердцу. Она старалась успокоить себя, думая, что это пройдетъ. Но отъ голыхъ стѣнъ класса вѣяло на нее такую неумолимую строгостью, что ей дѣлалось страшно.

Ея подруги рассказали по всѣмъ классамъ про червяка, и Ванду немилосердно дразнили. На перемѣнахъ дѣвочки подходили къ ней, и спрашивали:

— Правда, что вы червяка проглотили?

Ванда слышала за собою смѣхъ и тихія восклицанія:

— Ванна червяка проглотила. (Въ гимназiи Ванду дразнили «ванной», искажая такъ ея имя).

Потомъ Ванду стали дразнить «подъ риему»:

— Ванна чашку разбила, червяка проглотила.

Ванда яростно блѣднѣла, и бранилась съ подругами. Вдругъ, въ разгарѣ жаркой ссоры съ надоѣдливою, смѣшливою барышнею, Ванда почувствовала легкое сосанiе подъ самымъ сердцемъ. Испуганная, она замолчала, усѣлась на свое мѣсто и, не обращая ни на что вниманiя, стала прислушиваться къ тому, что въ ней дѣлалось.

Подъ сердцемъ тихонько, надоѣдливо сосало. То затихнетъ, то опять засосетъ.

Это томительное сосаніе продолжалось и дома, за обѣдомъ, и вечеромъ. Когда утомленныя червякомъ мысли Ванды переходили на другіе предметы, червякъ затихалъ. Но она сейчасъ-же опять вспоминала о немъ, и начинала прислушиваться. Мало-по-малу снова начиналось надоѣдливое сосаніе.

Вандѣ казалось иногда, что если-бы забыть о червякѣ, то онъ затихъ-бы. Но ей не удавалось забыть его: напоминали.

Все тоскливѣе и страшнѣе становилось Вандѣ, но ей стыдно было сказать, что червякъ уже сосетъ ее. Въ ней робко гнѣздилась блѣдная надежда, что это пройдетъ само собою.

XI.

Дѣвочки сидѣли за уроками. Желтый свѣтъ лампы раздражалъ Ванду. Она прислушивалась къ томительной работѣ червяка, который сосалъ все проворнѣе. Ванда оперлась локтями на столъ, сжала голову ладонями, и тупо смотрѣла на раскрытую книгу. Неизъяснимая тоска томила ее. Ей трудно дышалось въ этомъ враждебномъ, замкнутомъ воздухѣ. Ванда подумала, стараясь утѣшить себя:

«Никакого червяка нѣтъ, это все только отъ тоски. Только-бы развеселиться»

Она пробовала помечтать о домѣ. Вотъ будетъ весна, ее возьмутъ домой.

Прохладный и мшистый лѣсъ дремотенъ. Онъ полонъ свѣжими ароматами сосенъ. Вода въ ручьѣ серебристо звенитъ, переливаясь по камнямъ. Темнѣетъ въ зелени покрытая тусклымъ налетомъ крупная голубика.

Но мечты складывались трудно, и Ванда скоро устала заставлять себя мечтать.

Изъ столовой доносились голоса. Анна Григорьевна торопила Маланью: Владимиръ Иванычъ всталъ отъ послѣобѣденнаго сна, и сердился, что еще нѣтъ самовара.

Ванда порывисто отодвинула стулъ, и пошла въ столовую. Смуглое лицо ея было такъ блѣдно, что полныя щеки казались опавшими за эти сутки. Глядя передъ собою остановившимися глазами, она подошла къ Аннѣ Григорьевнѣ, и тихо сказала:

— Анна Григорьевна, у меня сосеть подъ ложечкой.

— Что такое еще?—нетерпѣливо спросила недослышавшая Анна Григорьевна.

— Подъ ложечкой... сосеть... червякъ,—упавшимъ голосомъ говорила Ванда.

— А ну тебя, дура!—сердито крикнула Анна Григорьевна,—возись тутъ съ тобой,—только мнѣ и дѣла!

— Ого! червякъ!—торжествуя закричалъ Владимиръ Иванычъ.

Онъ залился грохочущимъ хохотомъ, неистово восклицая:

— Сосеть, ясенъ колпакъ! Доѣхалъ таки я тебя! Володька Рубоносозъ не дуракъ!

Привлеченныя хохотомъ, дѣвочки прибѣжали въ столовую. Хохоть разгульно разливался вокругъ Ванды. У нея закружилась голова. Она присѣла на стулъ, и покорно и безнадежно глотала какое-то невкусное лѣкарство, которое наскоро смастерила ей Анна Григорьевна.

Она видѣла, что никто ее не жалѣеть, и никто не хочетъ понять, что съ нею дѣлается.

ХІІ.

Ночью Ванда не можетъ уснуть. Червякъ угнѣзвился подъ сердцемъ, и сосеть непрерывно и мучительно. Ванда приподнялась, опираясь локтемъ на подушку. Одѣяло скатилось съ ея плечъ. Въ слабомъ свѣтѣ предпраздничной лампы слабо ! бѣлѣла рубашка Ванды, смуглѣли ея голыя руки, и испуганно горѣли на блѣдномъ лицѣ черныя широкіе глаза. Боль становилась, казалось Вандѣ, нестерпимою. Она тихонько заплакала. Но она не смѣла разбудить Анну Григорьевну. Смутная боязнь людской враждебности мѣшала ей звать на помощь. Она прильнула лицомъ къ подушкѣ, чтобъ заглушить звуки своего плача. Но рыданія тѣснили ея грудь. Въ спальнѣ раздавалось тихое, но отчаянное аханье плачущей дѣвочки.

— Что мнѣ дѣлать?—тихонько и горестно восклицала Ванда.—И чему я радовалась, дура какая! Что урокъ-то вызубрила? О, Боже мой! Неужели-же погибать изъ-за разбитой чашки?

Ванда встала съ постели. Дѣвочки спали,—слышалось ихъ мѣрное, глубокое дыханіе. Ванда стала на колѣни передъ своимъ образкомъ, прикрѣпленнымъ къ изголовью кровати. Она молилась, складывая руки на груди и тихонько шепча дрожащими пересыхающими губами слова отчаянія и надежды. Увлечшись, она начала шептать погромче и всхлипывать. Саша заворочалась на постели, и залепетала что-то. Ванда испуганно притихла, присѣла на колѣняхъ, и тревожно ждала. Все опять было тихо, никто не проснулся.

Ванда молилась долго, но молитва не успокоила ее. Тишина и сумракъ враждебно отвѣчали ея молитвѣ.

Вандѣ казалось, что кто-то тихій проходитъ близко, что-то движется и тайно вѣетъ,—но все это идетъ мимо нея съ чарами и властью, и до нея никому нѣтъ дѣла. Одна, потерянная въ чужомъ краю, никому она не нужна. Кроткій ангелъ пролетаетъ надъ нею къ счастливымъ и кроткимъ, — и не приникнетъ къ ней.

ХІІІ.

Проходили томительные дни и страшныя ночи. Ванда быстро худѣла. Ея черные глаза, оттѣненные теперь синими пятнами подъ ними, были сухи и тревожны. Червякъ грызъ ея сердце, и она порою глухо вскрикивала отъ мучительной боли. Было страшно, и трудно дышалось, такъ трудно, что кололо въ груди, когда Ванда вздыхала поглубже.

Но она уже не смѣла просить помощи. Ей казалось, что всѣ здѣсь за червяка и противъ нея.

Ванда ясно представляла своего мучителя. Прежде онъ былъ тоненькій, сѣренькій, со слабыми челюстями; онъ едва двигался и не умѣлъ присасываться. Но вотъ онъ отогрѣлся, окрѣпъ,—теперь онъ красный, тучный, онъ непрерывно жуется, и неутомимо движется, отыскивая еще неизранные мѣста въ сердцѣ.

Наконецъ Ванда рѣшила написать отцу, чтобъ ее взяли. Надо было писать тайкомъ.

Улучивъ минуту, Ванда подошла къ столу Рубоносова, вытащила изъ-подъ мраморнаго пресси, въ видѣ дамской ручки, конвертъ, и спрятала его въ карманъ. Въ это время слышала она легкіе шаги.

Она вздрогнула, какъ пойманная, и неловко отскочила отъ стола. Проходила Женя. Ванда не могла рѣшить, видѣла-ли Женя, что она взяла конвертъ. Сидя за уроками, она внимательно посматривала на Женю. Но Женя углубилась въ свои книги.

„Конечно, она не видѣла,—сообразила Ванда,—а то сейчасъ бы наябедничала.“

Ванда писала письмо, прикрывая его тетрадами. Приходилось безпрестанно отрываться,—проходила Анна Григорьевна, смотрѣли подруги. Вотъ что она писала,

„Милые папа и мама, возьмите меня, пожалуйста, домой. Въ меня заползъ червякъ, и мнѣ очень худо. Я разбила шаливши чашку Владимира Ивановича, и онъ сказалъ, что вползетъ червякъ, и въ меня вползъ червякъ, и если вы меня не возьмете, то я умру, и вамъ будетъ меня жалко. Пришлите за мной поскорѣе, я дома поправлюсь, а здѣсь я не могу жить. Пожалуйста возьмите меня хоть до осени, а я сама буду учиться и потомъ поступлю въ четвертый классъ, а если вы не возьмете, то червякъ изложетъ мнѣ сердце, и я скоро умру. А если вы меня возьмете, то я буду учить Лешу читать и ариѳметикѣ. Извините, что я не наклеила марки, у меня нѣтъ денегъ, а у Анны Григорьевны я не смѣю спросить. Цѣлую васъ, милые папа и мама, и братцевъ и сестрицъ, и Полкана.

Ваша Ванда.

А я не лѣзнула, и у меня хорошія отмѣтки».

Между тѣмъ Женя отправилась къ Аннѣ Григорьевнѣ, и принялась шопотомъ рассказывать ей что-то. Анна Григорьевна слушала молча, и сверкала злыми глазами. Женя вернулась, и съ невиннымъ видомъ принялась за урокъ.

Ванда надписывала конвертъ. Вдругъ ей стало неловко и жутко. Она подняла голову, — всѣ подружки смотрѣли на нее съ тупымъ, страннымъ любопытствомъ. По ихъ лицамъ было видно, что есть еще кто-то въ комнатѣ. Вандѣ сдѣлалось холодно и страшно. Съ томительною дрожью обернулась она, забывая даже прикрыть конвертъ.

За ея спиною стояла Анна Григорьевна, и смотрѣла на ея тетради, изъ-подъ которыхъ виднѣлось письмо. Глаза ея злобно сверкали, и клыки страшно желтѣли во рту подъ губою, вздрагивавшею отъ ярости.

XIV.

Ванда сидѣла у окна, и печально глядѣла на улицу. Улица была мертва, дома стояли въ саванахъ изъ снѣга. Тамъ, гдѣ на снѣгъ падали лучи заката, онъ блестѣлъ пышно и жестко, какъ серебряная парча наряднаго гроба.

Ванда была больна, и ее не пускали въ гимназію. Исхудалыя щеки ея рдѣли пышнымъ, неподвижнымъ румянцемъ. Безпокойство и страхъ томили ее, робкое безсиліе сковывало ея волю. Она привыкла къ мучительной работѣ червяка, и ей было все равно, молчать-ли онъ, или грызетъ ея сердце. Но ей казалось, что кто-то стоитъ за нею, и она не смѣла оглянуться. Пугливыми глазами глядѣла она на улицу. Но улица была мертва въ своемъ пышномъ газетѣ.

А въ комнатѣ, казалось ей, было душно и мглисто пахло ладономъ.

XV.

Быль яркій солнечный день. Но больная Ванда лежала въ постели. Ее перевели въ другую комнату, гдѣ стояла только ея кровать. Пахло лѣкарствами. Страшно исхудалая, лежала Ванда, выпроставъ изъ-подъ одѣяла безсильныя руки. Она безучастно озираала новыя, но уже постылыя стѣны. Мучительный капель надрывалъ быстро замиравшую дѣтскую грудь. Неподвижныя пятна чахоточнаго румянца ярко пылали на впалыхъ щекахъ; ихъ смуглый цвѣтъ принялъ восковой оттѣнокъ. Жестокая улыбка искажала ея ротъ,— онъ отъ страшной худобы лица пересталъ плотно закрываться. Хриплымъ голосомъ лепетала она безсвязныя, нелѣпыя слова.

Ванда уже не боялась этихъ чужихъ людей,—имъ было страшно слышать ея злыя рѣчи.

Ванда знала, что погибаетъ.

КЪ ЗВѢЗДАМЪ.

I.

Сереза чувствовалъ себя обиженнымъ. Это, какъ всегда, заставляло его какъ-то некрасиво сжиматься въ своемъ костюмѣ небольшого мальчика, коротенькомъ и узкомъ, котораго Сереза не любилъ и не умѣлъ носить: въ немъ Сереза былъ неловокъ и мѣшкотень въ движеніяхъ. Сердце его досадливо и томительно билось, и онъ глядѣлъ злыми черными глазами, черезъ куртину пестрыхъ, пахучихъ цвѣтовъ, на изгородь дачи, гдѣ они,—Сереза, мама и папа,—жили. У воротъ стояла коляска. Мама собиралась уѣзжать, и весело бесѣдовала съ чужими мужчинами, которые всѣ были длинные, развязные, и всѣ по-шутовски, казалось Серезѣ, одѣтые. И отецъ былъ съ ними.

Мама сказала сейчасъ Серезѣ, цѣдуя его на прощанье:

— Ахъ, милый мой голубокъ, ты мнѣ что-то хочешь разсказать? Вотъ подожди, я скоро приѣду, мы поговоримъ тогда вволю, и о звѣздочкахъ.

Сереза слышалъ неискреннія ноты въ маминомъ голосѣ, и уже зналъ, что это только такъ говорится. Мама была такая нарядная, отъ нея сладко пахло духами, и это досаждало Серезѣ.

— Онъ у меня такой фантазеръ,—сказала мама.— Представьте, онъ мнѣ вчера лепеталъ что-то о звѣздоч-

кахъ, вы понимаете, что-то дѣтское, наивное, но, право, поэтическое. Онъ у меня будетъ художникъ, не правда-ли?

Гости смѣялись, и папа смѣялся, не выпуская изо рта сигары, которая отъ смѣха качалась у него во рту. Потомъ все ушли, а Сережа остался. И вотъ онъ стоялъ одинъ среди сада, и сердито смотрѣлъ туда, гдѣ мама.

Когда мама уѣхала, блѣдное, но полное лицо Сережи изъ злого сдѣлалось тоскливымъ, и онъ повернулся къ дому. Деревянный домъ, съ мезониномъ, былъ такъ красивъ, и такъ ярки и пахучи были цвѣты въ окнахъ на балконѣ, и такъ зелены были ползучіе стебли, обвивавшіе столбы балкона, что Сережѣ стало жутко,—онъ почувствовалъ себя чужимъ здѣсь,—и это все нарядное было ему темно и странно. Ему не захотѣлось входить въ комнаты, гдѣ онъ будетъ, предчувствовалъ онъ, тосковать среди удобной, дорогой мебели, среди красивой, неизбѣжной обстановки, гдѣ все прилично и надоѣдливо.

Грустно наклоня мало загорѣвшее, некрасивое лицо, побрелъ онъ тихонько въ глубь сада. Тамъ, прилегши грудью на заборъ, долго смотрѣлъ онъ на возню двухъ босыхъ мальчишекъ, игравшихъ на дворѣ. Они были одного возраста съ Сережей, но онъ не могъ играть съ ними: это неприлично, и запрещено. Ему было жаль, что онъ не можетъ итти къ этимъ веселымъ мальчишкамъ. Онъ съ любопытствомъ наблюдалъ, какъ они поочередно догоняли одинъ другого, играя въ пятнашки.

Бѣготня была удовольствіемъ, запрещеннымъ Сережѣ: у него сердце начинало отъ бѣготни сильно

колотиться, и онъ останавливался, задыхаясь. Но теперь, когда бѣгали другіе, онъ жадно слѣдилъ за ними, и смѣялся отъ радости, наводимой на него ихъ бѣганьемъ и криками,—и сердце его порою такъ и трепетало, какъ будто онъ самъ бѣгалъ съ мальчиками. Впрочемъ, онъ старался сдерживать свой смѣхъ: ему стало бы стыдно, если бы увидѣли, что онъ съ такимъ интересомъ наблюдаетъ игру уличныхъ ребятешекъ.

Мальчики пріостановили свою игру и, стоя среди двора, звонко и крикливо совѣщались, словно переругивались. Сережа все смотрѣлъ на нихъ, — ему было странно, что они такіе растрепанные и босые, и что отъ этого имъ ничуть не становится неловко. Они опять забѣгали, но Сережины мысли разбредись.

Крикъ на дворѣ заставилъ его вздрогнуть. Кухарка Настасья, неистово крича, колотила одного изъ игравшихъ мальчишекъ, своего сына, а онъ отчаянно вылъ. Сережа взвизгнулъ отъ страха и отъ чужой боли, которую онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ, и убѣжалъ.

Ни мама, ни папа не вернулись и вечеромъ. Сережа оставался почти все время одинъ, потому что гувернеръ его, бѣлобрысый студентъ съ добродушною лѣнцою, ухаживалъ сегодня за франтоватою горничною Варварою, которую Сережа не любилъ за то, что она угодливо смотрѣла въ глаза барынѣ и цѣловала ея руки.

Когда совсѣмъ свечерѣло, Сережа потихоньку вышелъ изъ дому, и ушелъ на одну изъ дальнихъ дорожекъ въ саду. Тамъ улегся онъ на скамейку, заложилъ руки подъ голову, и принялся смотрѣть на небо. Оно словно таяло слой за слоемъ, и постепенно обна-

жало спрятанныя за нимъ звѣзды и темно-голубую зазвѣздную бездну.

Сырость и прохлада іюльскаго вечера охватывали мальчика. Если бы старшіе увидѣли его въ саду, его прогнали бы въ комнаты. Онъ самъ зналъ, что ему вредно лежать здѣсь, подъ сырими вѣтками сирени,—онъ такой изнѣженный и нервный,—но онъ нарочно оставался, и сердито припоминалъ, какъ пренебрежительно обошлась съ нимъ мама, и какъ посмѣивались гости, глядя на его маленькую фигурку. Ему припомнилось еще, какъ однажды тетя Катя назвала его миниатюрнымъ, и это слово теперь досадовало его.

«Развѣ такія миниатюры бываютъ?—сердито думалъ онъ.—И зачѣмъ всѣ старшіе всегда скалятъ зубы, и стараются говорить смѣшное и веселое? Смѣяться отъ радости—это можно, но они смѣются отъ злости. И отъ зависти, что я маленькій, а они скоро умрутъ.»

Онъ думалъ, что если бы онъ былъ сильный, то онъ заставилъ бы тетю Катю стать на колѣни передъ нимъ и просить прощенія. Но чтобы никого при этомъ не было,—чтобы некому было смѣяться. И онъ взялъ бы тетю Катю за ухо, и сказалъ бы ей:

— Смотри, другой разъ хуже достанется.

И она ушла бы, смрная, безъ смѣха. А съ тѣми, долговыми мужчинами, что сдѣлалъ бы онъ? Ничего, прогнать ихъ, и только. Только бы ни они сами, ни воспоминаніе объ ихъ глупомъ смѣхѣ не мѣшали ему смотрѣть на звѣзды, которыя, какъ и Сережа, имъ не нужны.

Звѣзды, далекія, мирныя, смотрѣли ему прямо въ глаза. Онъ мигали, и казались робкими. Сережа былъ тоже робкій, но теперь онъ чувствовалъ, что ему и

звѣздамъ хорошо. Онъ вспомнилъ, что его студентъ говорилъ ему, будто бы звѣзды каждая, какъ солнце, и со своею землею. Но онъ не могъ повѣрить, что тамъ такъ же, какъ и здѣсь. Онъ думалъ, что тамъ лучше. Ему было жаль, что нельзя попасть туда,—земля большая, она притягиваетъ. Если бы она не притягивала, то можно было бы улетѣть туда, къ звѣздамъ, и узнать, что тамъ дѣлается, живутъ ли тамъ ангелы съ бѣлыми крыльями и въ золотыхъ рубашкахъ, или такіе же люди.

Отчего звѣзды такъ внимательно смотрятъ на землю? Можетъ быть, онѣ и сами живыя, и думаютъ?

Сереза долго смотрѣлъ на звѣзды, и забывалъ свою досаду и свою злость. Кротко и ясно становилось въ его душѣ. Его лицо съ пухлыми, но блѣдными губами казалось невозмутимо-покойнымъ.

Звѣзды все яснѣе и ласковѣе горѣли надъ Серезею. Онѣ не затмевали одна другой,—ихъ свѣтъ былъ безъ зависти и безъ смѣха. Онѣ съ каждою минутою словно приближались къ мальчику. Радостно и легко сдѣлалось ему, и казалось, что онъ плыветъ на скамейкѣ, покачиваясь въ воздухѣ. Звѣзды приникли къ нему. Все вокругъ чутко и ожидаательно замолчало, и ночь сдѣлалась гуще и таинственнѣе. Какъ бы сливаясь со звѣздами, онъ забылъ про себя самого, и потерялъ всѣ ощущенія своего тѣла.

Вдругъ визгливые звуки гармоники долетѣли откуда-то издали, и пробудили Серезу изъ его самозабвенія. Сереза удивился чему-то, — быть можетъ, этому мнувшему самозабвенію,—и потомъ досадно стало ему на разбудившую его гармонику, гнусные звуки которой прыгали и кобянились надъ мальчи-

комъ. Эти звуки, нахальные, скрипучіе, неотвязчивые, напоминали ему все, что бываетъ днемъ,—гостей, студента, Варвару, мальчишку, котораго была мать, и который неистово кричалъ,—и отъ этого послѣдняго воспоминанія Сережа вдругъ задрожалъ, и сердце его больно забилося. Тоска охватила его, и великое нежеланіе быть здѣсь, на этой землѣ.

— А что, если меня земля не притягиваетъ!— вдругъ подумалъ онъ.—Можетъ быть, я могу, если захочу, отдѣлиться и улетѣть. Меня звѣзды притягиваютъ, а не земля. А вдругъ я полечу?

И вотъ показалось ему, что звѣзды тихонько зазвенѣли, и земля подъ нимъ медленно, осторожно стала наклоняться, и заборъ сада потихоньку поползъ внизъ у его ногъ, а скамья подъ нимъ плавно задвигалась, подымая его голову и опуская ноги. Ему стало страшно. Съ крикомъ слабымъ и рѣзкимъ вскочилъ онъ со скамьи, и бросился бѣжать домой. Ноги его отяжелѣли, сердце больно стучало,—и казалось Сережѣ, что земля съ глухимъ шумомъ колеблется подъ нимъ.

Дрожа, бѣжалъ онъ въ комнаты. Никто не замѣтилъ его. Какъ всегда, горѣли лампы въ пустыхъ комнатахъ, и голоса людей слышны были близко.

— Чего-же я испугался? — соображалъ Сережа:— вѣдь я лежалъ, вотъ и вышло, что заборъ былъ противъ моихъ ногъ,—а мнѣ показалось, что земля повертывается.

Ему захотѣлось поскорѣе итти къ людямъ, не быть одному. Но когда онъ вошелъ въ ту комнату, изъ которой слышался ему веселый голосъ его гувернера, то замѣтилъ, что помѣшалъ ему бесѣдовать съ Варкою.

Студентъ быстро повернулся къ мальчику съ принужденнымъ и смущеннымъ видомъ. Его руки были неловко разставлены, потому что онъ сейчасъ только держалъ ихъ на Вариныхъ плечахъ. Варя стояла около стола, словно ей надо было что-нибудь прибрать на немъ, усмѣхалась блудливою улыбкою, и смотрѣла на Серезу, какъ на непонимающаго, съ видомъ превосходства. Но Сереза зналъ, что Константину Осиповичу, студенту, нравится Варвара, и что онъ съ нею только такъ занимается шутками, а не женится на ней, потому что они не пара. Теперь ему сразу стало неприятно смотрѣть на нихъ. Онъ думалъ, что у нихъ нехорошія лица, и у курносаго и рябого студента, и у краснощечкой и чернобровой горничной. Онъ не зналъ, что нехорошаго въ ихъ лицахъ, но они наводили на него досаду и стыдъ.

Онъ отвелъ отъ нихъ глаза, и смотрѣлъ на лампу, завѣшенную краснымъ бумажнымъ колпакомъ съ тонкою сквозною оторочкою. Но звѣзды припомнились ему, и тягостно стало смотрѣть на красный свѣтъ лампы. Онъ отошелъ къ окну,—земные огни, мгlistые, дымные, отовсюду глянули на него. Недалеко, на одной изъ дачъ, горѣли бумажные фонарики,—должно быть, по случаю какого-нибудь семейнаго праздника. Тоскою повѣяло на Серезу отъ всѣхъ этихъ крикливыхъ и рѣзкихъ огней.

— Что это, — жалобно заговорилъ онъ, — когда-же мама пріѣдетъ?

— Маменька ваша поздно пріѣдутъ,—отвѣтила Варвара сладкимъ голосомъ,—вы ихъ, Серезенька, завтра утромъ увидите, а теперь уже вамъ спать пора.

Сереза посмотрѣлъ на Варвару злыми, холодными

глазами; они странно мерцали на его желтовато-блѣдномъ лицѣ. Его губы повело злою усмѣшкою и отъ этого щеки его словно припухли внизу. Злость захватила его сердце внятнымъ томленіемъ, похожимъ на томленіе голода.

— Я лягу, — сказалъ онъ слегка вздрагивающимъ голосомъ, — а ты съ нимъ цѣловаться будешь?

Варвара покраснѣла.

— Чтой-то, Сереженька, какъ вамъ не стыдно, — неувѣренно сказала она, — вотъ я маменькѣ пожалуюсь.

— Я самъ пожалуюсь, — отвѣтилъ Сережа, и хотѣлъ еще что-то сказать, но не могъ, потому что томленія злости и тоски до боли сжимали его сердце и горло.

— Вы, Сережа, сократитесь, — посоветовалъ студентъ, стараясь прикрыть свое смущеніе авторитетнымъ тономъ и презрительною усмѣшкою, — да отправляйтесь-ка спать.

Сережа посмотрѣлъ на него исподлобья, и молча отправился въ свою комнату.

Раздѣваясь, онъ постарался забыть и о студентѣ, и о Варѣ, и о всѣхъ людяхъ, — ему хотѣлось кротко и любовно помечтать о звѣздахъ. Онъ подошелъ къ окну и, слегка отодвинувъ штору, посмотрѣлъ на небо. Оно все искрилось и сверкало. Какъ алмазы, были звѣзды, и блескъ ихъ казался холоднымъ, — какъ бы прохладное дуновеніе нисходило отъ нихъ.

Согнувшись и припавъ плечомъ къ околоткѣ окна, стоялъ Сережа, и грустно думалъ о томъ, что никакъ нельзя допроситься у звѣздъ, что и какъ тамъ, — и холодные глаза его мерцали на блѣдномъ лицѣ. Но, когда онъ стоялъ такъ и смотрѣлъ на звѣзды, понемногу злость его смирялась, и сердце перестало томиться.

Ночью міръ таинственный и чудный снился Сережѣ, міръ на ясныхъ звѣздахъ. На деревьяхъ вѣщаго лѣса сидѣли мудрыя птицы, и смотрѣли на Сережу,—и подъ вѣтвями деревьевъ медленно проходили мудрые, невиданные на землѣ звѣри. Сережѣ радостно и легко было съ ними и съ людьми того міра, которые всѣ были ясные, смотрѣли большими глазами, и не смѣялись.

II.

День былъ жаркій, и Сережѣ было грустно. Онъ не любилъ жара, не любилъ яркаго солнечнаго освѣщенія, и днемъ все чего то боялся. Весь этотъ жаръ и свѣтъ тяжело ложились на его грудь, и въ ней пробуждалось по временамъ гдѣ-то около сердца неприятное томленіе и трепетаніе.

Къ тому-же днемъ грубо приставали къ нему съ наставленіями и занятіями, когда онъ хотѣлъ быть одинъ и думать, или пренебрежительно отталкивали его за недосугомъ, когда ему хотѣлось поговорить о чемъ-нибудь своемъ. Каждый день бывали чужіе люди, все больше мужчины, развязные и шумные. Всѣ они казались Сережѣ темными,—словно пыль отъ ихъ вѣчнаго смѣха налипла на нихъ.

Сережѣ хотѣлось, чтобы опять, поскорѣе, настала ночь: онъ поглядѣлъ бы, такъ ли и сегодня мерцаютъ звѣзды, какъ вчера мерцали. Опять было бы радостно, а днемъ — тоска! Потому что все чуждо и враждебно. Отецъ—совсѣмъ чужой. Онъ даже не знаетъ, о чемъ говорить съ Сережею: остановится передъ нимъ, погладитъ по головѣ, спроситъ что-нибудь несвязное и ненужное, вродѣ того, что:

— Ну, что, Сережа, какъ?

И уже сейчасъ же, не дожидаясь, что скажетъ Сережа, начинаетъ говорить съ другими. Мама, такъ та иногда вдругъ возьметъ Сережу за плечи, и начнетъ ласкать его и говорить съ нимъ, и тогда она дѣлается такая простая и свѣтлая, что Сережѣ даже не страшно ея наряднаго платья, и онъ довѣрчиво прижимается къ ней. Но это бываетъ рѣдко, совсѣмъ рѣдко, а то обыкновенно и мама бываетъ чужая, любезная съ гостями, и нарядная, благоухающая для нихъ, для всѣхъ этихъ длинныхъ и смѣшно по-модному одѣтыхъ мужчинъ, а съ Сережею холодная, пренебрегающая.

«Да, и мама—чужая,—думалъ Сережа,—и все, что днемъ, надоѣдаетъ, а вотъ звѣзды—мои; всѣ онѣ смотреть на меня и не отвертываются. Онѣ свѣтлыя. А на землѣ все темное. И мама только изрѣдка бываетъ свѣтлою. А можетъ быть, моя душа гдѣ-нибудь тамъ, на звѣздѣ, а я здѣсь только такъ, одинъ, какъ сплю, и потому мнѣ скучно?»

Въ обычное время Сережа отправился купаться съ своимъ гувернеромъ, Константиномъ Осиповичемъ, Сережѣ хотѣлось говорить о своихъ мысляхъ, и онъ думалъ, что теперь это удобно, потому что студенту тоже жарко и, повидимому, неприятно отъ этого: онъ шагаль лѣнливо, и не улыбался.

— Солнце темное,—заявилъ для начала Сережа.

Студентъ неопредѣленно хмыкнулъ.

— Правда,—убѣждающимъ голосомъ продолжалъ Сережа.—На него нельзя смотреть. А если согласишься, потомъ темные круги въ глазахъ. И день темный, нио чего не видно на небѣ. А ночь свѣтлая. Звѣзды лучше чѣмъ солнце.

— А вы очень высоко не заноситесь, Сережа,— тѣниво остановилъ его студентъ,— меньше глупостей скажете.

Сережѣ была неприятна грубость студента. Но онъ продолжалъ говорить.

— Вѣдь вотъ всѣ видятъ, что у васъ на плечѣ полотенце.

— Ну?—спросилъ студентъ.

И опять Сережѣ не понравился грубый звукъ этого укуанья. Онъ легонько вздохнулъ и сказалъ:

— Значить, всѣ знаютъ, что мы—купаться.

— Такъ,—подтвердилъ студентъ тономъ челоуѣка, слушающаго очевидный вздоръ.— Что-же изъ этого слѣдуетъ?

— А вотъ мы влѣземъ въ купальню. Тамъ тѣсно, а мы тамъ будемъ по-секрету купаться, а выплывать нельзя.

Студентъ вдругъ оскалился, и захихикалъ какъ-то совсѣмъ странно. Сережа съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. У студента было опять нехорошее лицо, такое же, какъ вчера вечеромъ. Сережѣ стало неловко и досадно, и онъ заговорилъ о другомъ.

— Какія глупыя лошади на землѣ,—сказалъ онъ, глядя на покорную морду мохнатой извозничьей лошаденки.

Извозчикъ, на припекѣ, дремалъ на козлахъ, дремала и лошадь. Сережѣ вспомнились мудрыя животныя, которыхъ онъ видѣлъ во снѣ: тѣ смотрѣли и знали, а эти...

— Право, глупыя,—повторилъ онъ.

— Чѣмъ онѣ вамъ не угодили?—спросилъ студентъ, все еще хихикая.

— Да какъ же, сильныя, а глупыя: таскають на себѣ людей.

Студентъ захохоталъ. Сережа вздрогнулъ отъ внезапнаго этого хохота, и тоскливо поглядѣлъ кругомъ. И все вездѣ было звонко, тревожно и чуждо: дачи, яркая зелень, яркій песокъ на дорогахъ, яркіе цвѣты въ садахъ, нарядныя дамы. И рядомъ съ роскошью этой жизни сновали грязные босые мальчишки съ жадными и робкими глазами.

Въ купальнѣ, когда Сережѣ стало свободно и весело отъ холодной воды, ему опять вспомнилось, что люди стыдятся, и что нельзя выплыть на широкой просторъ. И онъ не понималъ, что было въ немъ стыднаго, когда ему здѣсь такъ легко и удобно, въ этой водѣ, которая холодна и спокойна, и держитъ его въ своихъ объятіяхъ. Вотъ тамъ, на землѣ, когда онъ надѣнетъ свой костюмъ, онъ опять станетъ маленькій и смѣшной, а здѣсь онъ простой и ясный. Онъ быстро колотилъ руками и ногами по водѣ, взвизгивая отъ радости и подымая надъ собою облака брызговъ. Буйная веселость охватила его, и въ то же время нестерпимая злость на то, что тѣсно, и что безпрестанно чувствуются стѣны то подъ руками, то подъ ногами. Онъ стиснулъ зубы, пронзительно завизжалъ, и нырнулъ подъ стѣнку купальни,—вода была низкая, и ему не трудно было очутиться на открытомъ мѣстѣ.

Было свѣтло, просторно, холодно и весело. Рядомъ стояла другая купальня; изъ нея слышались голоса и вскрикиванія дѣвочекъ. Съ радостнымъ и громкимъ визгомъ Сережа сунулся въ эту купальню.

Увидя у себя мальчика, дѣвочки—ихъ было чело-
вѣкъ пять, и онѣ были однѣ, безъ взрослыхъ,—под-

няли крикъ и пискъ, и стали нелѣпо барахтаться въ водѣ, отвертываясь отъ Сережи и брызжа въ него водою. Одна изъ нихъ, посмѣлѣе, рослая дѣвочка, всмотрѣлась въ Сережу, крикнула сердито и пренебрежительно:

— Совсѣмъ маленькій мальчикъ!

И поплыла къ нему, очевидно, съ враждебными намереніями. Сережа поспѣшилъ спастись въ свою купальню.

Молча слушалъ онъ нотаци студента, и одѣвался, а глаза его были злые, и свѣтились по змѣиному. Грубья, неуклюжія слова студента шли мимо его, какъ и почти всѣ эти праздныя слова, которыхъ онъ уже такъ много слышалъ. Но онъ думалъ, что студентъ, конечно, насплетничаетъ дома, и опять будутъ бранить и смѣяться, и отъ этого Сережѣ дѣлалось тоскливо.

«Каждый день смѣхъ и стыдъ!—думалъ онъ.—И чѣмъ я заслужилъ такую жизнь?»

Дома Сережѣ стали доказывать неприличіе его поступка,—всѣ на него одного: и мама, и тетя Катя, папина сестра, полная дама съ желтымъ и морщинистымъ лицомъ, и кузина Саша, тетина дочка, тонкая барышня съ ровнымъ, тягучимъ голосомъ. Сережа тупо слушалъ слова, и не слѣдилъ за ними. Онъ и самъ зналъ, что считается неприличнымъ дѣлать то, что онъ сдѣлалъ, но думать объ этомъ ему было совсѣмъ неинтересно.

Мама вздохнула, полузакрыла свои красивые черные глаза, и молвила тихо, ни къ кому особенно не обращаясь:

— Какой то онъ нынче у насъ непокойный,—и съ чего это онъ, право, я не понимаю.

Тутъ мама посмотрѣла на студента.

— Вы бы, Константинъ Осипычъ,—начала, она, и замаялась, не зная, что сказать: построже или помягче; наконецъ она кончила:—Какъ-нибудь... этакъ,—и сдѣлала при этомъ одинъ изъ тѣхъ изящныхъ жестовъ, которые такъ не нравились Сережѣ.

Константинъ Осиповичъ состроилъ понимающее лицо, и глубокомысленно замѣтилъ:

— Нервозность сильная... вообще... поколѣние... и конецъ вѣка.

Тетя Катя сказала такимъ кислымъ и усталымъ голосомъ, какъ будто-бы это она больше всѣхъ обижена и Сережею, и всѣмъ прочимъ:

— Нынче ужъ и дѣти! Вотъ у Нечаевыхъ мальчишкѣ, но это ужасъ что такое.

Она наклонилась къ мамину уху, и зашептала. Сережа угрюмо стоялъ поодаль, ожидая, когда его отпустить, и думалъ коротенькими, злыми мыслями. Мама съ удрученнымъ видомъ выслушала секретный рассказъ, опять вздохнула, и сказала:

— Да, дѣти... Столько заботъ... Прѣво, ужъ и не знаешь, какъ съ ними быть. Ты, Сережа, голубчикъ, ужъ ты и самъ воздерживайся отъ всякихъ такихъ выходокъ. Пойми, тебѣ самому вредно: тебя бранять, а ты волнуешься. А тебѣ вредно волноваться. Да и меня пожалѣй, ты меня совсѣмъ разстраиваешь. И безъ тебя заботъ...

— Вотъ видишь, Сережа, — сказала кузина, — ты огорчаешь свою маму, а это нехорошо.

Сережа поглядѣлъ на ея свѣтлое платье съ буфами, бантами, складками, и подумалъ, что она напрасно вмѣшивается,—вовсе не ея дѣло. Она говорила еще что-то

неторопливо и ровно, и тонкія губы ея противно двигались. Тягучіе звуки ея голоса наводили на Сережу тоску и злобу, и сердце его опять замирало и томилось. Наконецъ онъ сказалъ, перебивая кузину на полусловѣ:

— Кузина Надя вышла замужъ, а у тебя и въ этомъ году нѣтъ жениховъ, и не будетъ, потому что ты уксусная.

Мама разсердилась, покраснѣла, и сказала:

— Сергѣй, тебя наказать придется.

Кузина сжала свои тонкія губы. Тетя воскликнула:

— Какой ты злой, Сережа!

— Ничего не остается, какъ только наказать,—усталымъ голосомъ повторяла мама.

Сережа угрюмо посмотрѣлъ на нее. Онъ почувствовалъ, что сердце его бьется чаще, а щеки блѣднѣютъ. Онъ думалъ:

«Если бы взрослымъ каждый день грозили наказать. Наказать!»

— А какъ?—спросилъ онъ.

— Что?—съ удивленіемъ переспросила мама.

— Какъ наказать?

— Да ужъ тебя не спросятъ, какъ,—гнѣвливо заговорила мама.—Вотъ позову Варвару, такъ ты и увидишь тогда, какъ.

— Къ Варварѣ на расправу? — спокойно спросилъ опять Сережа.

Мама всплеснула руками, и нервно разсмѣялась.

— Вотъ поговорите съ нимъ,—звѣящимъ отъ обиды голосомъ сказала она.—Нѣтъ, уведите его, Константинъ Осиповичъ, я не могу. Идіотъ какой-то растеть.

Сережа засмѣялся такимъ же взвизгивающимъ смѣ-

хомъ, какъ и мама, и выбѣжалъ изъ комнаты. Красная портьера неприятно задѣла его по коротко-остриженной головѣ шершавою матеріею. Сережа подумалъ вдругъ, что его всегда обижаютъ, и что всякій другой на его мѣстѣ непременно расплакался бы. Но онъ никогда не плачетъ, и ему теперь даже стало жалко, что онъ не заплакалъ: мама, можетъ быть, стала бы утѣшать его и приласкала бы. Горячее желаніе маминыхъ поцѣлуевъ и ласки безнадежно-острою струею пробѣжало въ душѣ мальчика, но онъ быстро подавилъ въ себѣ это желаніе. Губы его капризно сжались, а вздрагивающій подбородокъ прижался къ груди. Бѣгомъ добрался онъ до своей комнаты, повалился ничкомъ на постель, заболталъ въ воздухъ согнутыми въ колѣняхъ ногами, и принялся тихонько взвизгивать странными, некрасивыми звуками. Его злые глаза мерцали и расширялись, и чернота ихъ зрачковъ казалась глубокою стѣй контраста съ его лицомъ, блѣднымъ до желтизны и мало загорѣвшимъ.

III.

Кто-то тронулъ Сережу за плечо. Сережа досадливо взмахнулъ ногами, и повернулся на спину. Надъ нимъ стоялъ Константинъ Осиповичъ. Лицо студента, рябое, курносое, обросшее маленькою, мягкою рыжеватою бородкою, было важно, и это не шло къ нему, и было смѣшно. Сережа сразу увидѣлъ, что студентъ имѣетъ какое-то дѣло до него, можетъ быть, очень скверное, и мальчику стало тоскливо и страшно. Онъ лежалъ неподвижно, съ протянутыми вдоль руками, и плотно, всѣмъ тѣломъ прижимался къ постели. Его черные глаза были сухи и злы.

Студентъ постоялъ надъ мальчикомъ нахмурился, и сказалъ:

— Во-первыхъ, днемъ нельзя валяться.

Сереза молча сѣлъ на постели, а потомъ и вовсе сталъ на ноги. Онъ не отрываясь смотрѣлъ на студента, снизу въ его лицо, высоко подымая для этого голову, и какъ-то совсѣмъ ничего въ это время не думалъ. Студентъ еще больше нахмурился, поискалъ словъ, и началъ говорить:

— И всячески вы того... сбрендили...

— Сбрендилъ,—согласился Сереза совсѣмъ машинально, и принялся разсматривать руки студента, большія, костлявыя, съ синими толстыми жилами.

— Вы не перебивайте,—сердито сказалъ студентъ.— Вы того... дерзостей тамъ наговорили барышнѣ, и маменькѣ тоже. Такъ оно выходитъ этакъ... неказисто. Совсѣмъ, знаете, это вы неосновательно поступили. Ну-съ, грубіянить, это—не того, и совсѣмъ... ну, однимъ словомъ, неказисто.

Студентъ сдѣлалъ энергичный жестъ, словно онъ рукой что-то проталкивалъ быстро и сильно въ узкую щель. Серезѣ было досадно, что онъ такъ долго тянетъ и говорить нескладно.

— Просить прощенія надо?—спросилъ Сереза.

— Вотъ оно самое и есть,—обрадовался студентъ.— Вы того... этого... шаркните тамъ, ну и ручки поцѣлуйте.

— Да хоть ножки, мнѣ все равно,—угрюмо сказалъ мальчикъ.

— Ну, это, приблизительно, лишнее.

— А пороть не будутъ?—освѣдомился Сереза дѣловымъ тономъ.

Студентъ ухмыльнулся, точно онъ услыхалъ о чемъ-то, очень ему дорогомъ и пріятномъ.

— Не собираются,—отвѣтилъ онъ,—а слѣдовало бы.

Ему бы хотѣлось пострадать мальчика, но онъ не смѣлъ: черные, злые Серезины глаза наводили на него смущеніе, и всѣ слова и поступки Серезины казались ему неожиданными.

Мальчикъ постоялъ еще немного, подумалъ о чемъ-то смутномъ и постороннемъ, и переваливающеюся походкою пошелъ въ гостиную. Студентъ шелъ за нимъ, и думалъ, какъ бы мальчишка не наговорилъ еще дерзости. Но все обошлось благополучно.

Когда Сереза вошелъ въ гостиную, то и мама, и тетя, и кузина, всѣ сидѣли и молча глядѣли на него, а отецъ стоялъ у камина, длинный, весь въ сѣромъ, и усмѣхался едва замѣтно, равнодушно и пренебрежительно. Сереза направился къ кузинѣ, остановился передъ нею, шаркнулъ ногою, и сказалъ ровнымъ голосомъ, какъ отвѣчаютъ затверженный урокъ:

— Простите меня, кузина, что я сказалъ вамъ дерзость.

При этомъ щеки его нисколько не окрасились. Холодными глазами посмотрѣлъ онъ въ притворно благосклонное лицо кузины, постоялъ еще немного передъ нею, потомъ подвинулся къ ней поближе, наклонился, и поцѣловалъ ея руку такимъ движеніемъ, словно выполнялъ неинтересный ему самому, но уже такъ принятый обрядъ. Кузина кисло улыбнулась.

— Я не сержусь,—сказала она,—а только тебѣ самому нехорошо, если ты приучишься грубянить.

Сереза опять шаркнулъ ногою, такъ же спокойно направился къ матери, и продѣлалъ съ нею все то же,

что и съ кузиною. Мама сказала ему недовольнымъ голосомъ:

— Не говорилъ бы дерзостей, не пришлось бы прощенья просить.

Сережа подошелъ къ отцу. Отецъ притворился строгимъ и сердитымъ, но Сережа зналъ, что ему все равно, что онъ—чужой.

— Что, сорванецъ, опять напроказничалъ? — спросилъ отецъ.

Сережа нахмурился, и сообразилъ, что можно и не отвѣчать. Отецъ подумалъ, и не нашелъ сердитыхъ словъ. Это его разсердило, и онъ досадливо засмѣялся.

— Клопы!—сказалъ онъ, и щипнулъ сына за щеку.— Достукаешься ты до хорошаго угощенія.

— Только, пожалуйста, не сегодня, — серьезно сказалъ Сережа, потирая щеку, на которой показалось красное пятнышко.

— Ну, отправляйся къ себѣ,—хмуро сказалъ отецъ.

Сережа вышелъ, а студента удержали. Изъ этого Сережа понялъ, что будутъ опять говорить о немъ. Онъ отошелъ немного, тихонько воротился, притаился за портьерою, и принялся слушать.

— И замѣтили вы,—говорила мама измученнымъ неискреннимъ голосомъ,—съ какою злостью онъ просилъ прощенья?

— И въ кого онъ у васъ такой недобрый? — спрашивала кузина.

— Нервы,—сердито проворчалъ отецъ,—мальчишку ведутъ, какъ дѣвочку, онъ и изнервничался.

— Ахъ, какіе тамъ нервы, — грубымъ, громкимъ голосомъ заговорила вдругъ тетя,—просто вы набаловали мальчика. Надо строже.

— Какъ еще строже,—недовольнымъ голосомъ отвѣ-
чалъ отецъ,—бить его, что ли?

— Конечно, не мѣшало бы тебѣ его иногда высѣчь,
очень бы это для него было полезно.

— Это нельзя,—рѣшительно и съ досадою сказалъ
отецъ, не потому, что онъ такъ думалъ, а потому, что
считалъ такой разговоръ съ дамами неприличнымъ, и
стыбнялся при нихъ такихъ грубыхъ словъ.

— Отчего это нельзя?—съ неудовольствіемъ возра-
жала тетя,—не безпокойся, не растреплется.

— Ахъ, я, право, не понимаю такихъ разговоровъ,—
раздражительно сказалъ отецъ, и сейчасъ же перемѣ-
нилъ тонъ, и заговорилъ о другомъ, чтобы прекратить
этотъ непріятный для него разговоръ:—да, я чуть было
не забылъ, сегодня я у Леонида Павловича...

Сережа поспѣшно, стараясь не зашумѣть, отошелъ
отъ двери. Онъ пошелъ въ садъ. Когда онъ проходилъ
мимо кухни, онъ услышалъ, какъ тамъ Варвара со
смѣхомъ говорила кухаркѣ:

— А нашъ-то коротелька какъ ловко отбрилъ ба-
рышню!

И она рассказывала, что сказалъ Сережа, и при
этомъ прибавляла и перевирала, и онъ смѣялись звонко
и грубо. Сережа пошелъ дальше. Онъ чувствовалъ
злость.

«Вездѣ смѣются»,—думалъ онъ,—«люди не могутъ
не смѣяться другъ надъ другомъ».

Онъ поднялъ глаза къ небу, но оно было еще за-
крыто бѣлесоватою синевою. Сережа тоскливо потупился,
и лѣниво шелъ по дорожкамъ сада.

У самага края песочной дорожки сидѣла малень-
кая, чахлая лягушонка. Она была противна Сережѣ.

Вдругъ у него мелькнула шаловливая, мальчишеская мысль. Черные глаза его радостно засверкали. Онъ наклонился, и схватилъ лягушку въ руки. Она была вся слизкая, и Сережѣ было противно держать ее. Это ощущение скользкаго и отвратительнаго расплзлось по всему его тѣлу, и щекотало въ зѣвѣ. Торопясь, спотыкаясь отъ торопливости, онъ побѣжалъ въ гостиную. Тамъ отца уже не было, а остальные сидѣли на тѣхъ же мѣстахъ. Всѣ трое посмотрѣли на Сережу съ презрительною усмѣшкой. Сережа подошелъ прямо къ кузинѣ.

— Смотрите-ка, — сказалъ онъ, — какую я поймалъ хорошенькую.

И онъ посадилъ лягушку кузинѣ на колѣни. Кузина отчаянно взвизгнула, и вскочила съ мѣста.

— Лягушка, лягушка, — кричала она, безтолково махая руками.

Всѣ переполошились, и вскочили съ мѣсть, а Сережа стоялъ и смотрѣлъ на кузину, которая кричала и рыдала истерически. Сережѣ казалось, что она кривляется, и ему было стыдно за нее.

— Она же невредная, — сказалъ онъ, — она не укуситъ.

Видя, что его не слушаютъ, онъ тихонько повернулся, и вышелъ изъ комнаты. Его не остановили, потому что барышня впала въ истерику, а мама и тетя ее расшнуровали, и отпаивали водою съ каплями.

Сережа зналъ, что теперь-то его навѣрное накажутъ. — Впрочемъ, ему было теперь все равно. Голова его слегка кружилась, пустяки развлекали его. Портьера, подъ которою онъ прошелъ, колебалась и темнѣла въ складкахъ, и была повѣшена, конечно, только для того, чтобы

задѣвать шершавою матеріею по остриженной головѣ. Она была красная, и осталась за нимъ, а онъ ушелъ къ себѣ.

Онъ сѣлъ въ своей комнатѣ на подоконникъ, и смотрѣлъ въ садъ злыми, черными глазами. Деревья были ярко зелены, и съ длинными прутьями, воробьи прыгали, солнце бросало рѣзкія пятна на землю, и желтый песокъ рѣзко блестѣлъ. Все было грубо, и все злило Сережу,—и отъ этого у него ныло сердце, и онъ чувствовалъ это такъ же отчетливо, какъ иногда ясно чувствуется боль въ рукѣ или въ ногѣ. Дразня и травляя свою злость, онъ сталъ воображать, что съ нимъ сдѣлаютъ: какъ его будутъ бранить и стыдить, и какъ потомъ примутся бить. Онъ маленькій, и помѣстится на колѣняхъ Варвары, голова его будетъ внизъ, а рукамъ целовко.

Случилось, однако, что Сережу оставили сегодня въ покоѣ. Приѣхала къ мамѣ съ визитомъ богатая, важная барыня, и мама была рада этому до чрезвычайности. Дама была очень любезна и участлива, и потому ей рассказали о Сережѣ, и она пожелала видѣть Сережу. Сережа шаркнулъ передъ нею совѣмъ такъ, какъ это слѣдовало, поцѣловалъ ей руку, и посмотрѣлъ на нее внимательными глазами. На его взглядъ она была большая, грубая, темная. въ пышномъ шумномъ платьѣ, отъ нея неприятно пахло духами,—нѣсколько негармонично смѣшанныхъ, рѣзкихъ запаховъ,—и на лицѣ ея было что-то постороннее, пудра или бѣлила. Дама хотѣла улыбнуться на мальчика, такого коротенькаго не по возрасту, но отъ его черныхъ, внимательныхъ глазъ и отъ его блѣдныхъ, слегка припухлыхъ щекъ она по-

чувствовала смутное беспокойство, и сказала Сережиной матери:

— Вы его оставьте въ покоѣ,--- да, оставьте въ покоѣ. Пусть себѣ играетъ. Ему надо подрасти. Это все оттого, что онъ слишкомъ малъ для своего возраста.

И Сережу оставили въ покоѣ, на волю его глухому раздраженію, которое, не унимаясь, мучило его, — словно вчерашнія звѣзды отравили его. Онъ томительно ждалъ вечера, когда опять снимется эта свѣтлая, тяжелая завѣса, которою солнце закрываетъ звѣзды. И онъ дождался.

IV.

Сережу рано отправили спать. Сегодня мама была дома, и Сережу не пустили вечеромъ въ садъ, а за то, что онъ дурно себя велъ, его не оставили съ мамою. Но онъ былъ радъ, когда наконецъ остался одинъ, раздѣтый, въ своей постели. День конченъ, солнца, этого жаркаго, грубаго чудовища, нѣтъ, и ночь тиха, и на небѣ есть звѣзды. Ими можно любоваться, если вотъ встать съ постели, тихохонько подойти къ окну, и отодвинуть штору. Онъ лежалъ, нѣжась въ постели, и смотрѣлъ на бѣлую штору, и тихо смѣялся, а черные глаза его горѣли радостно.

Звѣзды звали его еле слышнымъ, тонкимъ звономъ. Сережа откинулъ одѣяло, спустилъ на полъ ноги, и послушалъ. Коверъ подъ ногами былъ мягкій, теплый. На немъ пріятно было стоять. Сережа потянулся, тихонько засмѣялся отъ радости, и подбѣжалъ къ окну, — и холодныя доски крашенаго пола тоже радовали его. Онъ отодвинулъ штору, сталъ на колѣни передъ ок-

номъ, положилъ подбородокъ на подоконникъ, и принялся глядѣть на ясныя звѣзды мерцающими черными глазами. При невѣрномъ свѣтѣ звѣздъ казалось, отъ легкой припухлости блѣдныхъ щекъ, что на губахъ его улыбка,—но онъ не улыбался, хотя ему было весело. Долго смотрѣлъ онъ на звѣзды, холодныя, ясныя, и сквозь стекла окна къ нему вѣяли отъ нихъ холодъ и покой. Сердце радостно, часто билось въ его груди, и онъ дышалъ весело, торопливо, точно что-то холодное, радостное вливалось въ его легкія. Онъ ни о чемъ не думалъ,—все дневное отошло отъ него, какъ сонъ.

Затихли голоса въ домѣ и на улицѣ. Сережа всталъ, отошелъ къ постели, и принялся одѣваться. Обувя своей онъ не нашелъ,—башмаки его унесли, чтобы почистить утромъ. Но онъ зналъ, что теперь уже всѣ спятъ и не увидятъ. Онъ подошелъ къ окну, открылъ его, взобравшись для этого на подоконникъ, и вылѣзъ въ садъ, цѣпляясь за вѣтки березы. Внизу, на землѣ, влага и холодъ іюльской ночи охватили его. Онъ вздрогнулъ. Но звѣзды все глядѣли на него,—и онъ поднялъ къ нимъ некрасивое, блѣдное лицо, радостно засмѣялся, и побѣжалъ по сырой землѣ, дальше отъ дома, къ той же скамейкѣ, гдѣ вчера смотрѣлъ онъ на звѣзды. Вѣтки кустовъ задѣвали его, и ногамъ было сыро и неловко, и сердце непомѣрно билось въ груди,—но онъ торопился,—такъ много ушло времени, и скоро небо начнетъ заволакиваться блѣднымъ свѣтомъ, люди проснутся, а звѣзды опечалятся.

Онъ добѣжалъ, легъ на скамью,—и, глядя на звѣзды, дышалъ тяжело, и не улыбался. Ему было больно: сердце такъ сильно стучало въ груди, что это отдава-

лось въ горлѣ и вискахъ непріятными, рѣзкими подергиваніями. Онъ всматривался въ звѣзды, и старался этимъ успокоить сердце,—и оно начинало по временамъ утихать, а то вдругъ опять заколотится, и дѣлается больно. Но когда оно затихало и только слегка трепетало въ груди, Сережѣ становилось жутко и трепетно-хорошо, и неиспытанное еще имъ раньше наслажденіе заставляло его крѣпко стискивать зубы, и раздвигало его губы блѣдною, больною улыбкою.

Эти всѣ ощущенія мѣшали ему отдаться звѣздамъ, и кромѣ того, вдругъ налетѣли на него цѣлымъ роємъ нелѣпыхъ, ничтожныхъ воспоминаній. Они надоѣли, Сережа старался избавиться отъ нихъ, и не могъ.

Вотъ кухня передъ зеркаломъ, съ бѣлою пуховкою для пудры въ рукахъ, завистливо вздыхаетъ.—Отецъ держитъ во рту сигару, и отъ нея вьется синій дымъ.—Улица, дачи, красные огни въ окнахъ, съ вокзала ѣдутъ дрожки безконечною вереницею, на дрожкахъ все мужчины въ сѣромъ.—Сережа стоитъ на пароходной пристани, и хочетъ рассказать о звѣздахъ,—но всѣ смѣются надъ нимъ.

Рѣзкая боль въ груди пронизала все тѣло мальчика. Смутныя, сѣрыя тѣни пробѣжали передъ глазами,—что-то страшное, безликое мелькнуло изъ-за кустовъ. Медленно, дрожа всѣмъ тѣломъ, поднялся Сережа со скамейки. Тонкая паутинка коснулась его щеки. Блѣдный стоялъ онъ, и черными глазами всматривался въ пустоту ночи.

Все было тихо и спокойно. Сережа повернулся къ дому,—его молчаливыя, внимательныя окна виднѣлись вдаль изъ-за кустовъ, и Сережа почувствовалъ, что страшно туда идти, страшно даже смотрѣть туда. Онъ

отвернулся отъ этого дома, и опять легъ на скамейку.

Ему стало хорошо. Сердце было спокойно, какъ будто его и не было въ груди. Сережа прислушался къ нему,—оно билось ровно, и только легкое щекотаніе было гдѣ-то около него, но оно было пріятно. Сережа пересталъ думать о своемъ сердцѣ. Всѣ воспоминанія вдругъ отошли, и не мѣшали звѣздамъ придвинуться.

И вдругъ не стало ничего, кромѣ звѣздъ. Стало совсѣмъ тихо, и ночь сгустилась, придвинулась къ Сережѣ, и слухала вмѣстѣ съ нимъ, но звѣзды радостно молчали, и сіяли, и играли переливными огнями. Ихъ сіяніе возрастало, и они сладко и томно кружились, сначала медленно, потомъ все быстрѣе. Сережа смотрѣлъ внизъ на ихъ сіяющую бездну со своей высоты, и ему не было страшно, что теперь всѣ эти звѣзды блестятъ и сверкаютъ не вверху, какъ раньше, а внизу, подъ нимъ. Кружась, онѣ слились въ ясныя дуги, свѣтъ ихъ расплывался,—словно легкая дрема набѣжала на нихъ. Бѣлое полотно разостлалъ кто-то между ними и Сережею. Подъ сводами полотняной палатки румяный мальчикъ говорилъ что-то Сережѣ, а у Сережи въ рукахъ была вѣщая, ясная птица.

— Оглянись!—сказалъ мальчикъ.

Сережа довѣрчиво оглянулся. Мальчикъ выхватилъ изъ его рукъ птицу, и убѣжалъ. Сережа почувствовалъ, что онъ плыветъ и качается. Вѣтка сирени надъ нимъ поплыла съ нимъ вмѣстѣ. Опять ему стало жутко и радостно. Звѣзды звенѣли надъ нимъ тихо и нѣжно. Потомъ жалобны стали ихъ звуки.

Холодъ пробѣжалъ по Сережину тѣлу, отъ ногъ къ головѣ.

— Спасайся! Къ намъ!—тревожно шептали звѣзды.

Скамейка, на которой лежалъ Сережа, толкала его, и старалась сбросить. Вѣтеръ повѣялъ, — и вдругъ страшные звуки поднялись вездѣ въ деревьяхъ.

Сережа вскочилъ на ноги. Сердце у него трепетало, словно у него выросли крылья. Земля колебалась подъ Сережиними ногами. Что-то противное, страшное приближалось къ нему по землѣ, гибкое, съ яркими зелеными глазами, и кричало ужасно и рѣзко. За спиною Сережи кто-то неистово хохоталъ грубымъ человѣческимъ голосомъ. Надъ хаосомъ грубыхъ, злыхъ звуковъ, которые возникали вездѣ вокругъ Сережи и оглушали его, радостно и призывно звенѣли звѣзды,—голоса ихъ были тихіе, но внятны для Сережи. А въ воздухѣ носилась липкая, тонкая паутина, и ложилась на Сережины щеки; среди общаго смятенія и шума она одна была безмолвна, и это безмолвіе липкой паутины было всего страшнѣе.

Сережа не зналъ, что ему дѣлать, чтобы спастись отъ этого шума и отъ этой паутины. Тоска сжимала его сердце. Онъ побѣждалъ, шатаясь, спотыкаясь и плача, не зная самъ, куда бѣжить,—ноги его тяжелѣли, и сердце съ тяжкимъ грохотомъ стучало въ груди, и все вокругъ гремѣло и скрежетало.

Сережа набѣждалъ на темный стволъ березы, уперся въ него руками, отскочилъ, шатаясь, назадъ, и остановился, колеблясь на ослабѣлыхъ ногахъ и шепча въ тоскѣ:

— Что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать?

Со страшною, рванувшею все тѣло болью сжалось его сердце,—и вдругъ боль и тоска исчезли. Тихая, нѣжная радость приникла къ Сережѣ. Онъ почувство-

валь, что кто-то повѣялъ на него холоднымъ дыханіемъ и прислонилъ его спиною къ землѣ. Опять подъ нимъ, далеко внизу, засіяли ясныя, тихія звѣзды. Сережа широко раскинулъ руки, оттолкнулся отъ земли ладонями, и съ крикомъ громкимъ и рѣзкимъ, похожимъ на визгливый голосъ ночной птицы, бросился торопливо и радостно съ темной земли къ яснымъ звѣздамъ. Радостно закружились звѣзды, и зазвенѣли стройно и громко, и помчались ему навстрѣчу, расширяя свои золотыя крылья. Великій, кроткій ангелъ подставилъ его груди бѣлое крыло, и нѣжно обнялъ его, и закрылъ его глаза легкою рукою. И въ его объятіяхъ навсегда и обо всемъ забылъ Сережа.

Рано утромъ нашли его въ сырой травѣ у забора. Онъ лежалъ, широко раскинувъ руки, съ лицомъ, обращеннымъ къ небу. Около его рта, на блѣдной, словно припухшей отъ улыбки, щекѣ, темнѣла струя запекшейся крови. Глаза его были сомкнуты, лицо не подѣтски спокойно, онъ весь былъ холодный и мертвый.

У Л Ы Б К А.

I.

Въ саду дачи Семибояриновыхъ, по случаю именинъ одного изъ сыновей, Леша, гимназиста второго класса, собралось десятка полтора мальчиковъ и дѣвочекъ разнаго возраста, и нѣсколько юношей и дѣвицъ. Лешины именины для того и справляли, чтобы лишній разъ собрать молодыхъ гостей для взрослыхъ барышень, сестеръ именинника.

Всѣ были веселы и улыбались,—и взрослые, и мальчики, и дѣвочки, которые, играя, двигались по желтому песку подметенныхъ дорожекъ,—улыбался и блѣдный некрасивый мальчикъ, что сидѣлъ одиноко на скамеечкѣ подъ сиреню и молча глядѣлъ на своихъ сверстниковъ. Его одиночество, молчаливость и поношенная, хотя чистенькая, одежда показывали, что онъ изъ бѣдной семьи и стѣсняется этимъ обществомъ нарядныхъ, бойкихъ дѣтей. Лицо у него было робкое, худенькое, и грудь такая впалая, и ручки такія тощія; такъ смиренно онъ лежали, что на него жалъ было смотрѣть. А все-таки онъ улыбался,—но и улыбка его казалась жалкою: не то ему весело было смотрѣть на игры и на веселье, не то онъ боялся, чтобы не рассердить кого-нибудь своимъ скучнымъ видомъ и плохимъ костюмомъ.

Его звали Гриша Игумновъ. Отецъ его недавно умеръ; мать посылала иногда Гришу къ своимъ богатымъ родственникамъ, гдѣ Гриша всегда чувствовалъ скуку и неловкость.

— Что-жъ ты одинъ сидишь,—иди, побѣгай!—сказала ему мимоходомъ синеглазая барышня, Лидочка Семибояринова.

Гриша не смѣлъ не послушаться,—сердце его забилось отъ волненія, лицо покрылось мелкими капельками пота. Онъ боязливо подошелъ къ веселымъ краснощекимъ мальчикамъ. Они посмотрѣли на него недружелюбно, какъ на чужого,—и Гриша самъ почувствовалъ сейчасъ же, что онъ не такой, какъ они: не можетъ говорить такъ смѣло и громко, и у него нѣтъ такихъ желтыхъ башмаковъ и задвинутой на затылокъ круглой шапочки съ мохнатою красною шишечкою, какъ у мальчугана, который стоялъ къ нему всѣхъ ближе.

Мальчики продолжали говорить между собою по прежнему, какъ будто бы здѣсь и не было Гриши. Гриша стоялъ возлѣ нихъ въ неловкой позѣ, принагнулъ тонкія плечики, крѣпко держался тоненькими пальцами за узенькій кушачекъ, и робко улыбался. Онъ не зналъ, какъ ему теперь быть, и отъ смущенія едва слышалъ, что говорили бойкіе мальчики.

Они окончили разговоръ, и вдругъ разбѣжались. Продолжая улыбаться все такъ же робко и виновато, Гриша неловко пошелъ по песчаной дорожкѣ, и опять сѣлъ на скамейку. Ему было стыдно, что вотъ онъ подходилъ къ мальчикамъ, но ни съ кѣмъ изъ нихъ не заговорилъ, и ничего изъ этого не вышло. Усѣвшись, онъ робко осмотрѣлся,—никто не обращалъ на

него вниманія, никто не смѣялся надъ нимъ. Гриша успокоился.

Но вотъ мимо него медленно прошли, обнявшись, двѣ дѣвочки. Подъ ихъ пристальными взорами Гриша ежился, краснѣлъ, виновато улыбался.

Когда дѣвочки прошли, одна изъ нихъ, поменьше, свѣтловолосая, громко спросила.

— Кто этотъ маленькій уродецъ?

Другая, краснощекая, чернобровая, рослая дѣвочка засмѣялась, и отвѣтила:

— Я не знаю,—надо будетъ у Лидочки спросить. Вѣрно, какой-нибудь бѣдный родственникъ.

— Какой смѣшной,—сказала маленькая блондиночка.—Уши разставилъ, сидитъ и улыбается.

Онѣ скрылись за кустами на поворотѣ дорожки, и Гриша пересталъ слышать ихъ голоса. Ему было обидно, и становилось страшно думать, что еще долго надо здѣсь пробыть и неизвѣстно, когда мама съ нимъ пойдетъ домой.

Большеглазый, тоненькій гимназистъ съ упрямымъ хохолкомъ, торчавшимъ надъ его крутымъ лбомъ, замѣтилъ, что Гриша одинъ сидитъ сиротою,—и онъ захотѣлъ чѣмъ-нибудь приласкать и утѣшить мальчика, и подсѣлъ къ нему.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ онъ.

Гриша тихонько назвалъ свое имя.

— А меня зовутъ Митей,—сообщилъ маленькій гимназистъ.— Что-жъ, ты здѣсь одинъ, или съ чѣмъ-нибудь?

— Съ мамой,—шепнулъ Гриша.

— Отчего же ты тутъ одинъ сидишь?—спросилъ Митя.

Гриша безпокойно задвигался и не зналъ, что сказать.

— Отчего ты не играешь?

— Не хочу.

Митя не дослышалъ, и переспросилъ:

— Что ты говоришь?

— Мнѣ не хочется,—сказалъ Гриша немного погромче.

Гимназистъ удивился, спрашивалъ:

— Не хочется? Отчего же?

Гриша опять не зналъ, что сказать, и растерянно улыбулся. Митя внимательно смотрѣлъ на него. Чужіе взоры всегда приводили Гришу въ смущеніе,—онъ словно боялся, что въ его наружности найдутъ что-нибудь смѣшное.

Митя помолчалъ, придумывая, что бы еще спросить.

— Ты что собираешь?—спросилъ онъ.—Какіе-нибудь предметы, понимаешь, коллекцію? Мы всѣ собираемъ: я—марки, Катя Покрывалова—раковины, Леша—бабочекъ. А ты что собираешь?

— Ничего,—отвѣтилъ Гриша, краснѣя.

— Какъ же ты такъ?—съ простодушнымъ удивленіемъ говорилъ Митя.—Ничего не собираешь? Напрасно, это очень интересно!

Гришѣ стало стыдно, что онъ ничего не собираетъ, и что это обнаружилось.

«Надо собирать что-нибудь и мнѣ!»—подумалъ онъ, но не рѣшился сказать этого вслухъ.

Митя посидѣлъ немного, и ушелъ. Гриша почувствовалъ облегченіе. Но ему готовилось новое испытаніе.

По дорожкамъ сада гуляла нянька Семибоярино-

выхъ съ ихъ младшимъ сыномъ, годовалымъ бутузомъ, на рукахъ. Ей захотѣлось посидѣть, и она выбрала для этого ту самую скамейку, гдѣ сидѣлъ Гриша. Ему опять стало неловко. Онъ глядѣлъ прямо передъ собою, и не рѣшался даже отодвинуться отъ няньки на другой конецъ скамьи.

Вниманіе малютки скоро привлекли оттопыренные Гришины уши, и онъ потянулся къ нимъ. Нянька, толстая, румяная баба, сообразила, что Гриша—безотвѣтный. Она поднесла своего бутуза къ Гришѣ, и розовый младенецъ ухватился пухлою рученкою за Гришино ухо. Тотъ обомлѣлъ отъ смущенія, но не рѣшился сопротивляться. А ребенокъ, весело и звонко хохоча, то выпускалъ Гришино ухо, то опять хватался за него. Румяная нянька, забавляясь не менѣе младенца, по вторяла:

-- А вотъ мы его! А вотъ мы ему зададимъ!

Кто-то изъ мальчиковъ увидѣлъ и сказалъ другимъ, что маленькій Жоржикъ развоевался съ тихимъ мальчикомъ, который все сидитъ на скамеечкѣ. Дѣти сбѣжались, окружили Жоржика и Гришу, и шумно смѣялись. Гриша старался показать, что ему ничего, не больно, и что ему тоже весело и забавно, что Жоржикъ его такъ хватаетъ. Но ему становилось все труднѣе улыбаться, и страшно хотѣлось заплакать. Онъ зналъ, что нельзя плакать, стыдно, и крѣпился.

Къ счастью, его скоро выручили. Синеглазая Лидочка, слышавши необычайный смѣхъ и восклицанія, пришла, увидѣла, въ чемъ дѣло, и сказала:

— Няня, какъ вамъ не стыдно! Что вы дѣлаете!

Ей и самой стало смѣшно глядѣть на жалкое, сконфуженное Гришино лицо. Но, поддерживая передъ нянь-

кою и дѣтьми свое достоинство взрослой барышни, она не засмѣялась. Няня встала и сказала, посмѣиваясь:

— Что жъ, Жоржинька легонечко. Они сами ничего не говорятъ, имъ не больно.

— Пожалуйста, чтобъ этого не было!—строго сказала Лидочка.

Жоржикъ, недовольный тѣмъ, что его отняли отъ Гриши, поднялъ крикъ. Лидочка взяла его на руки, и унесла подальше, утѣшить. Ушла за нею и нянька. А мальчики и дѣвочки не ушли. Они толпились передъ сидѣвшимъ на скамейкѣ Гришею, безцеремонно оглядывали его.

— У него, можетъ быть, приставныя уши,—сообразжалъ одинъ изъ мальчиковъ,—потому ему и не больно.

— Ты, должно быть, любишь, когда тебя держутъ за уши?—спрашивалъ другой.

— Скажите,—спросила дѣвочка съ большими синими глазами,—васъ вапа мама за какое ухо чаще держать?

— Это ему такъ на-заказъ уши вытянули, въ мастерской,—кричалъ веселый мальчуганъ, звонко хохоча.

— Нѣтъ,—поправилъ другой,—онъ такъ и родился. Когда маленькій былъ, его не за руку водили, а за ухо.

Гриша поглядывалъ на своихъ учителей, какъ загнаннй звѣрекъ, напряженно улыбался, и вдругъ, совсѣмъ неожиданно для веселой дѣтвoры, заплакалъ. Частыя, мелкія слезы закапали на его курточку. Дѣти сразу притихли. Имъ стало неловко. Они сконфуженно переглядывались, и молча смотрѣли на то, какъ Гриша плакалъ, утирая лицо тоненькими руками, и, очевидно, стыдясъ своихъ слезъ.

— Туда же, обижаться, — сердито сказала русоволосая красавица Катя, — что ему сдѣлали? Уродецъ!

— Вовсе онъ не уродъ, ты сама уродъ, — заступился Митя.

— Терпѣть не могу, когда говорятъ грубости, — сказала Катя, досадливо краснѣя.

Маленькая смуглая дѣвочка въ красной юбочкѣ смотрѣла долго на Гришу, хмуря брови, очевидно, размышляя о чемъ-то. Потомъ она обвела другихъ дѣтей недоумѣвающимъ взоромъ, и тихо спросила:

— Такъ зачѣмъ же онъ улыбался?

II.

Обновки у Гриши бывали рѣдко, — дѣлать ихъ часто средствъ не хватало у матери, и потому каждая обновка была ему въ большую радость. Наступила осень, стало холодно, — справила Гришѣ мать пальто, шапку, рукавицы. Больше всего порадовали Гришу рукавицы.

Въ праздникъ послѣ обѣдни онъ надѣлъ всѣ свои обновки, и отправился гулять. Онъ любилъ гулять по улицамъ, и его пускали одного: матери было некогда ходить съ нимъ. Теперь она съ гордостью смотрѣла изъ окна, когда Гриша степенно проходилъ по двору. Вспоминая своихъ зажиточныхъ родственниковъ, которые много обѣщали, но мало дѣлали для нея, она думала:

«Вотъ, и сама справила, слава Богу, обошлась и безъ нихъ».

Стоялъ холодный, ясный день; солнце свѣтило не ярко; по водѣ городскихъ каналовъ плыли первыя тон-

кія льдинки. Гриша ходилъ по улицамъ, радуясь и этому бодрому холоду, и своимъ обновкамъ, и наивнымъ своимъ мечтамъ,—онъ всегда принимался мечтать, какъ только оставался одинъ, и мечталъ всегда о подвигахъ, о славѣ, о блестящей, счастливой жизни въ роскошныхъ чертогахъ, обо всемъ, что не похоже на скучную дѣйствительность.

Когда Гриша стоялъ на набережной Мойки, и сквозь чугунную рѣшетку смотрѣлъ на тонкое сало, плывшее по теченію, къ нему подошелъ уличный мальчишка въ потасканной одеженкѣ и съ покраснѣвшими отъ холода руками. Онъ заговорилъ съ Гришею. Гриша его не боялся, даже пожалѣлъ, что у него озябли руки. Новый знакомецъ сообщилъ, что его зовутъ Мишкой, а фамилія у него Бабушкинъ, потому что онъ съ матерью живетъ у бабушки.

— Такъ какъ же,—спросилъ Гриша,—а у твоей матери какая фамилія?

— У матери?—переспросилъ Мишка, ухмыляясь,—а у нея фамилія Матушкина, потому что бабушка ей не бабушка, а матушка.

— Вотъ какъ!—съ удивленіемъ сказалъ Гриша.—А вотъ у меня съ мамой одна фамилія: мы—Игумены.

— Такъ это потому,—живо объяснилъ Мишка, — что твой дѣдушка былъ игуномъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Гриша,—мой дѣдушка былъ полковникомъ.

— Ну, все равно, дѣдушкинъ отецъ, или кто-нибудь былъ игуномъ, вотъ вы всѣ и пошли Игумены.

Гриша не зналъ, кто былъ его прадѣдъ, и потому замолчалъ. Мишка все поглядывалъ на его рукавицы.

— Рукавицы-то у тебя знатныя,—сказалъ онъ.

— Новыя,—объяснилъ Гриша, радостно улыбаясь,— въ первый разъ надѣлъ. Видишь ты, — съ прошивочкой!

— Ишь ты, какія важныя! Поди, тепло тебѣ въ нихъ?

— Тепло.

— У меня тоже есть рукавицы, только я ихъ дома оставилъ, онѣ мнѣ не нравятся. Я попрошу, чтобы мнѣ купили такія же, какъ у тебя, а то мои мнѣ совсемъ не нравятся. Онѣ—желтыя, а я желтыхъ не люблю. Дай мнѣ надѣть, я сбѣгаю, покажу бабушкѣ, а то какъ же она купитъ!

Мишка просительно смотрѣлъ на Гришу, и глаза его завистливо блестѣли.

— А ты скоро?—спросилъ Гриша.

— Да, я вотъ тутъ близко живу, только за уголъ. Ты не бойся! Я, ей Богу, сейчасъ.

Гриша доверчиво снялъ рукавицы, и отдалъ ихъ Мишкѣ.

— Я сейчасъ, ты постой, не уходи,—радостно крикнулъ тотъ, убѣгая съ Гришиными рукавицами.

Онъ скрылся за угломъ, а Гриша остался ждать. Онъ не думалъ, что Мишка его можетъ обмануть: вотъ сбѣгаетъ домой, покажетъ, вернется, и отдастъ рукавицы. Но долго стоялъ онъ, и ждалъ, а тотъ и не думалъ приходить.

Уже короткій осенній день вечерѣлъ; уже мать, встревоженная долгимъ отсутствіемъ Гриши, отправилась искать его,—когда онъ наконецъ понялъ, что

Мишка не вернется. Мальчикъ печально пошелъ домой, и встрѣтился съ матерью.

— Гриша, да гдѣ ты пропадалъ?—и сердясь, и радуясь, что сынъ нашелся, спрашивала мать.

Гриша смущенно молчалъ, теребя свои красные отъ холода пальцы. Мать замѣтила, что у него нѣтъ рукавицъ.

— Гдѣ твои рукавицы?—сердито спросила она, обшаривая карманы его пальто.

Гриша улыбнулся и сказалъ:

— Я мальчику отдалъ поносить, а онъ не принесъ.

III.

Проходили годы за годами. Изъ бойкихъ, смѣлыхъ дѣтей, что собрались на именины Леша Семибояринова, вышли ловкіе, смѣлые люди,—и мальчишка, обманувшій Гришу, напелъ, конечно, свою дорогу въ жизни,—а Гриша сталъ, разумѣется, неудачникомъ. Какъ въ дѣтствѣ, онъ все мечталъ, и въ мечтахъ покорялъ царства, а на дѣлѣ не умѣлъ оборонить себя отъ любого предприимчиваго человѣка, который безцеремонно отстранялъ его съ дороги. Отношенія его къ женщинамъ были такъ же неудачливы, какъ и вся жизнь, и никогда отвѣтное чувство не награждало его робкихъ ухаживаній. Друзей у него не было. Одна только мать любила его.

Игумновъ радовался, когда поступилъ на службу, на маленькое жалованье,—радовался тому, что теперь мать будетъ жить покойно, не заботясь о кускѣ хлѣба. Но счастье его не долго продолжалось: скоро мать

умерла. Гриша заскучалъ, упалъ духомъ. Жизнь показалась ему безцѣльною. Апатія овладѣла имъ, работа валилась изъ рукъ. Онъ потерялъ мѣсто, и сталъ сильно нуждаться.

Игумновъ заложилъ наконецъ и послѣднее материно колечко, и, выходя изъ ломбарда, улыбался,—чтобъ не заплакать отъ жалости къ себѣ.

Приходилось навѣдываться къ разнымъ людямъ, просить работы или мѣста. Но Игумновъ не умѣлъ просить: застѣнчивый, молчаливый, онъ испытывалъ въ такихъ случаяхъ непобѣдимое смущеніе, и не могъ настаивать на своихъ просьбахъ. Уже на лѣстницѣ передъ дверью той квартиры, у хозяина которой надо чего-нибудь просить, его охватывалъ ужасъ, сердце его томительно билось, ноги тяжелѣли, рука нерѣшительно протягивалась къ звонку.

Въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ и голодныхъ дней Игумновъ сидѣлъ въ роскошномъ кабинетѣ Алексѣя Степановича Семибояринова, отца того Леша, именины котораго были ему памяты. Наканунѣ Игумновъ послалъ Алексѣю Степановичу письмо: на бумагѣ все же легче просить, чѣмъ на словахъ. Теперь онъ пришелъ за отвѣтомъ.

По суетливой, безпокойной любезности Семибояринова, сухого, малорослаго старичка съ коротко остриженными серебристо-сѣдыми волосами, онъ догадывался, что получить отказъ, чувствовалъ себя поэтому скверно, и не могъ не улыбаться какою-то искусственно-ласковою улыбкою, словно ему хотѣлось показать, что это ничего, что если, молъ, нельзя, то и не надо, а я, молъ, такъ, между прочимъ. Эта улыбка, очевидно, раздражала Семибояринова.

— Получилъ я ваше письмо, любезнѣйшій,—заговорилъ онъ наконецъ о дѣлѣ своимъ сухимъ и отчетливымъ голосомъ.—Но, милѣйшій, теперь ничего на примѣтъ нѣтъ.

— Ничего?—пробормоталъ Игумновъ, краснѣя.

— Рѣшительно ничего, почтеннѣйшій. Все занято. И не предвидится въ ближайшемъ будущемъ. Вотъ къ Новому году можно что-нибудь устроить для васъ, милѣйшій.

— Да хоть къ Новому году,—сказалъ Игумновъ, улыбаясь съ такимъ видомъ, какъ будто какіе-нибудь восемь мѣсяцевъ для него не разсчитать.

— Да, тогда очень радъ буду. Если бы отъ меня зависѣло, я бы васъ сегодня же посадилъ за дѣло. Мнѣ очень хочется быть вамъ полезнымъ, дорогой мой!

— Благодарю васъ,—сказалъ Игумновъ.

— Но скажите мнѣ, милѣйшій,—участливо спросилъ Семибояриновъ,—отчего вы ушли съ того вашего мѣста?

— Не пригодился,—смущенно отвѣчалъ Игумновъ.

— А, не пригодились! Ну, надѣюсь, что у насъ, милѣйшій, вы пригодитесь. Вы мнѣ дайте адресъ, почтеннѣйшій.

Семибояриновъ суетливо принялся отыскивать на столѣ бумагу. Игумновъ увидѣлъ тутъ же, подъ маленькимъ мраморнымъ прессомъ, свое вчерашнее письмо.

— У меня адресъ на письмѣ написанъ,—сказалъ онъ.

— Да, да, вѣрно,—оживленно заговорилъ хозяинъ, хватая письмо.—Такъ я буду знать.

— У меня привычка,—сообщилъ Игумновъ, подымаясь съ мѣста,—всегда писать въ началѣ письма адресъ.

— Европейская привычка,—похвалилъ хозяинъ.

Игумновъ распрощался и, улыбаясь, вышелъ, гордясь своими европейскими привычками, которыя, однако, не мѣшали чувствовать голодь. Его почти радовало то, что непріятный разговоръ конченъ. Припомнились вѣжливыя слова, преимущественно тѣ, въ которыхъ заключались обѣщанія и возбуждались легкомысленныя надежды. Только черезъ нѣсколько минутъ, шагая по улицѣ, онъ понялъ, что ничего изъ этихъ обѣщаній не выдетъ. Да и обѣцано-то когда-нибудь, а ѣсть надо теперь, и на квартиру безъ денегъ идти тяжело,—что скажетъ хозяйка? Что онъ ей скажетъ?

Игумновъ замедлилъ шаги, и повернулъ въ другую сторону. Въ грустной задумчивости, блѣдный, голодный, проходилъ онъ по шумнымъ столичнымъ улицамъ мимо сытыхъ, занятыхъ своими дѣлами людей. Улыбка исчезла съ его лица. Выраженіе мрачнаго отчаянія придавало нѣкоторую значительность его мало-выразительнымъ чертамъ.

Онъ приближался къ Невѣ. Громадный куполь Исаакіевскаго собора торжественно горѣлъ золотомъ на синей небесной пустынѣ. Въ лучахъ склоняющагося къ закату солнца широкія площади и улицы подергивались нѣжною, еле различимою, пыльною мглою. Грохоть экипажей смягчался здѣсь, на этихъ великолѣпныхъ просторахъ. Все было непривѣтливо и чуждо голодному, безсильному человѣку. Румяные фрукты за стеклами магазиновъ были такъ же недоступны, какъ если бы ихъ охраняла крѣпкая стража.

Въ нѣжно-зеленѣющемъ скверѣ играли веселыя дѣти. Игуменовъ смотрѣлъ на нихъ, и улыбался. Несносныя воспоминанія о дѣтствѣ томили его щемящею жалостью къ себѣ. Онъ думалъ, что ему остается только умереть. Это страшило. Но онъ думалъ:

„Почему же не умереть? Вѣдь было же время, когда я не жилъ? Будетъ покой, вѣчное забвеніе“.

Обрывки чужихъ мудрыхъ мыслей приходили въ голову, и утѣшали его.

Игуменовъ вышелъ на набережную. Опираясь о гранить, онъ стоялъ, и смотрѣлъ на тяжелыя волны рѣки. Вотъ только упасть туда, и все кончено. Но страшно тонуть, — захлебываться, давиться этими тяжелыми, холодными волнами, беспомощно биться, и наконецъ въ изнеможеніи опуститься на дно, чтобы теченіе повлекло тѣло внизъ и потомъ выбросило безобразный трупъ гдѣ-нибудь на взморьѣ.

Игуменовъ вздрогнулъ, и отвернулся отъ рѣки. Неподалеку онъ увидѣлъ бывшаго сослуживца, Куркова. Щеголевато одѣтый, веселый, самодовольный, Курковъ медленно шелъ, помахивая тросточкою съ фигурнымъ набалдашникомъ.

— А, Григорій Петровичъ!—воскликнулъ онъ, точно обрадованный встрѣчею.— Гуляете? Или по дѣлу?

— Да, гуляю, то есть, по дѣлу,—сказалъ Игуменовъ.

— Намъ, кажется, по дорогѣ?

Они пошли вмѣстѣ. Веселый говоръ Куркова усиливалъ тоску Игуменова. Съ внезапною рѣшимостью, нервно передернувъ плечами, онъ сказалъ:

— Николай Сергѣевичъ, не найдется ли у васъ рубля?

— Рубля?—удивился Курковъ,—на что вамъ?

Игумновъ зардѣлся и, запинаясь, принялся объяснять:

— Да мнѣ, видите ли... Мнѣ не хватаетъ именно одного рубля. Мнѣ надо одну вещь купить... купить, знаете...

Волненіе перехватило его дыханіе. Онъ замолчалъ, и улыбался напряженно и жалко.

„Ну, это, значитъ, безъ отдачи“,—подумалъ Курковъ.

И сказалъ, уже не тѣмъ безпечнымъ тономъ, какъ раньше:

— Радъ бы, но совсѣмъ нѣтъ лишнихъ, ни гроша. Самъ вчера долженъ былъ занять.

— Ну, что-жъ, на нѣтъ суда нѣтъ, — бормоталъ Игумновъ, продолжая улыбаться, — какъ нибудь обойдусь.

Его улыбка злила Куркова, — можетъ быть, потому, что она была такая безпомощная и жалкая.

„Чего онъ улыбается? — досадливо думалъ Курковъ. — Не вѣрить, что ли? Ну, и пусть, — у меня не казначейство!“

— Отчего вы къ намъ никогда не зайдете? — небрежно и сухо спросилъ онъ Игумнова, глядя куда-то въ сторону.

— Все собираюсь, непременно зайду, — отвѣчалъ Игумновъ дрожащимъ голосомъ, — сегодня можно?

Уютная столовая Курковыхъ представилась ему, гостепріимная хозяйка, самоваръ на столѣ, заставленномъ закусками.

— Сегодня? — сказалъ Курковъ тѣмъ же сухимъ небрежнымъ голосомъ. — Нѣтъ, сегодня насъ дома не будетъ. На-дняхъ какъ-нибудь, милости просимъ. Однако, мнѣ въ этотъ переулочъ. До свиданья!

И онъ поспѣшно сталъ переходить черезъ деревянную настилку набережной. Игумновъ смотрѣлъ за

нимъ, улыбаясь. Медленные, несвязныя мысли ползли въ его головѣ.

Когда Курковъ скрылся въ переулкѣ, Игумновъ опять приблизился къ гранитной оградѣ и, содрогаясь отъ холоднаго ужаса, мѣшкотно и неловко сталъ перелезать черезъ нее.

Никого не было вблизи.

П Р Я Т К И.

I.

Въ дѣтской у Лелечки было свѣтло, красиво и весело. Звонкій Лелечкинъ голосъ радовалъ маму. Лелечка—прелестный ребенокъ. Ни у кого нѣтъ другого такого ребенка, и никогда не было, и не можетъ быть. Серафима Александровна, Лелечкина мама, увѣрена въ этомъ. Глаза у Лелечки черные, большіе, щеки румяныя, глаза созданы для поцѣлуевъ и для смѣха. Но не въ этомъ самая большая, самая милая для Серафимы Александровны Лелечкина прелесть.

Лелечка у мамы одна. Поэтому-то каждое Лелечкино движеніе чаруетъ маму. Что за блаженство,—держать Лелечку у себя на колѣняхъ, ласкать ее, чувствовать подъ руками маленькую дѣвочку, бойкую и веселую, какъ птичка!

Сказать по правдѣ, только въ дѣтской и весело, Серафимѣ Александровнѣ. Съ мужемъ ей холодно.

Можетъ быть, это потому, что онъ и самъ любить холодъ, — холодную воду, холодный воздухъ. Онъ—всегда свѣжій и холодный, съ холодною улыбкою,—и гдѣ онъ проходитъ, тамъ словно пробѣгаютъ въ воздухѣ холодныя струйки.

Неслѣтѣвы, Сергѣй Модестовичъ и Серафима Александровна, поженились не по любви, и не по расчету, а потому, что уже такъ принято. Молодой человекъ,—

тридцати пяти лѣтъ,—и молодая дѣвица,—двадцати шести,—оба одного общества и хорошо воспитанные, сошлись: ему слѣдовало жениться, ей настала пора выйти замужъ.

Серафимъ Александровнѣ казалось даже, что она влюблена въ жениха, и это очень веселило. Онъ былъ изящный, ловкій, сохранялъ всегда значительное выраженіе въ умныхъ сѣрыхъ глазахъ, и съ безукоризненною нѣжностью выполнялъ жениховскія обязанности.

Сергѣй Модестовичъ не чувствовалъ себя влюбленнымъ, и ему не было особенно весело, а только пріятно,—какъ, впрочемъ, и все въ его ровной, умѣренной жизни.

Невѣста была красива, не слишкомъ, впрочемъ,—высокая, черноглазая, черноволосая дѣвица, державшаяся нѣсколько застѣнчиво, но съ большимъ тактомъ. За приданнымъ онъ не гнался,—но ему доставляло удовольствіе знать, что у жены есть что-то. Онъ имѣлъ связи, и у жены были хорошіе, вліятельные родственники. Когда-нибудь, при случаѣ, это могло пригодиться. Всегда корректный и тактичный, Неслѣтьевъ двигался по службѣ не такъ скоро, чтобъ ему завидовали, но и не такъ медленно, чтобъ завидовать другимъ,—и въ мѣру и въ пору.

Послѣ того, какъ они сочетались, Сергѣй Модестовичъ ни разу, во внѣшнемъ и показномъ своемъ поведеніи, не далъ женѣ повода обвинить себя. Потомъ, уже когда Серафима Александровна была въ интересномъ положеніи, у Сергѣя Модестовича завязались легкія, непрочныя связи на сторонѣ. Серафима Александровна узнала объ этомъ,—и, къ удивленію своему, не особенно

огорчилась; она ждала ребенка съ тревожнымъ, поглощающимъ ее чувствомъ.

Родилась дѣвочка; Серафима Александровна предавалась заботамъ о ней. Вначалѣ она съ восторгомъ сообщала мужу радующія ее подробности изъ Лелиной жизни. Но скоро она замѣтила, что Сергѣй Модестовичъ выслушивалъ ее безъ всякаго живого участія, единственно только по свѣтской любезной привычкѣ. Серафима Александровна стала все больше отдаляться отъ него. Она любила дѣвочку съ неудовлетворенною страстностью, какъ другія женщины, ошибочно устроившія свою судьбу, измѣняютъ мужьямъ для случайныхъ молодыхъ людей.

— Мамочка, поиграемъ въ прятки,—кричала Лелечка, выговаривая р, какъ л, такъ что выходило вмѣсто «въ прятки»—«въ плятки».

Эта милая неумѣлость говорить заставляла Серафиму Александровну нѣжно и строго улываться. Лелечка побѣждала, топоча по коврамъ маленькими, пухлыми ножками, и спряталась за занавѣсками у своей кровати.

— Тютю, мамочка! — закричала она смѣющимся, нѣжнымъ голосомъ, выглядывая однимъ чернымъ, плутовскимъ глазкомъ.

— Гдѣ моя дѣточка?—спрашивала мама, притворяясь, что ищетъ Лелечку и не видитъ ея.

А Лелечка заливалась звонкимъ смѣхомъ въ своемъ убѣжищѣ. Потомъ она высунулась побольше,—и мама какъ будто сейчасъ только увидала ее, и взяла ее за плечики, радостно восклицая:

— А, вотъ она, моя Лелечка!

Долго и звонко смѣялась Лелечка, прикинувъ го-

ловою къ маминымъ колѣнямъ и барахтаясь въ маминыхъ бѣлыхъ рукахъ,—возбужденно и страстно горѣли мамыны черныя глаза.

— Теперь ты, мамочка, прячься,—сказала Лелечка, уставши смѣяться.

Мама пошла прятаться; Лелечка отвернулась,—будто бы не смотритъ,—а сама исподтишка наблюдала, куда пойдетъ мамочка. Мама спряталась за шкапомъ, и крикнула:

— Тютю, дѣточка!

Лелечка побѣжала вокругъ комнаты, заглядывая во все уголки, притворяясь, какъ давеча мама, что ищетъ,—хоть сама хорошо знала, гдѣ стоитъ мамочка.

— Гдѣ моя мамочка?—спрашивала Лелечка.—Здѣсь нѣтъ,—и здѣсь нѣтъ,—говорила она, пробѣгая къ другому уголку.

Мама стояла, притаивъ дыханіе, съ прислоненною къ стѣнѣ головою, съ примятою прическою. Блаженно-тревожная улыбка играла на ея румяныхъ губахъ.

Нянька Федосья, глуповатая на видъ, но добрая, красивая женщина, ухмылялась, смотрѣла на барыню съ тѣмъ обычнымъ у нея выраженіемъ, какъ будто она согласна не спорить противъ барскихъ затѣй, и думала про себя:

„И мать-то, ровно дите малое,—ишь какъ разгорѣлась“.

Лелечка приближалась къ мамину углу,—а мама все больше волновалась, входя въ интересъ игры; мамино сердце усиленно и коротко билось, и она тѣснѣе прижималась къ стѣнѣ, и приминала свои волосы. Лелечка заглянула въ маминъ уголокъ, и взвизгнула отъ радости.

— Насла!—закричала она громко и радостно, не чисто выговаривая звукъ ш и опять веселя этимъ маму.

Она потащила маму за руки на середину комнаты,—обѣ радовались и смѣялись,—и опять Лелечка упала головою къ маминымъ колѣнямъ, и лепетала, лепетала безъ конца милыя словечки, такъ славно и неловко ихъ выговаривая.

Сергѣй Модестовичъ подходилъ въ это время къ дѣтской. Сквозь неплотно затворенныя двери онъ услышалъ смѣхъ, радостныя восклицанія, шумъ отъ возни. Холодно, но любезно улыбаясь, вошелъ онъ въ дѣтскую, свѣжій, прямой, одѣтый безукоризненно, распространяя вокругъ себя вѣяніе чистоты, свѣжести и холода. Онъ вошелъ среди оживленной игры,—и всѣхъ смутилъ своимъ яснымъ холодомъ. Даже Федосья застыдилась, не то за барыню, не то за себя самое. Серафима Александровна сразу сдѣлалась спокойною и, повидимому, холодною,—и это ея настроеніе сообщилось дѣвочкѣ, которая перестала смѣяться, и молча и внимательно смотрѣла на отца.

Сергѣй Модестовичъ бѣглымъ взглядомъ окинулъ комнату. Все здѣсь ему пріятно: обстановка красивая,—Серафима Александровна заботится о томъ, чтобы дѣвочку, съ самаго нѣжнаго возраста, окружало только прекрасное. Одѣта Серафима Александровна нарядно и къ лицу,—это она всегда дѣлаетъ для Лелечки съ тѣмъ же расчетомъ. Одного только Сергѣй Модестовичъ не могъ одобрить,—того, что жена почти постоянно въ дѣтской.

— Мнѣ надо было сказать... Я такъ и зналъ, что найду тебя здѣсь,—сказалъ онъ съ улыбкою насмѣшливою и снисходительною.

Они вышли вмѣстѣ изъ дѣтской. Пропустивъ Серафиму Александровну въ дверь кабинета, Сергѣй Модестовичъ сказалъ равнодушно, какъ бы вскользь и не придавая значенія своимъ словамъ:

— Ты не находишь, что дѣвочкѣ полезно бы иногда обойтись безъ твоего общества? Понимаешь, чтобы ребенокъ почувствовалъ свою отдѣльную личность,—пояснилъ онъ въ отвѣтъ на удивленный взглядъ Серафимы Александровны.

— Она еще такъ мала,—сказала Серафима Александровна.

— Впрочемъ, это такъ, только мое скромное мнѣнiе. Я не настаиваю,—тамъ ваше царство.

— Я подумаю,—отвѣчала жена, улыбаясь, какъ и онъ, холодно и любезно.

И они заговорили о другомъ.

II.

Вечеромъ нянька Федосья рассказывала въ кухнѣ молчаливой горничной Дарьѣ и любящей разсуждать старухѣ кухаркѣ Агафьѣ о томъ, что маленькая барышня ужъ такъ-то полюбила играть съ барынею въ прятки,—спрячетъ личико, и кричить: тютю!

— И сама-то барыня ровно дите малое,—говорила Федосья ухмыляясь.

Агафья слушала, неодобрительно покачивая головою, и лицо ея сдѣлалось строгимъ и укоряющимъ.

— Что барыня, извѣстно, ей ни къ чему,—сказала она,—а вотъ что барышня-то все прячется, не хорошо это.

— А что?—съ любопытствомъ спросила Федосья.

Ея доброе румяное лицо отъ этого выраженія любопытства сдѣлалось похожимъ на лицо деревянной, грубо раскрашенной куклы.

— Да нехорошо, — повторила съ убѣжденіемъ Агафья, — да и какъ еще нехорошо!

— Ну? — переспросила Федосья, усиливая на своемъ лицѣ смѣшное выраженіе любопытства.

— Прячется, прячется, да и спрячется, — таинственнымъ шопотомъ сказала Агафья, опасливо поглядывая на дверь.

— Да что ты говоришь?—съ испугомъ воскликнула Федосья.

— Вѣрно говорю, вотъ помни мое слово, — увѣренно и такъ же таинственно сказала Агафья, — ужъ это самая вѣрная примѣта.

Но эту примѣту старуха придумала сама, внезапно, и теперь, очевидно, весьма гордилась ею.

III.

Лелечка спала, а Серафима Александровна сидѣла у себя, и радостно и нѣжно мечтала о Лелечкѣ. Лелечка въ ея мечтахъ была милою дѣвочкою, потомъ милою дѣвушкою, потомъ опять прелестною дѣвочкою, и все, безъ конца, оставалась маминою Лелечкою.

Серафима Александровна и не замѣтила, какъ пришла Федосья и остановилась передъ нею. У Федосьи было озабоченное, испуганное лицо.

— Барыня, а барыня, — позвала она тихонько, вздрагивающимъ, взволнованнымъ голосомъ.

Серафима Александровна очнулась. Федосьино лицо обезпокоило ее.

— Что тебѣ, Федосья? — спросила она тревожно. — Съ Лелечкой что?

Она быстро встала съ кресла.

— Ни, барыня, — отвѣчала Федосья, махая руками, чтобы барыня успокоилась и сѣла. — Лелечка спитъ, Господь съ ней. А только я, знаете что, я вамъ скажу, — Лелечка-то у насъ все прячется, — вѣдь нехорошо это.

Федосья смотрѣла на барыню неподвижными, округлившимися отъ страха глазами.

— Чѣмъ не хорошо? — съ досадою спросила Серафима Александровна, невольно подчиняясь неопредѣленному безпокойству.

— Да такъ ужъ, не хорошо, не гоже, — сказала Федосья, и лицо ея выражало непоколебимую увѣренность.

— Говори, пожалуйста, толкомъ, — сухо приказала Серафима Александровна, — я ничего не понимаю.

— Да такъ, барыня, примѣта такая есть, — вдругъ застыдившись, объяснила Федосья.

— Глупости, — сказала Серафима Александровна.

Ей не хотѣлось больше слушать, что это за примѣта, что она предвѣщаетъ. Но стало какъ то не то, чтобы страшно, а жутко, — и оскорбительно, что какая-нибудь, очевидно, нелѣпая выдумка разбиваетъ мнѣя мечты и томительно тревожить.

— Что-жъ, извѣстно, господа примѣтамъ не вѣрять, а только нехорошая примѣта, — заунывнымъ голосомъ говорила Федосья, — прячется барышня, прячется..

Вдругъ она заплакала, всхлипывая въ голосъ.

— Прячется, прячется, да и спрячется, ангельская душенька, въ сырую могилку,—приговаривала она, вытирая слезы передникомъ и сморкаясь.

— Кто это тебѣ наговорилъ? — строгимъ и упавшимъ голосомъ спросила Серафима Александровна.

— Агафья говоритъ, барыня,—отвѣчала Федосья.— Ужъ она знаетъ.

— Знаетъ!—досадливо сказала Серафима Александровна, видимо, желая какъ-нибудь оградиться отъ этого внезапнаго безпокойства.—Что за глупости! Пожалуйста, на будущее время не говори мнѣ такого вздора. Иди.

Федосья, съ обиженнымъ и унылымъ лицомъ, вышла.

„Что за вздоръ! развѣ Лелечка можетъ умереть“.— думала Серафима Александровна, стараясь разумными разсужденіями побѣдить ощущеніе холода и ужаса, охватившее ее при мысли о возможной Лелечкиной смерти.

Серафима Александровна думала, что эти женщины невѣжественны, и потому вѣрятъ примѣтамъ. Она же ясно понимала, что между дѣтскою забавою, которую можетъ полюбить всякій ребенокъ, и продолжительностью его жизни не можетъ быть никакого соответствія. Она съ особеннымъ стараніемъ старалась въ этотъ вечеръ заняться чѣмъ-нибудь постороннимъ,—но мысли ея невольно обращались къ тому, что Лелечка любитъ прятаться.

Еще когда Лелечка была совсѣмъ маленькая и недавно только научилась узнавать маму и няню, случилось, что она вдругъ сдѣлаетъ, взглянувъ на маму, плутовскую гримаску, засмѣется и спрячется за плечо

къ нянѣкъ, у которой сидитъ на рукахъ. Потомъ вы-
глянетъ, и смотритъ лукаво.

Въ послѣднее время Ѳедосья опять приучила Лелечку прятаться, въ тѣ немногія минуты, когда мама уходила изъ дѣтской; потомъ мама, увидѣвъ, какъ прелестна Лелечка, когда она прячется, сама стала играть съ дочкою въ прятки.

IV.

На другое утро, поглощенная радостными заботами о Лелечкѣ, Серафима Александровна забыла о вчерашнихъ Ѳедосьиныхъ словахъ.

Но когда она вышла изъ дѣтской заказать обѣдъ и потомъ вернулась, а Лелечка спряталась подъ столъ и крикнула оттуда:—Тютю! — то Серафимъ Александровнѣ стало вдругъ страшно. Хотя она сейчасъ же упрекнула себя за этотъ неосновательный, суевѣрный страхъ, все-таки она уже не могла позабавить Лелечку игрою въ прятки, и постаралась отвлечь Лелечкино вниманіе на что-нибудь другое.

Лелечка—ласковая, послушная дѣвочка. Она охотно переходитъ къ тому, чего хочетъ мама. Но такъ какъ она уже привыкла прятаться отъ мамочки и покрикивать—тютю!— изъ какого-нибудь убѣжища, то и сегодня она часто возвращалась къ этому.

Серафима Александровна усиленно старалась занимать Лелечку. Не такъ это легко! Особенно, когда безпрестанно мѣшаютъ тревожныя, угрожающія мысли.

«Отчего Лелечка все вспоминаетъ свое тютю? Какъ это ей не надоѣсть одно и то же,—закрывать глаза и

прятать лицо? Можетъ быть,—думала Серафима Александровна,—у Лелечки нѣтъ такого сильнаго влеченія къ міру, какъ у другихъ дѣтей, которыя неотступно глядятъ на вещи. Но если такъ, то не признакъ ли это органической слабости? Не зародышь ли это безсознательной неохоты жить?».

Предчувствія томили Серафиму Александровну. Ей стыдно было, передъ Ѳедосьею и передъ собою, бросить игру въ прятки съ Лелечкою. Но эта игра становилась для нея мучительною; тѣмъ болѣе мучительною, что все-таки хотѣлось поиграть ею, и все болѣе тянуло прятаться отъ Лелечки или отыскивать спрятавшуюся Лелечку. Серафима Александровна даже сама иногда затѣвала эту игру,—съ тяжелымъ сердцемъ, страдая, какъ отъ какого-нибудь дурнаго дѣла, о которомъ знаешь, что не надъ его дѣлать, и все же дѣлаешь.

Тяжелый день выдался у Серафимы Александровны.

V.

Лелечка собиралась спать. Ея глазки слипались отъ усталости, когда она забралась на кроватку, огороженную сѣтками. Мама прикрыла ее голубымъ одѣяльцемъ. Лелечка выпростала изъ-подъ одѣяльца бѣлыя нѣжныя рученки, и протянула ихъ, чтобы обнять мамочку. Мама наклонилась. Лелечка, съ нѣжнымъ выраженіемъ на сонномъ лицѣ, поцѣловала маму, и опустила голову на подушки. Ея руки спрятались подъ одѣяломъ, и Лелечка прошептала:

— Ручки тютю.

Мамино сердце замерло, — Лелечка лежала такая маленькая, слабая, тихая. Лелечка слабо улыбнулась, закрыла глаза, и тихонько сказала:

— Глазки тютю.

И потомъ еще тише:

— Лелечка тютю.

Съ этими словами она заснула, прижимаясь щекою къ подушкѣ, закрытая одѣяльцемъ, маленькая, слабая. Мама смотрѣла на нее тоскующими глазами.

И долго стояла Серафима Александровна надъ Лелечкиною кроваткою, съ нѣжностью и опасеніемъ глядя на Лелечку.

«Я—мать: неужели я не уберегу?»—думала она, воображая разныя напасти, которыя могутъ угрожать Лелечкѣ.

Долго молилась она въ эту ночь,—но тоска ея не облегчалась молитвою.

VI.

Прошло нѣсколько дней. Лелечка простудилась. Ночью у нея сдѣлался жаръ. Когда разбуженная Федосьею Серафима Александровна пришла къ Лелечкѣ и увидѣла ее, жаркую, безпокойную, страдающую, она вспомнила прежде всего зловѣщую примѣту,—и безнадежное въ первую минуту отчаяніе овладѣло ею.

Позвали врача, сдѣлали все, что дѣлаютъ въ такихъ случаяхъ,—но неизбежное совершилось. Серафима Александровна старалась утѣшать себя надеждою на то, что Лелечка выздоровѣетъ и будетъ опять улыбаться и играть,—но это казалось ей такимъ несбыточ-

нымъ счастіемъ! А Лелечка слабѣла съ каждымъ часомъ.

Всѣ притворялись спокойными, чтобы не пугать Серафиму Александровну, — но ихъ неискреннія лица наводили на нее тоску.

Смертную тоску наводили на нее Ѳедосьины всхлипыванія и причитанія:

— Пряталась, пряталась Лелечка!

Но мысли Серафимы Александровны были смутны, и она плохо понимала, что дѣлается.

Лелечка вся горѣла, и поминутно забывалась, и бредила. Но когда она приходила въ сознаніе, она выносила свою боль и свое томленіе съ нѣжною кротостью, и слабо улыбалась мамочкѣ, чтобы мамочка не думала, что ей очень больно. Томительные, какъ кошмаръ, прошли три дня. Лелечка совсѣмъ ослабѣла. Но она не понимала, что умираетъ.

Она взглянула на мать помутившимися глазами, и залепетала еле слышнымъ, хриплымъ голосомъ:

— Тютю, мамочка! Сдѣлай тютю, мамочка!

Серафима Александровна спрятала лицо за занавѣсками Лелечкиной кровати. Какая тоска!

— Мамочка!—еле слышно позвала Лелечка.

Мама наклонилась къ Лелечкѣ,—и Лелечка въ послѣдній разъ увидала мутнѣющими глазами мамочкино блѣдное, отчаянное лицо.

— Мамочка бѣлая!—прошептала Лелечка.

Блѣдное мамочкино лицо померкло, и Лелечкѣ стало темно. Она слабо схватилась руками за край одѣяла, и шепнула:

— Тютю.

Что-то захрипѣло въ ея горлѣ, Лелечка открыла и опять закрыла быстро поблѣднѣвшія губы, и умерла.

Въ тупомъ отчаяніи Серафима Александровна оставила Лелечку, и вышла изъ комнаты. Она встрѣтила мужа.

— Лелечка умерла,—сказала она тихо, почти беззвучнымъ голосомъ.

Сергѣй Модестовичъ опасливо посмотрѣлъ на ея блѣдное лицо. Его поразило странное оступнѣніе въ чертахъ этого, прежде оживленнаго, красиваго лица.

VII.

Лелечку одѣли, положили въ маленькій гробъ, и вынесли въ залу. Серафима Александровна стояла у гроба, и тупо смотрѣла на мертвую дочку. Сергѣй Модестовичъ подошелъ къ женѣ, и, утѣшая ее пустыми, холодными словами, старался отвести ее отъ гроба. Серафима Александровна улыбалась.

— Отойди,—сказала она тихо. — Лелечка играетъ. Она сейчасъ встанетъ.

— Сима, другъ мой, не разстраивай себя,—шопотомъ говорилъ Сергѣй Модестовичъ.—Надо покоряться судьбѣ.

— Она встанетъ,—упрямо повторила Серафима Александровна, остановившимися глазами глядя на мертвую дѣвочку.

Сергѣй Модестовичъ опасливо оглянулся: онъ боялся неприличнаго и смѣшнаго.

— Сима, не разстраивай себя,—опять заговорилъ онъ.—Это было бы чудо, а чудесъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ не бываетъ.

Сказавъ эти слова, Сергѣй Модестовичъ смутно почувствовалъ ихъ несоотвѣтствіе съ тѣмъ, что совершилось. Ему стало неловко и досадно.

Онъ взялъ жену подъ руку и осторожно отвелъ отъ гроба. Серафима Александровна не сопротивлялась.

Ея лицо казалось спокойнымъ, и глаза были сухи. Она пошла въ дѣтскую, и стала ходить по ней, заглядывая въ тѣ мѣста, гдѣ прежде пряталась Лелечка. Кругомъ всей комнаты обошла она, нагибаясь, чтобы заглянуть подъ столъ или подъ кровать, и веселымъ голосомъ приговаривала:

— Гдѣ моя дѣточка? Гдѣ моя Лелечка?

Обойдя комнату вокругъ, она снова начала свои поиски. Ѳедосья неподвижно, съ унылымъ лицомъ, сидѣла въ углу, испуганно смотрѣла на барыню, потомъ вдругъ зарыдала и завопила въ голосъ:

— Пряталась, пряталась Лелечка, ангельская душенька!

Серафима Александровна вздрогнула, остановилась, въ недоумѣніи посмотрѣла на Ѳедосью, заплакала, и тихо пошла изъ дѣтской.

VIII.

Сергѣй Модестовичъ торопилъ похороны. Онъ понималъ, что Серафима Александровна чрезмѣрно потрясена внезапнымъ горемъ и, опасаясь за ея разумъ, думалъ, что Лелечку надо поскорѣе похоронить, чтобы мать развлеклась и утѣшилась.

Утромъ Серафима Александровна одѣлась особенно тщательно,—для Лелечки. Когда она пришла въ залъ, между нею и Лелечкою было много людей, ходили священникъ и дьяконъ, плавалъ синій дымъ, пахло ладаномъ. Съ тупою тяжестью въ головѣ Серафима Александровна подошла къ Лелечкѣ. Лелечка лежала тихая, блѣдная, и жалостливо улыбалась. Серафима Александровна положила голову щекою на край Лелечкина гроба, и шепнула:

— Тютю, дѣточка!

Дѣточка не отвѣчала. Вокругъ Серафимы Александровны произошло какое-то движеніе, суматоха, — чужія, ненужныя лица наклонились къ ней, кто-то поддержалъ ее,— а Лелечку куда-то понесли.

Серафима Александровна выпрямилась, растерянно ахнула, улыбнулась, и громко сказала:

— Лелечка!

Лелечку уносили, — мать бросилась за гробомъ съ отчаяннымъ воплемъ,—ее удержали. Она метнулась за дверь, черезъ которую несли Лелечку, сѣла тамъ на полъ и, глядя въ щель, крикнула:

— Лелечка, тютю!

Потомъ она высунула голову изъ-за двери, и за-смѣялась.

Лелечку торопливо уносили отъ матери, и шествіе похоже стало на бѣгство.

Б Ъ Л А Я М А М А .

I.

Приближалась Пасха. Эсперь Константиновичъ Саксауловъ былъ въ смутномъ, томительномъ настроеніи. Началось это, кажется, съ того, что у Городищевыхъ его спросили:

— Гдѣ вы встрѣчаете праздникъ?

Саксауловъ почему-то замедлилъ отвѣтомъ.

Хозяйка, полная дама, близорукая, суетливая, сказала:

— Приходите къ намъ.

Саксаулову стало досадно,—не на барышню ли, которая, при словахъ матери, быстро глянула на него и сейчасъ же опять отвела глаза, продолжая разговоръ съ молодымъ привать-доцентомъ?

Въ Саксауловѣ маменьки взрослыхъ дочекъ еще видѣли жениха, что его раздражало. Онъ считалъ себя старымъ холостякомъ, — а ему было всего тридцать семь лѣтъ. Онъ рѣзко отвѣтилъ:

— Благодарю васъ. Я всегда провожу эту ночь дома.

Барышня взглянула на него, улыбнулась и спросила:

— Съ кѣмъ?

— Одинъ,—съ отгѣнкомъ удивленія въ голосѣ отвѣтилъ ей Саксауловъ.

— Вы—мизантропъ,—сказала госпожа Городищева, какъ-то кисло улыбаясь.

Саксауловъ дорожилъ своею свободою. Порою ему казалось страннымъ, что и онъ когда-то былъ близокъ къ женитбѣ. Теперь онъ обжился въ своей небольшой, со строгимъ вкусомъ убранной, квартирѣ, привыкъ къ своему камердинеру, пожилому, степенному Федоту, и къ его не менѣ степенной женѣ Христинѣ, готовившей Саксаулову обѣдъ,—и убѣдилъ себя, что не женится изъ вѣрности къ своей первой любви. На самомъ же дѣлѣ сердце его холодѣло отъ равнодушія, порожденнаго одинокою, разсѣянною жизнью.

У него было независимое состояніе, отецъ и мать его давно умерли, близкихъ родныхъ не было. Онъ жилъ увѣренно и спокойно, числился при какомъ-то вѣдомствѣ, былъ близко знакомъ со всѣмъ современнымъ въ литературѣ и искусствѣ, и эпикурейски пользовался благами жизни,—а сама по себѣ жизнь казалась ему пустою, безцѣльною. Если бы не одна свѣтлая, чистая мечта, порою навѣщавшая его, онъ сталъ бы и совсѣмъ холоденъ, какъ многіе.

II.

Его первая и единственная любовь, закончившаяся до расцвѣта, заставляла его по вечерамъ иногда грустно и сладостно раз мечтаться. Лѣтъ пять тому назадъ встрѣтился онъ съ молодою дѣвушкою, которая произвела на него неизгладимое впечатлѣніе. Блѣдная, нѣжная, съ тонкимъ станомъ, голубоглазая, свѣтлокудрая, она казалась ему почти неземнымъ созданіемъ,

порожденіемъ воздуха и тумана, случайно и ненадолго занесеннымъ судьбою въ городской шумъ. Ея движенія были медленны; нѣжный, ясный голосъ ея звучалъ слабо, какъ ропотъ ручья, плещущаго на камни тихія струи.

Саксауловъ, — случайно ли это было, или нѣтъ, — всегда видѣлъ ее въ бѣломъ платьѣ. Впечатлѣніе бѣлаго сдѣлалось въ немъ нераздѣльнымъ съ мыслью объ ней. Самое имя ея, Тамара, всегда казалось ему бѣлымъ, какъ снѣгъ на горныхъ вершинахъ.

Онъ сталъ бывать у родителей Тамары. Не разъ уже рѣшался онъ сказать ей тѣ слова, которыми связываются людскія судьбы. Но она всегда уклонялась: въ глазахъ отразятся страхъ и тоска, она встаетъ и уходитъ. Но что ее страшило? Саксауловъ читалъ на ея лицѣ признаки дѣвственной любви: глаза ея оживлялись, когда онъ входилъ, и легкій румянецъ разливался по ея щекамъ.

Но вотъ въ одинъ, вѣчно памятный для него, вечеръ она выслушала его. Была ранняя весна. Еще недавно вскрылись рѣки, и нѣжнымъ зеленымъ пухомъ одѣвались деревья. Въ городской квартирѣ Тамара и Саксауловъ сидѣли у открытаго окна надъ Невою. Не заботясь о томъ, что и какъ скажетъ, онъ говорилъ нѣжныя, страшныя ей слова. Она поблѣднѣла, какъ-то неопредѣленно и слабо улыбнулась, и встала. Ея тонкая рука трепетала на рѣзной спинкѣ стула.

— Завтра, — тихо сказала Тамара, и вышла.

Саксауловъ долго, съ напряженнымъ ожиданіемъ, смотрѣлъ на дверь, за которою скрылась Тамара. Голова у него кружилась. Вѣтка бѣлой сирени бросилась

ему въ глаза,—онъ зачѣмъ-то взялъ ее съ собою, и ушелъ, не простившись съ хозяевами.

Ночью онъ не могъ заснуть. Онъ стоялъ у окна, смотрѣлъ въ темныя, потомъ опять къ утру освѣтлѣвшія, уличныя дали, улыбался, и сжималъ бѣлую вѣтку сирени. Когда стало свѣтло, онъ замѣтилъ, что полъ въ комнатѣ усѣянъ бѣлыми лепестками сирени. Это показалось Саксаулову смѣшнымъ и наивнымъ. На его ночныя волненія пахнуло холодкомъ. Онъ взялъ ванну, почувствовалъ себя почти уравновѣшеннымъ, и поѣхалъ къ Тamarѣ.

Ему сказали, что она больна,—гдѣ-то простудилась. И уже никогда больше Саксауловъ не видѣлъ ея: черезъ двѣ недѣли она умерла. Онъ не пошелъ на ея погребеніе. Ея смерть оставила его почти спокойнымъ,—и уже не могъ онъ понять, любилъ ли ее, или то было краткое, преходящее обаяніе.

Иногда по вечерамъ онъ мечталъ о ней, потомъ она стала забываться; и портрета ея у Саксаулова не было. Только черезъ нѣсколько лѣтъ, въ прошломъ году, весною, ему напомнила Тамару вѣтка бѣлой сирени въ окнѣ гастрономическаго магазина, грустно безпріютная среди обжорной роскоши. И съ этой поры полюбилъ онъ снова вспоминать по вечерамъ Тамару.

Порою онъ задремлетъ, и пригрезится ему, что она пришла, сѣла противъ него, смотритъ на него неотступнымъ, ласковымъ взоромъ, и чего-то хочетъ. И томительно, и страшно было иногда ему чувствовать на себѣ чего-то ожидающій взоръ Тамары.

Теперь, уходя отъ Городищевыхъ, онъ робко подумалъ:

«Она придетъ христосоваться.»

Чувство страха и одиночества такъ больно охватило его, что онъ подумалъ:

«Не жениться ли, чтобы не быть одному въ святыхъ, таинственныхъ ночи?»

Валерія Михайловна, — такъ звали барышню Городищевыхъ, — вспомнилась. Она не красавица, но одѣта всегда удивительно къ лицу. Къ Саксаулову она, по-видимому, расположена, и врядъ ли откажетъ ему, если онъ посватается.

На улицѣ шумъ и толпа разсѣяли его, и мысли о дѣвицѣ Городищевой приняли обычный ироническій оттѣнокъ. И можетъ ли онъ для кого-нибудь измѣнить памяти Тамары? Все въ мірѣ представилось ему столь пошлымъ и мелкимъ, что ему захотѣлось, чтобы Тамара, — и только она одна, — пришла къ нему христоваться.

«Но, — подумалъ онъ, — она опять будетъ смотрѣть съ ожиданіемъ. Бѣлая, нѣжная Тамара, чего же она хочетъ? Ея нѣжныя губы поцѣлуютъ ли меня?»

III.

Тоскливо мечтая о Тамарѣ, Саксауловъ бродилъ по улицамъ, смотрѣлъ на лица прохожихъ, — и непріятны ему были грубыя лица взрослыхъ. Онъ припомнилъ, что ему не съ кѣмъ будетъ радостно и любовно похристоваться. Будетъ много поцѣлуевъ въ первый день, — грубыя губы, колючія бороды, винный запахъ.

Ужъ если цѣловать кого-нибудь, такъ это дѣтей. Дѣтскія лица стали милы Саксаулову.

Онъ долго ходилъ, усталъ, и вошелъ въ церковную ограду на шумной улицѣ. Блѣдный мальчикъ, сидѣвшій на скамейкѣ, испуганно глянулъ на Саксаулова, и тотчасъ же опять принялся неподвижно смотрѣть передъ собою. Его голубые глаза были печальны и нѣжны, какъ у Тамары. Онъ былъ такой маленькій, что ноги его торчали впередъ со скамейки.

Саксауловъ сѣлъ рядомъ съ нимъ, и съ жалостливымъ любопытствомъ сталъ его разсматривать. Было въ этомъ одинокомъ мальчуганѣ что-то радостно-напоминающее и волнующее. А на взглядъ это былъ самый обыкновенный мальчишка: отрепанная одежда, бѣлая мѣховая шапченка на свѣтловолосой головѣ, на ногахъ изношенные грязные сапоги.

Онъ долго сидѣлъ на скамейкѣ, и вдругъ всталъ, и тоскливо пискнулъ. Онъ побѣжалъ изъ воротъ по улицѣ, потомъ остановился, метнулся въ другую сторону, и опять остановился. Видно было, что онъ не знаетъ, куда итти. Онъ заплакалъ, тихо, безъ крика, роняя крупныя слезы. Собралась толпа. Пришелъ городской. Мальчика стали спрашивать, гдѣ онъ живетъ.

— Глюховъ домъ, — лепеталъ мальчуганъ, еще не ясно, по-младенчески, произнося слова.

— На какой улицѣ? — спрашивалъ городской.

Но улицы мальчикъ не зналъ, и только повторялъ: — Глюховъ домъ.

Городовой, молодой и веселый, подумалъ, и рѣшилъ, что такого дома по близости нѣтъ.

— Ну, а у кого ты живешь? — спросилъ угрюмый мастеровой, — отецъ-то у тебя кто?

— Отца нѣтъ, — отвѣчалъ мальчикъ, обводя толпу заплаканными глазами.

— Отца нѣтъ, такое дѣло, — серьезно сказалъ мастеровой, и покачалъ головою. — Ну, а мать кто?

— Мама есть, — сказалъ мальчикъ.

— Какъ же ее зовутъ?

— Мама, — сказалъ мальчикъ, подумалъ и прибавилъ: — черная мама.

Кто-то въ толпѣ засмѣялся.

— Черная? Что-жъ, фамилія такая? — догадывался угрюмый мастеровой.

— Прежде бѣлая была мама, а теперь черная, — рассказывалъ мальчикъ.

— Ну, братъ, тебя не разберешь, — рѣшилъ городовой. — Надо въ участокъ свести. Тамъ справятся по телефону.

Онъ подошелъ къ воротамъ, и позвонилъ. Въ это время, завидѣвъ городского, дворникъ съ метлою въ рукахъ уже выходилъ изъ воротъ. Городовой велѣлъ ему вести мальчика въ участокъ. Но мальчикъ вдругъ словно надумалъ что-то, и крикнулъ:

— Ну, пустите, самъ найду!

Онъ, можетъ быть, испугался дворниковой метлы, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ что-то припомнилъ, — только такъ побѣжалъ, что Саксауловъ чуть не потерялъ его изъ вида. Но скоро мальчикъ пошелъ тише. Онъ колесилъ по улицамъ, перебѣгая съ одной стороны на другую, отыскивая и не находя своего дома. Саксауловъ шелъ за нимъ молча. Онъ не умѣлъ разговаривать съ дѣтьми.

Наконецъ мальчикъ усталъ. Онъ остановился у фо-

наря, прислонясь плечомъ къ столбу. На глазахъ его сверкали слезинки.

— Милый мальчикъ,—заговорилъ Саксауловъ,—что же ты, еще не нашель?

Мальчикъ молча посмотрѣлъ на него грустными, кроткими глазами,—и вдругъ Саксауловъ понялъ, что заставляло его такъ неотступно слѣдить за мальчикомъ. Во взорѣ и въ лицѣ маленькаго скитальца было что-то, придававшее ему необычайное сходство съ Тамарою.

— Милый, какъ тебя зовутъ? — взволнованно и нѣжно спросилъ Саксауловъ.

— Леша,—сказалъ мальчикъ.

— Что же ты, милый Леша, живешь съ мамой?

— Съ мамой. Только это — черная мама, а прежде бѣлая мама была.

Саксауловъ догадался, что черная была мачеха.

— Какъ же это ты заблудился?—спросилъ онъ.

— А мы шли съ мамой, все шли. Она велѣла сидѣть и ждать, а сама пошла. А мнѣ стало страшно.

— Кто же твоя мама?

— Мама? Она—такая черная и сердитая.

— А чѣмъ она занимается?

Мальчикъ подумалъ.

— Кофей пьетъ,—сказалъ онъ.

— Ну, а еще что?

— Еще съ жильцами ругается, — подумавъ, отвѣтилъ Леша.

— А бѣлая мама гдѣ?

— Ее унесли. Положили въ гробъ, и унесли. И папу унесли.

Мальчикъ показаль рукою куда-то вдаль, и заплакаль.

«Что же съ нимъ дѣлать?»—подумаль Саксауловъ.

Но вдругъ мальчуганъ опять побѣжалъ. Черезъ нѣсколько поворотовъ онъ пошелъ потише. Саксауловъ опять догналь его. Лицо мальчика изображало странную смѣсь радости и боязни.

— Вотъ Глуховъ домъ,—сказаль онъ Саксаулову, показывая на пятиэтажную уродливую громадину.

Въ это время изъ воротъ «Глухова дома» показалась черноволосая, черноглазая баба въ черномъ платьѣ и черномъ платкѣ съ бѣлыми горошинами. Мальчикъ боязливо сжался.

— Мама,—шепнулъ онъ.

Мачеха увидѣла его, и удивилась.

— Ты зачѣмъ здѣсь, пострѣленокъ! — закричала она.—Велѣно тебѣ было сидѣть на скамейкѣ. Зачѣмъ сошелъ?

Кажется, она собиралась тутъ же прибить мальчика. Но, замѣтивъ, что на нихъ смотритъ какой-то баринъ, очень строгій и важный съ виду, она заговорила помягче:

— Я только отошла на полчаса, а онъ и побѣжалъ. Съ ногъ сбилась, искавши, пострѣль этакій! Сердце не на мѣстѣ!

Она захватила въ свою широкую лапищу крохотную рученку ребенка, и потащила его во дворъ. Саксауловъ замѣтилъ номеръ дома и названіе улицы, и пошелъ домой.

IV.

Саксауловъ любилъ слушать разсудительныя рѣчи Ѳедота. Вернувшись домой, онъ разсказалъ ему про мальчика Лешу.

— Это она его нарочно,—рѣшилъ Ѳедотъ. — Вѣдь якій ядъ—баба! Экую даль отъ дома отвела!

— Зачѣмъ же ей это?—спросилъ Саксауловъ.

— Какъ сказать! Извѣстно, глупая баба,—думаетъ: заблудится мальчонка на улицѣ, всячески, не оставятъ,—можетъ, кто и возьметъ. Извѣстно, мачеха. Что ей, нежалимое дитятко.

Саксаулову не вѣрилось. Онъ сказалъ:

— Да вѣдь полиція нашла бы ее!

— Извѣстно, нашла бы,—ну, а между прочимъ, она, можетъ быть, и совсѣмъ изъ города уѣдетъ, ищи тогда.

Саксауловъ усмѣхнулся.

«Положительно,—подумалъ онъ,—моему бы Ѳедоту быть судебнымъ слѣдователемъ».

Вечеромъ, сидя передъ лампою за книгою, онъ задремалъ. Пригрезилась Тамара,—нѣжная, бѣлая,—пришла и сѣла рядомъ. Лицо ея было удивительно похоже на Лешино лицо. Она смотрѣла неотступно, настоятельно, и чего-то ждала. Томительно было Саксаулову видѣть ея свѣтлые, молящiе глаза, и не знать, чего она хочетъ. Онъ быстро поднялся, и подошелъ къ тому креслу, гдѣ показалось ему, что сидитъ Тамара. Остановясь передъ нею, онъ громко и страстно спросилъ:

— Чего же ты хочешь? Скажи.

Но ея уже не было.

«Только приснилась», — грустно подумалъ Саксауловъ.

V.

На другой день, выходя съ академической выставки, Саксауловъ встрѣтилъ Городищевыхъ. Онъ разсказалъ барышнѣ о Лешѣ.

— Бѣдный мальчикъ, — тихо сказала Валерія Михайловна, — мачеха его просто сбыть съ рукъ хочетъ.

— Это еще не доказано, — отвѣтилъ Саксауловъ.

Ему было досадно, что всѣ, и Федотъ, и барышня, такъ трагически смотрять на этотъ простой случай.

— Это очевидно, — горячо говорила Валерія Михайловна. — Отца нѣтъ, мальчикъ у мачехи, онъ ее стѣсняетъ. Не сбудетъ добромъ, — совсѣмъ изведетъ.

— Вы слишкомъ мрачно смотрите, — съ усмѣшкой сказалъ Саксауловъ.

— Вотъ вамъ бы взять его къ себѣ, — посоветовала Валерія Михайловна.

— Мнѣ? — съ удивленіемъ переспросилъ Саксауловъ.

— Живете вы одинъ, — настойчиво продолжала Валерія Михайловна, — никого у васъ нѣтъ. Сдѣлайте доброе дѣло на Пасху! Хоть похристосоваться съ кѣмъ будетъ.

— Помилуйте, Валерія Михайловна, гдѣ же мнѣ возиться съ ребенкомъ?

— Возьмите бонну. Сама судьба вамъ его посылаетъ.

Саксауловъ съ удивленіемъ и невольною нѣжностью смотрѣлъ на раскраснѣвшееся, оживленное лицо барышни.

Когда вечеромъ ему опять пригрезилась Тамара, ему уже казалось, что онъ знаетъ ея волю. И вотъ въ тишинѣ его комнаты словно прозвучали тихія слова:

«Сдѣлай, какъ она сказала!»

Саксауловъ радостно всталъ, и провелъ рукою по дремотнымъ глазамъ. Онъ увидѣлъ на столѣ вѣтку бѣлой сирени, и удивился. Откуда она? Или Тамара оставила ее, какъ знакъ своей воли?

И онъ подумалъ вдругъ, что, женившись на барышнѣ Городищевой и взявъ къ себѣ Лешу, онъ исполнить желаніе Тамары. Онъ радостно вдыхалъ нѣжный аромат сирени.

Вдругъ вспомнилъ онъ, что самъ купилъ сегодня эту вѣтку. Но сейчасъ же подумалъ:

«Это ничего не значить, что самъ: и въ томъ, что захотѣлъ ее купить, и въ томъ, что теперь забылъ объ этомъ, есть указаніе».

VI.

На утро онъ отправился за Лешю. Мальчикъ встрѣтился ему въ воротахъ, и показалъ свою квартиру. Лешина черная мама пила кофе, и ругалась со своимъ красноносымъ жильцомъ. Отъ нея вотъ что узналъ Саксауловъ о Лешѣ.

Мальчикъ остался отъ матери по третьему году. Отецъ женился на этой черной бабѣ, а черезъ годъ и самъ умеръ. У черной, Ирины Ивановны, есть свой годовалый сынъ. Она собирается замужъ. Свадьба

надняхъ, и сейчасъ же послѣ вѣнца уѣдутъ «въ провинцію». Леша ей чужой, и совсѣмъ ненуженъ.

— Отдайте его мнѣ,—предложилъ Саксауловъ.

— Сдѣлайте ваше одолженіе,—со злобною радостью сказала Ирина Ивановна.

Потомъ, помолчавъ, прибавила:

— Только за одежду заплатите.

И вотъ Леша водворился у Саксаулова. Барышня Городищева принимала участіе въ поискахъ бонны и въ другихъ подробностяхъ въ устройствѣ Леша. Пришлось ей побывать и въ квартирѣ Саксаулова. Въ этихъ заботахъ она показалась Саксаулову совсѣмъ иною. Слово ему открылась дверь въ ея душу. Глаза ея стали лучисты и нѣжны, и вся она прониклась почти тою же тихостью, какою вѣяло отъ Тамары.

VII.

Лешины рассказы о бѣлой мамѣ умилили Федота и его жену. Въ страстную субботу, укладывая его спать, они повѣсили надъ его изголовьемъ бѣлое сахарное яйцо.

— Это отъ бѣлой мамы—сказала Христина,—только ты, голубчикъ, его не трогай! Его нельзя трогать, пока Боженька не воскреснетъ, и въ колокола не зазвонятъ.

Леша послушно улегся. Долго смотрѣлъ онъ на радостное яйцо,—наконецъ заснулъ.

А Саксауловъ въ этотъ вечеръ сидѣлъ дома одинъ. Незадолго до полуночи непобѣдимая дрема опять сомкнула его глаза,—и онъ обрадовался, что увидитъ сейчасъ Тамару.

И вотъ она пришла, вся бѣлая, радостная, принося съ собою далекіе радостные звуки благовѣста. Нѣжно улыбаясь, она склонилась надъ нимъ, и—не-сказанная радость!—на губахъ своихъ почувствовалъ Саксауловъ нѣжное прикосновеніе. Нѣжный голосъ тихо сказалъ:

— Христось воскресе!

Не открывая глазъ, Саксауловъ протянулъ руки, и обнялъ нѣжное, тонкое тѣло. Это Леша взобрался къ нему на колѣни, и христосовался.

Благовѣсть разбудилъ мальчика. Онъ схватилъ бѣлое яйцо, и побѣжалъ къ Саксаулову.

Саксауловъ проснулся. Леша смѣялся, и показывалъ бѣлое яйцо.

— Бѣлая мама прислала,—лепеталъ онъ,—а я тебѣ даю, а ты дай тетѣ Валеріи.

— Хорошо, милый, такъ я и сдѣлаю,—сказалъ Саксауловъ.

Онъ уложилъ Лешу спать, а самъ поѣхалъ къ Валеріи Михайловнѣ съ Лешинимъ бѣлымъ яичкомъ,—подаркомъ отъ бѣлой мамы, который казался ему въ эти минуты Тамаринымъ даромъ.

ЗЕМЛѢ ЗЕМНОЕ.

I.

Сашу Кораблева, ученика городского училища, перевели въ слѣдующій классъ безъ экзамена, и даже съ похвальнымъ листомъ. Это его, конечно, обрадовало. И все остальное въ его жизни было въ это время хорошо. Не было никакой причины грустить. И о чемъ грустить?

Онъ жилъ со своимъ отцомъ,—мать умерла давно, онъ ее мало помнилъ. Жилъ онъ на своей родинѣ въ отцовомъ домѣ, въ небольшомъ городкѣ, на окраинѣ. Здѣсь Саша и родился. Домъ небольшой, съ огородомъ и садомъ, гдѣ много ягодныхъ кустовъ и фруктовыхъ деревьевъ. Недалеко, черезъ рѣку, поля и лѣсъ. Отецъ не богатъ, но въ домѣ достатокъ: отецъ — частный повѣренный, дѣла есть, и есть скопленный для чего-то запасъ денегъ.

Въ жизни все было хорошо, — и солнце радовало, и зелень манила,—а собою Саша все чаще бывалъ недоволенъ. Почему, — онъ не зналъ, не могъ понять, и все чаще томился.

И чѣмъ это началось? Кажется, сущими пустяками.

Отецъ не пошелъ на училищный актъ, гдѣ Сашу наградили,—пришлось итти въ судъ. Саша несъ домой свой похвальный листъ, очень торопился, чув-

ствовавъ себя счастливымъ побѣдителемъ, и ему такъ хотѣлось, чтобы отецъ былъ дома.

Оказалось, что отецъ уже вернулся изъ суда. Онъ сидѣлъ на балконѣ, курилъ папиросу, и задумчиво смотрѣлъ черезъ золотые очки куда-то вдаль, откуда приходятъ смутныя, неуловимыя мысли. Онъ услышалъ на дорожкахъ въ саду Сашины шаги, почему-то припомнилъ вдругъ свою ссору съ однимъ изъ Сашиныхъ учителей, и сталъ ждать, что скажетъ Саша, — отомстили ему учителя или нѣтъ. И сейчасъ-же опять подумалъ, что это — вздоръ, что учителя не рѣшатся мстить сыну за отца: и совѣстно, и побоятся, что отецъ, какъ законникъ, затѣветъ кляузу, станетъ жаловаться. Ему стало неловко и досадно. А уже Саша бѣжалъ къ нему, румяный, веселый, и махалъ свернутымъ въ трубочку похвальнымъ листомъ.

Саша взбѣжалъ по ступенькамъ на балконъ, и крикнулъ звонко:

— Съ похвальнымъ листомъ!

И его веселый крикъ нарушилъ привычную въ этомъ домѣ тишину. Саша горѣлъ восторгомъ. Отъ его звонкаго голоса у отца сильнѣе заболѣла голова, но и теперь, какъ всегда, онъ скрылъ это.

— Покажи, покажи, — ласково сказалъ онъ, медленными, какъ бы утомленными движеніями поглаживая рыжую бороду. Легкая усмѣшка едва обозначилась подъ его густыми, червонными усами.

Саша ловкимъ движеніемъ проворныхъ рукъ развернулъ листъ, который при этомъ шуршалъ, словно сдѣланный изъ тонкаго желѣза.

— Все пятки, даже четверокъ мало, — радостно говорилъ Саша.

Молодецъ, отличился на славу,—сказаль отецъ, устало и задумчиво разсматривая отмѣтки.

— Что-жь, вѣдь я все знаю, что проходили,—такъ же радостно, но уже не такъ громко сказалъ Сапа.

Что-то въ отцовыхъ словахъ и въ отцовомъ лицѣ уже начинало охлаждать его, а что именно, еще онъ не осмыслилъ.

— Что-жь, на стѣнку повѣсишь?—спросилъ отецъ. Сапа засмѣялся, но какъ-то неувѣренно.

— Зачѣмъ на стѣнку! — смущенно сказалъ онъ, — уберу въ сундучекъ.

— А никто и не увидить,—посмѣиваясь говорилъ отецъ.

— Ну вотъ, покажу, кому надо.

— Какъ не показать, — люди похвалятъ, — сказалъ отецъ тихо.

— А ты?—спросилъ мальчикъ.

— За показъ-то?

— Да нѣтъ.

Отецъ обнялъ сына за плечи, и поцѣловалъ его въ щеку.

— Славный ты у меня,—сказаль онъ.

Нѣжная ласка звучала въ его голосѣ. Сапа почувствовалъ, какъ минутная неувѣренность проходить быстро и какъ будто безслѣдно, — ему опять становилось радостно, и онъ весело засмѣялся, безпричинно, неудержимо.

Отецъ смотрѣлъ на него, легонько улыбаясь, но мысли его были почему-то нерадостны.

Здоровый и веселый мальчикъ, Сапа иногда казался недолговѣчнымъ,—не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ, какъ говорятъ въ народѣ. Что-то темное и вѣчно не-

радостное въ Сашиныхъ глазахъ наводило иногда отца на грустныя мысли. И когда онъ смотрѣлъ печально вдаль, передъ нимъ возникала иногда въ воображеніи, рядомъ съ жезиною могилою, другая, свѣжая насыпь.

II.

За день Саша набѣгался, наигрался. Пришелъ вечеръ. Заря играла на небѣ, и, утомленная, радостно умирала. Саша сидѣлъ на скамеечкѣ въ своемъ саду, усталый, смотрѣлъ на румяныя заревыя улыбки, на струйки, цѣловавшія рѣчной берегъ, на синія кисти мышинаго горошка, прижавшагося къ забору,—и припоминалъ утро, и свое торжество. Ему и не трудно было отличиться, — совсѣмъ почти безъ труда все давалось, и времени мало уходило на приготовленіе уроковъ, такъ что Саша успѣлъ, за свою короткую пока жизнь, и кромѣ учебниковъ, прочитатъ много всякихъ книжекъ.

На похвальномъ листѣ надпись: «За отличные успѣхи и благонаравіе». Странное слово—благонаравіе.

„Значить,—думалъ Саша,—у меня благой, добрый нравъ, то есть, я—хорошій мальчикъ.“

Саша улыбался, но ему стало стыдно и неловко, что онъ признанъ благонаравнымъ.

А вдругъ бы давали похвальные листы за честность, за доброту!

Нельзя. Честность безкорыстна. Если за добро—награда, то ужъ что это за добро.

А какъ-же рай? Вѣдь это—награда. Въ раю будетъ

приятно. А грѣшниковъ праведники не пожалѣютъ? Но вѣдь грѣшники завоюютъ въ огнѣ. Только знать это,—и можно-ли блаженствовать?

А вѣдь вотъ онъ, Саша, блаженствуетъ, а грѣшники-то, оставленные на второй годъ? Иные тоже воютъ: дома побили,—и больно, и стыдно.

Саша смотрѣлъ въ сгущающуюся темноту. Было тихо, и все имѣло такое выраженіе, точно сейчасъ придетъ кто-то, и что-то скажетъ. Но никого не было. Только влажные вѣтки, шелестя, вздрагивали, да ночная птица далеко, изъ-за лѣса, кричала о чемъ-то своемъ, лѣсномъ и жадномъ.

И стало уже такъ, словно всѣ предметы закрыли глаза и успокоились. Только небо смотрѣло неотступно и пристально. Но оно было далекое, и не слышно было отъ этихъ звѣздъ ни единого звука.

Саша тихо пошелъ домой, горячими щеками задѣвая влажные вѣтки на кустарникахъ. Какъ-то странно и томительно горѣло его сердце.

III.

Уже стало темно. Въ Сашиной спальнѣ копошилась Лепестинья, — постлала Сашѣ постель, прибирала что-то. Она была старая - престарая, согбенная и морщинистая, никогда не улыбалась, и всегда понимала, что думалъ Саша, хотя бы онъ и не сумѣлъ ей хорошо сказать о томъ. Не даромъ она вынянчила его. Ея движенія были тихи, поступь безшумна.

Саша раздѣвался.

— Помолись, Саша,—сказала Лепестинья.

— Да я не знаю, Лепестиньюшка, о чемъ молиться,—лѣниво отвѣтилъ Саша.

Ему хотѣлось спать, и не было никакихъ земныхъ мыслей и желаній.

— За отца помолись, за себя,—говорила Лепестинья неторопливо и шамкая.

— А чего молиться?—спросилъ Саша.

— Да ужъ Богъ самъ знаетъ. Ты только стань къ нему, Онъ самъ къ тебѣ приклонится.

Саша сталъ на колѣни передъ образомъ. Слова изъ молитвъ не вспоминались, и ничего не хотѣлось просить,—но онъ чувствовалъ въ себѣ что-то нѣжное и отдающееся, и ему казалось, что безусловная и бездумная молитва рождалась въ его растроганной душѣ.

Что-то вдругъ развлекло,—шумъ какой-то,—вѣтеръ повѣялъ, и вѣтка задѣла за стекло въ открытомъ окнѣ. Молитвенное настроеніе вдругъ исчезло,—но жаль было его. Саша сталъ повторять молитвы на память,—но отъ этого повторенія чужихъ, заученныхъ для классной отмѣтки словъ стало неловко и совѣстно. Онъ перекрестился, и поднялся.

Скоро онъ улегся, — и вдругъ почувствовалъ, что не хочется спать. Лепестинья собралась уходить. Онъ окликнулъ ее.

— Что ты, касатикъ? — прошамкала старуха, оставаясь на порогѣ.

Саша заговорилъ тихонько и нѣжно:

— Скажи, Лепестинья, отчего это звѣзды смотрять на землю, да таково-то печально.

Лепестинья подошла къ окну, и посмотрѣла на темное небо и на ясныя звѣзды.

— Звѣзды смотрять?—раздумчиво повторила она.—

Богъ, видно, такъ имъ далъ. Смотрять,—а ты не смотри, спи себѣ.

— Я бы, Лепестиньюшка, не смотрѣлъ,—глаза сами смотрять.

Лепестинья приблизилась къ Сашѣ, и, подперши рукою щеку, тихонько проговорила, любовно глядя на него:

— Спи, батюшка, спи съ Богомъ. Закройся, глазокъ, закройся, другой.

Саша, улыбаясь, закрылъ сперва одинъ глазъ, потомъ и другой. Но Лепестинья ушла, а глаза у Саши открылись, и упрямо хотѣли глядѣть въ темноту, которая обступала со всѣхъ сторонъ, и словно таила что-то, чего никакими глазами не высмотришь,—а ужъ Сашины-ли глаза не зорки!

И отчего въ этой темнотѣ и въ этой тишинѣ такъ много звуковъ, тихихъ, еле слышныхъ, но ясныхъ? Откуда они?

Саша долго смотрѣлъ въ темноту. Мысли его были смутныя, неопредѣленныя. Уже совсѣмъ разсвѣтало, когда онъ, незамѣтно для себя, заснулъ, истомленный бессонною ночью, напрасными думами.

IV.

Лютое солнце стояло въ самомъ притинѣ. Оно, словно громадный свернувшійся огненный змѣй, казалось, вздрагивало всѣми своими тѣсно-сжатыми кольцами. Саша лежалъ босой въ травѣ на берегу, подъ ивой, лицомъ кверху, раскинувъ руки, спасаясь въ тѣни отъ

знойной истомы. Рядомъ съ нимъ валялась камышевая жалея, которую онъ самъ себѣ сдѣлалъ.

Жужжали пчелы. Съ тихимъ шелестомъ около вѣтокъ колебался жаркій воздухъ. День протекалъ безпощадный, торжественный. Это яркое великолѣпіе дневное наводило на Сашу тоску, смутную и почти пріятную. Чаровала полдневная тишина,—въ ея величавомъ обаяніи еще отчетливѣе и яснѣе обычнаго становились для зоркаго и чуткаго Саши всѣ впечатлѣнія,—легчайшіе звуки, тончайшіе переходы въ освѣщеніи. Когда поднимался легкій вѣтерокъ, Саша слышала, какъ поскрипывала, поворачиваясь на ржавомъ стержнѣ, вертлявая пренька на крышѣ, — желѣзный вѣтрочуй-пѣтухъ.

За рѣдкою раскидывались поля, широкія, замкнутыя далекою, непонятною чертою, — и за нею тревожно подозрѣвались новыя невѣдомыя дали. Между колосьевъ по дорогѣ поднимались и плясали иногда сѣрые вихри. Въ зеленовато-золотистомъ колыханіи колосьевъ Саша чувствовалъ соотвѣтствіе съ тѣмъ, что двигалось и жило въ немъ самомъ земною, мимолетно-зыблемою жизнью. Значительно и строго было выраженіе полей и всей природы,—хотѣлось разгадать, чего она хочетъ и къ чему она вся,—но трудно было и думать объ этомъ. Промелькнетъ неясная мысль, — и погаснетъ,—и Саша опять въ тягостномъ, томномъ недоумѣніи. И онъ думалъ тогда, что злая, коварная природа какими-то чарами отводитъ его отъ познанія о своей тайнѣ, чтобы таиться и лукавить попрежнему. И какъ разсѣять эти чары? Какъ понять эту чудную и родную жизнь?

Саша повернулся на животъ, и легъ лицомъ къ землѣ. Въ травѣ кишѣлъ передъ нимъ цѣлый міръ,—бы-

линки жили и дышали, жучки бѣгали, сверкали разноцвѣтными спинками, шелестѣли еле слышно. Саша ближе приникъ къ землѣ, почти прилегъ къ ней ухомъ. Тихіе шорохи доносились до него. Трава вся легонько, по-змѣиному, шелестѣла. Отъ движенія испаряющейся влаги шуршалъ порою осѣдавшій земляной комочекъ. Какія-то струйки тихо звенѣли подъ землею.

Лепестинья пришла погрѣться на солищѣ. Крехтя она опустила на траву рядомъ съ Сашею. Саша ласково посмотрѣлъ на нее черными, вопрошающими глазами. Лепестинья захватила горсть земли сухими руками, и уже Саша зналъ, что сейчасъ Лепестинья станетъ любовно растирать землю и тихо забормочетъ:

— Земля еси и въ землю отыдеши.

И Саша легонько улыбался, услышавъ эти знакомыя, страшныя кому-то, но не имъ обоимъ слова.

— Охъ, Сашенька, стара я стала, — сказала старуха, — ужъ и солнце отъ меня отвертывается, грѣть меня, старую, не хочетъ.

Саша съ удивленіемъ, внимательно посмотрѣлъ на Лепестинью, и сказалъ нѣжнымъ, звенящимъ голосомъ:

— А вотъ ко мнѣ, Лепестиньюшка, такъ все поворачивается, — точно смотритъ на меня, — и трава, — и кусты, — все, что далеко, что близко, все. Вонъ тамъ, видишь, на томъ берегу сѣрый камень, и тотъ на меня уставился.

— Да тебѣ примстилось, поди, — опасливо сказала старуха.

— Нѣтъ, Лепестиньюшка, — весело отвѣтилъ Саша, — мнѣ никогда ничего не кажется. А только такъ все

ясно да странно какъ-то. Такъ вотъ и вижу, что хоть глазъ тамъ и нѣтъ, а смотрѣть—смотреть.

— Безглазая засматривается,—шамкала старуха.— Поберегайся, голубчикъ: приглянулся ты ей, курносой.

Она сидѣла на травѣ, охвативъ колѣни морщинистыми, коричневыми руками. Ея слезящіеся глаза тупо смотрѣли куда-то прямо и далеко. Дряхлое лицо ея не выражало ни удивленія, ни сомнѣнія.

— Ну да, безглазая. Тоже выдумаешь, — тихо сказалъ Саша, и подумалъ немного.— А почему?—вдругъ спросилъ онъ.

— Приглянулся - то почему? — переспросила Лепетинья.—Глаза, вишь ты, у тебя,—глаза нехорошіе.

— А чѣмъ, няничка, нехорошіе?—ласково спросилъ Саша.

— Глаза-то у тебя смотрять, куда не надо, видять, что не гоже. Что закрыто, на то не гоже смотрѣть. Курносая не любитъ, кто за ей подсматриваетъ. Поберегайся, миленькій, какъ бы она тебя не призарила.

— Да развѣ я за нею, няничка, подсматриваю? — еще ласковѣе промолвилъ Саша, и чистый, какъ подснежный ручей, голосъ его звенѣлъ нѣжно и сладко.

— Вездѣ она, голубъ мой, все она,—и въ травкѣ, и въ рѣчкѣ,—медленно и уныло говорила старуха.—Ты идешь,—и она тутъ-же ползетъ, травку сломить, козявку задавить. Не гоже смотрѣть много, не любитъ она.

— Такъ какъ-же быть-то, миленькая няничка, коли глаза сами смотрять?—спросилъ Саша, улыбаясь, глядя на старуху неотступно-вопрошающими глазами.

— Что подѣлаешь, голубчикъ! Такіе ужъ, видно, тебѣ глаза Богъ далъ, ничего не подѣлаешь, жалѣнный,—ты ими и не хочешь, да видишь.

Саша закрылъ глаза. Онъ думалъ, что умереть скоро, и будетъ лежать въ землѣ и тлѣть. Но не страшило его, что лежать ему въ родной землѣ. Онъ любилъ землю. Любилъ уходить подальше въ поле, быть въ одиночествѣ, прикинуться къ землѣ, слушать ея шорохи и шопоты. Любилъ ходить босыми ногами, чтобы чувствовать землю ближе.

Саша сѣлъ, взялъ въ руки жалею, и принялся дудить въ нее. Поились нѣжные, жалобные звуки. Рождались грустныя, томительныя мысли.

Вотъ пришелъ товарищъ съ удочкою. Мальчики побѣждали къ рѣкѣ, радостно разговаривая о рыбахъ. Оба они залѣзли въ воду удить,—и холодное плесканіе о голыя колѣни отогнало непосильныя, печальныя думы.

Рѣка была тихая, вся гладкая да ясная на солнцѣ. Но маленькія струйки тревожно звучали, ударяясь о берегъ, и рыбки порою тревожно плескались,—а рѣка стремилась медленно и неуклонно. Сѣровато-зеленый тростникъ колыхался въ водѣ у берега, и по высокимъ стеблямъ его пробѣгалъ порою сухой, слабый шумъ.

Мальчики долго шалили и плескались на рѣкѣ. Среди веселыхъ забавъ Саша вдругъ приумолкъ, засмотрѣлся на воду. Онъ вышелъ на берегъ, присѣлъ на камень, и сказалъ медленно и задумчиво:

— Вода-то,—все течетъ.

— Ну такъ что-жь?—спросилъ его товарищъ, бѣлоголовый мальчуганъ съ пухлымъ, простодушнымъ лицомъ.

— Чудно!—сказалъ Саша.

— Чего чудно? Какъ-же ей не течь, коли она въ рѣкѣ?—отвѣтилъ бѣлоголовый мальчишка, и засмѣялся Сашинимъ словамъ.

Саша вздохнулъ, посмотрѣлъ на товарища, и спросилъ:

— А ты слушалъ, какъ трава растеть?

Бѣлоголовый мальчишка разинулъ ротъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.

— А говорятъ, что можно слышать,—сказалъ Саша.

— Ишь ты!

V.

Рано поутру Саша съ отцомъ отправились на мамину могилу. Они тихо разговаривали по дорогѣ, а свѣтлое и равнодушное обливало ихъ солнце еще не жаркимъ свѣтомъ.

Отецъ рассказывалъ о покойницѣ. Саша любилъ слушать эти рассказы и смотрѣть на затуманенное печалью отцово лицо, да на его усталые, далеко устремленные глаза.

На кладбищѣ въ этотъ ранній часъ было хорошо. Посѣтители еще не пришли. Кладбище дремало, какъ успокоенная роща въ странѣ безлюдной и мирной. Только птицы чирикали, да вѣтки шептались. Но эти нѣжные звуки не нарушали свѣтлой тишины.

Саша съ отцомъ сѣли на зеленую скамеечку передъ маминою могилою. Могила зеленѣла и цвѣла. Сашѣ стало грустно, что мертвые не встаютъ и не являются. Если-бы милая мама пришла! Но нѣтъ,—разлука давѣки. Напрасно ждать и молиться.

— Знаешь, папа, чего я хотѣлъ-бы?—тихо спросилъ Саша.

Отецъ молча посмотрѣлъ на него.

— Миѣ, знаешь, хотѣлось-бы повидать мамочку,— продолжалъ Саша.—Право, хоть одинъ бы только разъ. Отецъ грустно улыбнулся.

— Какъ-же ее увидѣть? — спросилъ онъ. — Во снѣ развѣ.

— Хоть-бы только показалась, хоть бы на самую маленькую минутку,—тоскливо говорилъ Саша.

— Мертвые къ намъ не ходять,— печально сказалъ отецъ.—Да и мы ихъ боимся.

Саша подумалъ: неужели онъ испугался-бы милой мамочки? Нѣтъ, ужь если онъ и чужихъ покойниковъ не боится, такъ какъ-же родной-то испугаться!

А вѣдь въ могилѣ она истлѣла, и вся теперь черная, мягкая, какъ земля.

Саша внимательно смотрѣлъ передъ собою темными и зоркими глазами, и не видѣлъ ничего, кромѣ насквозь озареннаго воздуха, травы и деревьевъ, могилъ и кустовъ, безконечнаго множества листьевъ, былинкокъ, мошекъ, всякихъ предметовъ, ненужныхъ и докучныхъ. Не было только того, что мило и дорого Сашину сердцу,—не было Сашиной мамочки, молодой, веселой, но навсегда оставившей этотъ солнечный, яркій, вѣшній міръ.

Отецъ всталъ.

— Пора домой,—сказалъ онъ.

Сашѣ грустно было оставлять мамину могилу. Все на свѣтѣ кончается.

VI.

Вечеромъ Саша съ отцомъ долго сидѣли въ столовой. Одинаковое настроеніе, сумеречное, безпричинно печальное,—безпричинно, и потому неотразимо,—осѣ-

нило ихъ обоихъ. Оба они смотрѣли на маминъ портретъ,—большую фотографію на стѣнѣ. Саша сказалъ:

— Хоть-бы мамочка только мимо прошла,—хоть-бы тамъ, за дверьми.

Отецъ печально посмотрѣлъ на Сашу, потомъ перевелъ глаза на дверь, и сказалъ:

— Пройди она за тобою,—испугаешься.

Саша оглянулся. Изъ двери видна была темная прихожая. Никто не стоялъ тамъ. Саша вздохнулъ и сказалъ:

— А ничуть не испугаюсь.

— Увѣренъ?—строго спросилъ отецъ.

— Правда, ничуть не испугаюсь,—повторилъ Саша.

— Не хвались,—сказалъ отецъ, и замолчалъ.

Саша задумался. Онъ не помнилъ въ своей жизни страха. И теперь, какъ онъ въ умѣ ни испытывалъ себя, онъ не могъ допустить, что испугается загробнаго мамина появленія. Но Сашѣ казалось, что отецъ смотритъ на него съ неудовольствіемъ,—и Саша старался убѣдить себя въ томъ, что отецъ правъ: онъ привыкъ вѣрить отцу. Смѣлость, которую Саша зналъ въ себѣ,—не была-ли она только боязнь показаться передъ людьми трусомъ? И хотя Саша увѣренъ былъ въ томъ, что нѣтъ въ душѣ его страха, все-же онъ рѣшился испытать себя.

VII.

Саша лежалъ въ постели, но не спалъ, — прислушивался къ звукамъ въ домѣ, и ждалъ. Въ тихомъ всегда домѣ ночные звуки раздавались особенно ясно. За нѣсколько горницъ слышались отцовы шаги, потомъ

заскрипѣла его кровать. Лепестинья ходила, тихонько шлепая туфлями. Безпрестанно возникали и уничтожались какіе-то легкіе, непонятные шумы. Передь образомъ слабо мерцалъ елейникъ. Тѣни беззвучно, еле замѣтныя, двигались по стѣнамъ.

Наконецъ и Лепестинья угомонилась. Стало совсѣмъ тихо. Ночь, лѣтняя, полупрозрачная, достигла самой темной поры. Саша поднялся съ постели, одѣлся, и выскочилъ изъ окна въ садъ. Ночная свѣжесть охватила его. Обильная роса мочила Сашины ноги. Сразу стало холодно, захотѣлось вернуться, заснуть. Но Саша пошелъ впередъ. У калитки онъ немного постоялъ, подумалъ, потомъ рѣшился, и вышелъ на дорогу.

Поля за рѣкою туманились. Рѣка покрылась легкою дымкою. Дорога была жесткая и влажная. Мелкіе камешки на ней ясно ощущались босыми Сашиними ногами.

Саша спустился къ броду. Теплая вода нѣжно обняла колѣни. Рѣка, всею шириною, двигалась, и трудно было идти прямо,—ноги стали такими легкими, шаткими, и на каждомъ шагу вода, ясно и весело звуча, тихонько, но сильно плескалась о колѣни. Когда Саша подходилъ къ берегу, стало жаль, что вода падаетъ все ниже, что все слабѣютъ ея теплыя, нѣжныя прикосновенія. Окунуться-бы совсѣмъ, — славно! Но некогда, — завтра. И Саша вышелъ на берегъ.

Саша медленно шелъ по дорогѣ, вдоль рѣки, озирался вокругъ, и ждалъ, когда будетъ страшное. Но онъ чувствовалъ въ себѣ только ночную истому да любопытство, да ожидающее волненіе, вовсе, впрочемъ, не похожее на страхъ. Ощущенія были бодры, какъ всегда.

Бѣлая ночь дѣлала все полуявственнымъ: ничего не могла она закрыть отъ взора, ни близкаго, ни дальняго, но и освѣтить ничего не могла своимъ небомъ, блѣднымъ, тихимъ, безъ луны и безъ звѣздъ. Міръ полуявлялся въ дремотѣ сквозь эту безсильную ночь. Рѣка подъ легкимъ туманомъ томилась, и слабо вздыхала въ камышахъ, и слезливо плескалась о песчаный берегъ.

Здѣсь, въ этомъ окутанномъ ночью полупрозрачною тьмою полѣ, было то же, какъ днемъ, — такъ же все было обращено къ Сашѣ, все представало передъ нимъ, но не давало знать о томъ, что есть за этою видимостью. Деревья стояли неподвижныя, съ длинными, тонкими вѣтками. Въ ихъ видимой упругости сказывалась невѣдомая жизнь, непреклонная воля. Но не понять было, чего-же они хотятъ, и какъ живутъ.

Дорога, съ рѣдкими, тонкими березками по краямъ, повышалась едва замѣтно, и отдалялась отъ рѣки. Земля при дорогѣ, сырая, теплая, ласково прикасалась къ Сашинымъ ногамъ. Свѣжій воздухъ веселымъ холодомъ обнималъ тѣло. Широкая Сашина грудь радостно дышала. Радость была въ тѣлѣ, и печаль въ душѣ.

Скоро вдали заблѣла кладбищенская ограда.

То чувство, которое испытывалъ теперь Саша, все болѣе разочаровывало его. Онъ ждалъ страха, да уже и хотѣлъ его, что дальше, то сильнѣе, — и напрасно: страха не было.

Свѣтлая ночь молчала, какъ будто думала о чемъ-то, и, чуждая Сашѣ, не хотѣла пугать его.

Странно было, что такъ свѣтло, и безлюдно, и тихо, — ночное чувство, несравнимое ни съ чѣмъ дневнымъ.

Ни тоскливо, ни жутко, — только въ душѣ безмолвный вопросъ, безмѣрное удивленіе. Влажная трава, блѣдное небо, — все словно ждало чего-то, и утомилось ждать, и дремлетъ. Неразумная дѣва, заждавшаяся жениха. И онъ при дверяхъ, и медлитъ.

Вотъ перекрестокъ. Издали, пока другую дорогу заслоняли кусты, можно было думать, что тамъ, за ними, что-то есть. Но когда Саша подошелъ, онъ увидѣлъ, что все пусто, никто не движется ни по той, ни по этой дорогѣ. Ни люди, ни духи не ждутъ здѣсь условленныхъ встрѣчь.

Саша сталъ на перекресткѣ, и крикнулъ:

— Приди!

Голосъ его прозвучалъ звонко и дерзко, — и все вокругъ удивительно молчало. И Саша сказалъ:

— Если ты есть, явись!

Полуявственно и неподвижно лежало близкое и далекое, — все, обращенное къ Сашѣ. И не являлся никто иной.

Саша постоялъ, посмотрѣлъ вокругъ въ напрасномъ ожиданіи, и пошелъ къ оградѣ. Нетерпѣливое ожиданіе страха усиливалось.

Ворота, черезъ которыя возили покойниковъ, были совсѣмъ такія-же, какъ и въ городѣ, въ обыкновенныхъ заборахъ. Они покойно и бессмысленно показывали Сашѣ свою рѣшетчатую, зеленую поверхность.

Саша подошелъ къ калиткѣ, и толкнулъ ее. За нею слабо звякнулъ замокъ. Тогда Саша полѣзъ черезъ невысокую стѣну, бѣлую, холодную, и спрыгнулъ въ мягкую траву на кладбищѣ.

За оградой все стало инымъ, тѣснымъ, близкимъ, но столь-же простымъ и загадочнымъ. Кусты темнѣли.

Бѣлая церковь съ зеленою кровлею смотрѣла темными окнами, какъ незрячими глазами. Саша внимательно прислушивался въ тишинѣ, чтобы различить хоть какой-нибудь звукъ, — но слышалъ только, какъ бьется его сердце, какъ трепещутъ жилки на вискахъ и у запястій.

И гдѣ-же страхъ? Саша проходилъ между крестами и могилами, между кустами и деревьями. Подъ землею, онъ зналъ, лежали истлѣвая покойники: что ни крестъ, то внизу, подъ могильною насыпью, трупъ, зловонный, отвратительный. Но гдѣ-же страхъ?

Всѣ предметы были дивные, какъ призраки, а призраки не являлись. Неподвижные кресты не таили за собою бѣлыхъ, колеблющихся фигуръ, простирающихъ руки.

Потому-ли нѣтъ страха, что нѣтъ призраковъ?

И почувствовалъ Саша, что эта нѣмая, загадочная природа была-бы для него страшнѣе замогильныхъ призраковъ, если-бы въ немъ былъ страхъ.

Не думая о томъ, куда идетъ, Саша привычною дорогою добрался до маминой могилы. Тишина и тайна осѣняли ее. Вотъ смерть. И что она? Мама лежитъ, вся истлѣвшая. Но что-же это, и какъ?

Саша сидѣлъ на могилѣ, неподвижно и грустно, обхвативъ руками бѣлый крестъ, прижимаясь къ нему щекою. Онъ терпѣливо ждалъ, маленькій, словно потерянный среди крестовъ и могилъ. Его лицо блѣднѣло, глаза, темные и печальные, неотступно глядѣли въ прозрачную полутьму.

И онъ дождался. На неуловимо-краткое время сладостный, нѣжный восторгъ овладѣлъ имъ. Настала неизъяснимая полнота въ чувствахъ, словно пришла

утѣшительница и низвела съ собою рай. Блѣдный, съ сіяющею, радостною улыбкою на губахъ, Саша еще ближе приникъ къ бѣлому кресту, и широкими черными глазами смотрѣлъ передъ собою, мимо померкшаго для него міра.

И отошло это, — и опять надвинулись докучныя явленія.

Высокая радость забылась, едва отгорѣвъ: то было чувство неземное и не для земли. Душа-же у человека земная, узкая, и Саша былъ еще во власти у земли.

Заря занималась. Церковь розовѣла и погружалась въ земной сонъ, — вѣчный, непробудный.

Саша всталъ. Церковь и кресты пошатнулись. Саша понялъ, что это онъ самъ покачивается отъ усталости, потому что не спалъ всю ночь.

VIII.

Саша возвращался домой, дивясь и грустя. Глаза тяжелѣли. Кровь тяжело обращалась въ жилахъ. Земля подъ ногами лежала холодная, жесткая. Влажный воздухъ томилъ своимъ холодомъ.

Вода тепло и нѣжно обняла его ноги, — но уже Саша торопился домой: уже свѣтало быстро.

Сашѣ не хотѣлось, чтобы его дома увидѣли, хотя онъ и не думалъ таиться. Все равно, онъ самъ расскажетъ отцу, — но только-бы теперь не говорить ни съ кѣмъ и ни о чемъ.

Ему удалось пробраться незамѣченнымъ, прямо въ окно, потому-что на крыльцѣ уже стояла Лепестинья,

и молилась на кресты надъ городскими соборами. мягкомъ утреннемъ свѣтѣ она казалась совсѣмъ старою и дряхлою.

— Епистимія — знающая, — вспомнилъ Саша вычитанное изъ календаря значеніе старухинаго имени, — а вотъ не знаетъ, гдѣ я ходилъ всю ночь.

Ему стало весело, что онъ прячется отъ Лепестиньи, когда это вовсе не надо, да смѣшно еще на то, что здѣсь невольная радость отъ избѣгнутыхъ опасностей и страховъ овладѣла имъ.

Онъ улегся и скоро заснулъ. Тревожный сонъ снился ему. Багровое зарево пылало за окномъ. Надъ городомъ гудѣлъ набатъ. Сначала только и было слышно, что этотъ жалобный звонъ, да еще тихій, далекій трескъ, — точно дрова въ печкѣ. Потомъ слышались пугливые голоса, сперва одиночные. Пробѣгали мимо, кричали что-то. Суматоха поднялась близко, — и вдругъ всѣ забѣгали и закричали, и отъ этого Саша проснулся. Сердце сильно билось. Но вездѣ было тихо, ясно и свѣтло. Солнце радостно, по-утреннему смотрѣло въ окно.

Саша повернулся къ стѣнѣ, натянулъ повыше одѣяло, чтобы свѣтъ не мѣшалъ, и сейчасъ-же опять заснулъ. Снова ему приснилось то-же, о пожарѣ. Снова подъ его окнами забѣгали и закричали испуганные люди. Саша вскочилъ, торопливо одѣлся, и побѣжалъ на пожаръ.

Сердце у него тоскливо сжималось. Онъ зналъ, что надо спѣшить, спасти кого-то.

Ярко и весело пылалъ деревянный домъ. Кругомъ суетились люди. Горѣло красиво и нисколько не страшно. Близо не подойти было — жарко. Лѣвая по-

ловина еще не горѣла, и тамъ только изъ-подъ крыши струйками выбѣгалъ черный дымъ. Блѣдная женщина рыдала и металась въ толпѣ. Въ дому остался ея ребенокъ. Дюжіе краснощекіе парни равнодушно глядѣли на несчастную мать. Она кидалась то къ одному, то къ другому. Бросилась было и къ Сашѣ, да увидѣла, что это еще мальчикъ, и метнулась дальше. Неясное, но повелительное чувство бросило Сашу впередъ. Какія то доски лежали подъ ногами, Саша черезъ нихъ перепрыгнулъ. Вотъ и крыльцо. Саша съ усиліемъ открылъ дверь. Его обдало густымъ дымомъ.

— Назадъ, назадъ! — испуганнымъ голосомъ кричалъ ему кто-то съ улицы.

Саша прикрылъ лицо локтями, и бросился въ дверь. Струя воды обдала его сзади. Справа и слѣва, близко, мелькали огненные язычки. Голова кружилась, отъ жары, отъ дымнаго воздуха, но Саша чувствовалъ себя сильнымъ и смѣлымъ. Горницы застлалъ густой дымъ, — только внизу, около пола, дыма еще было мало. Саша нагибался и касался руками пола, чтобы не задохнуться въ дыму.

Вотъ горница, гдѣ посвѣтлѣе. Дымъ разорванными ключьями клубился подъ потолкомъ и вытекалъ изъ окна. У стѣны стояла люлька. Въ ней спалъ ребенокъ. Люлька слегка дымилась, откуда-то снизу. На потолокъ узкою полоскою вспыхнулъ огонь. Ребенокъ улыбнулся во снѣ. Онъ былъ блѣденъ. На его лицѣ лежала сѣрая копоть. Саша выхватилъ его изъ люльки, завернулъ въ одѣяльце, и подбѣжалъ съ нимъ къ окну. Что-то мѣшало, — какія-то доски и бревна наклонялись сверху и съ боковъ; дымъ, вытекавшій на улицу, не

давалъ ничего видѣть изъ окна. Саша просунулъ ребенка въ узкое отверстіе, и бросилъ его на улицу.

«А какъ-же я?»—мелькнула быстрая мысль.

Саша глянулъ вверхъ. Пылающая балка свѣшивалась надъ окномъ, обдавала нестерпимымъ жаромъ, трещала и сыпала искры. Саша опустилъ голову. Сердце сжалось. Что-то тяжелое надавило на спину и заставило нагнуться. Лбомъ Саша больно ударился о подоконникъ. Дымъ сгущался, мѣшалъ дышать, душилъ...

Саша проснулся, задыхаясь. Онъ лежалъ, согнувшись, закрывая голову и ротъ одѣяломъ,—и отъ этого такъ трудно дышалось.

Саша поспѣшно отбросилъ одѣяло. Дыханіе стало свободно,—и Саша обрадовался тому, что теперь легко, что онъ живъ и дома, а не задыхается въ горькомъ дыму.

Въ памяти ярко повторялся сонъ, и всѣ его волненія. Вдругъ Саша вспомнилъ, что и раньше онъ не разъ мечталъ, какъ спасеть ребенка изъ пожара, и о другихъ подвигахъ. Сонъ повторилъ мечту.

«Во снѣ только и спасать!»—подумалъ Саша.

Онъ лежалъ на спинѣ, усмѣхался слегка насмѣшливо и нѣжно, прислушивался къ тишинѣ, и неопредѣленно ждалъ чего-то. Длинные, черныя рѣсницы осѣняли полузакрытые глаза,—темные, земные. Воспоминанія и мечты стали смѣшиваться въ дремотѣ. Яркіе облики проплыли передъ глазами, темные, огромные глаза глянули,—закружились, осыпаясь, золотые одуванчики, и погасли. Саша опять заснулъ.

Приснилось, что онъ въ гробу, неподвижный и мертвый. Онъ погибъ на пожарѣ,—и вотъ люди выта-

щили изъ-подъ развалинь обгорѣлое тѣло, и хоронили его. Доносилось сладостное пѣніе. Много пришло народу,—Саша слышалъ это по сдержанному говору, по тихому плачу. Хвалебныя слова въ толпѣ радовали Сашу. Особенно хвалили и нѣжно плакали дѣвушки, и, должно быть, ихъ-то и было больше всѣхъ.

Подняли гробъ, и понесли съ плачемъ и пѣніемъ. Саша плавно покачивался, какъ въ люлькѣ. Вѣялъ легкій вѣтеръ. Солнце свѣтило прямо въ лицо, грѣло глаза сквозь сомкнутыя вѣки, но не жгло,—оно было нѣжное, какъ будто свѣтило изъ рая. Пріятно и томно было лежа качаться.

Потомъ Саша увидѣлъ себя отдѣльно, откуда-то сверху. Гробъ былъ маленькій, и весь осыпанъ цвѣтами, простыми и милыми, ромашкою, просвирниками, лютиками. Несли, чередуясь, юноши и прекрасныя дѣвицы, и толпа тѣснилась вокругъ, мереза нарядными платьями на барышняхъ. У всѣхъ на рукахъ и на одеждѣ были цвѣты. Отецъ шелъ за гробомъ, поглаживалъ свою червонную бороду, и недовѣрчиво улыбался, а на глазахъ его подъ очками блестѣли слезинки: одному только Сашѣ сверху онѣ и были видны. Впереди шли пѣвчіе и пѣли что-то сладостное и печальное, и такое нѣжное, чего еще никогда на землѣ не пѣли,—и отъ этого изъ глазъ у всѣхъ лились невольны слезы.

Саша проснулся въ слезахъ. Солнце сіяло прямо въ глаза.

Сашѣ стало грустно,—онъ горько думалъ, что всѣ люди будутъ хвалить за такую смерть, и выдетъ, какъ будто для похвалъ и въ огонь пошелъ. Онъ лежалъ и прислушивался къ тишинѣ, словно хотѣлось какихъ-то утѣшающихъ, спокойныхъ звуковъ. И далекіе звуки

донеслись до него отъ земной жизни,—грубые ѣлесные звуки.

IX.

И вотъ въ Сашу словно вселился буйный духъ, внушавшій ему злыя, бессмысленныя шалости.

То онъ переставилъ всѣ часы въ домѣ на часъ назадъ,—съ обѣдомъ запоздали, и отцу пришлось ждать. Лепестинья была смущена, Саша хохоталъ.

То онъ приспособилъ къ дверямъ, на веревкѣ, кувшинъ съ водою, такъ что кто отворить дверь, на того плеснетъ вода.

То онъ взбирался на крышу сарая, и, съ полутора-саженной высоты, прыгалъ на мягкую землю, въ густую траву, пугая Лепестинью и отца.

Въ шалостяхъ, какъ прежде въ работѣ, Саша былъ неутомимъ, настойчивъ и изобрѣтателенъ. Самые незначительные предметы въ его рукахъ становились орудіями для замысловатыхъ, неожиданныхъ предпріятій.

Своихъ шалостей Саша и не думалъ скрывать: онъ спѣшилъ рассказывать отцу о каждой проказѣ, — и при этомъ раскаивался и досадовалъ на себя.

Но тоскливое безпокойство все сильнѣе томило его,—и онъ шалилъ все больше, словно нарочно, съ какою-то, ему самому не вполне ясною цѣлью. Можетъ быть, хотѣлось довести отца до тѣго, чтобы разсердился и выразилъ свой гнѣвъ въ чемъ-нибудь сильномъ, страшномъ, невыносимомъ. Но отецъ только хмурился да побранивалъ Сашу, полусердито, полунасмѣшливо.

Иногда Лепестинья усовѣщивала Сашу. Она говорила:

— Смотри, отбойный, — отецъ терпитъ, терпитъ, да какъ разсердится, да такъ-то больно выстегаетъ.

— А и пусть, — спокойно отвѣчалъ Саша.

— То-то вотъ, — говорила Лепестинья, — а станеть стегать, завопишь истошнымъ голосомъ.

— Ну такъ что-жь? — спрашивалъ Саша.

— Да ничего, егозенокъ, — покричишь, да такой же будешь. Ты у отца единецъ, то-то онъ тебя и балуетъ. А ты все же свою совѣсть знай. На-т-ко поди-т-ко, ни стыда, ни страха.

— Что жъ мнѣ дѣлать? — спрашивалъ Саша, и смутно надѣялся, что услышитъ какое-нибудь рѣшающее, мудрое слово.

А Лепестинья говорила:

— Молись: избави насъ отъ лукаваго. А то что хорошаго: отецъ молиться не умѣетъ, да и тебя не выучилъ. Учены очень стали. Отцу книги читаешь, да не тѣ, слышь.

Х.

Отца не было дома. Саша набралъ на берегу въ подолъ своей бѣлой блузы ворохъ камешковъ, и принесъ ихъ въ садъ. Тамъ, на берегу, онъ бросалъ ихъ плашмя въ воду, — красиво отскакивали. А здѣсь онъ швырялъ ими вдоль дорожекъ, въ кусты, въ густолиственный кленовый шатеръ, въ птицъ. Потомъ бросилъ одинъ камешекъ въ бесѣдку, и попалъ прямо въ стекло, — стекло разбилось. Сашѣ полюбилися его жидкій звонъ. Саша побѣжалъ къ дому, и принялся метать камни въ окна. Стекла одно за другимъ разбивались съ жидкимъ, веселымъ звукомъ, похожимъ на то, какъ

смѣются глупыя и радостныя дѣти,—этотъ звонъ забавилъ Сашу, и смѣшиль неудержимо. Весело было смотрѣть на разбитыя стекла, да и то радовало, что онъ тутъ такъ хозяйничаетъ, и никто не знаетъ,—ни отецъ, ни Лепестинья. Съ радостнымъ визгомъ бѣгалъ онъ по дорожкамъ. Потомъ захотѣлось посмотрѣть, какъ это покажется изнутри,—и Саша побѣжалъ въ домъ.

Какъ всегда, входя въ горницы, онъ затихъ и пересталъ визжать, — стѣны утихомирили. Окна съ разбитыми стеклами казались печальными и безобразными. Саша вдругъ очнулся, словно его разбудили.

Теперь стало ясно, какъ бессмысленно и ненужно то, что онъ сдѣлалъ. И этотъ грубый стеклянный звонъ,—какъ могъ онъ веселить!

Саша приунылъ, и тоскуя ходилъ по горницамъ. Въ домѣ было тихо, какъ всегда, и отъ этого жутко. Ворожащій стукъ отъ маятника разносился гулко по всему дому. Битыя стекла валялись на полу, въ окнахъ зіяли звѣздчатыя дыры, по стекламъ въ удѣлѣвшихъ краяхъ вились синеватыя трещины. Такъ было грустно, хоть на бѣлый свѣтъ не гляди. А тутъ еще старая Лепестинья пришла откуда-то, ходила сзади, и ворчала, и подбираала осколки. Ея голосъ звучалъ подобно печальному шелесту въ камышахъ надъ водою.

Саша тоскливо ждалъ отца. Наконецъ отецъ вернулся. Еще снаружи онъ замѣтилъ разбитыя стекла, и нахмурился.

Саша, весь красный отъ стыда, говорилъ запинаясь:

— Это я побилъ стекла. Изъ шалости. Нарочно. Вотъ, я набралъ тамъ, на рѣкѣ, камешковъ.

И онъ подробно рассказалъ все свое буйство. Его смущенный видъ и откровенность тронули отца.

— Какъ же ты, сынокъ, такъ, а? Не годится!—сказалъ онъ тихо, взявъ Сашу за плечи, самъ сѣлъ на стулъ, а Сашу поставилъ между колѣнъ, и привычнымъ своимъ медленнымъ, яснымъ голосомъ сталъ говорить ласково укоризненные слова, поглаживая рукою длинную рыжую бороду.

Саша плакалъ. Что отецъ не сердится, а только говоритъ недовольнымъ и огорченнымъ голосомъ, это терзало его сердце. Наконецъ онъ сталъ просить:

— Накажи меня построже.

— Какъ тебя наказать-то?—спросилъ отецъ, задумчиво глядя на Сашу.

— Розгами, да побольнѣе, — сказалъ Саша, и покраснѣлъ пуще.

Отецъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, и усмѣхнулся.

— Право, папа, держалъ бы ты меня въ ежовыхъ рукавичкахъ,—говорилъ Саша, плача и смѣясь,— а то ужъ я такъ расшалуясь, что и на поди.

Отецъ промолчалъ, отпустилъ Сашу, и ушелъ.

Сашѣ стало какъ-то неловко, что отецъ даже ничего ему не отвѣтилъ. Упрямо захотѣлось поставить на своемъ.

«Онъ все прощаетъ», думалъ Саша, «но вѣдь есть что-нибудь, чего и онъ не простить. Что не прощается?»

XI.

Саша долго придумывалъ, чѣмъ наконецъ разсердить отца. Жаль было сдѣлать что-нибудь грубое, чѣмъ бы отецъ былъ слишкомъ опечаленъ. Саша сталъ безпокоенъ, тосковалъ и метался. Все чаще уходилъ онъ

въ поля, одинъ, подальше отъ дома, словно ждалъ, что тамъ найдетъ рѣшеніе.

Подъ солнцемъ онъ весь загорѣлъ, какъ цыганенокъ,—и лицо, и руки, и ноги.

Всѣ чувства Сашины особенно изощрились за эти дни. Онъ и раньше былъ чутокъ и зорокъ. Ему не случалось заблудиться въ лѣсу или напасть на ложный слѣдъ: зоркій глазъ его зналъ примѣты, чуткій слухъ доносилъ до него тишайшіе шорохи и шумы изъ чащи и отъ жилья, и легчайшіе запахи съ полей выводили его на единственно вѣрныя тропы. Теперь же больше прежняго полюбилъ онъ прислушиваться къ тишинѣ въ поляхъ. Тонкіе звуки, неслышные для обычно грубаго человѣческаго слуха, рѣяли вокругъ него,—и онъ чутко различалъ ихъ источники: то бѣгали жучки по былинкамъ, то легко трескались, раскрываясь, созрѣвшіе въ травѣ крохотные плоды. И надъ этими звуками еще тончайшія носились, неопредѣленныя колебанія, — не звуки, а какъ бы ихъ предчувствія,—то не растутъ ли травы, не звенятъ ли подземныя струи?

Травы росли, колыхались, тянулись къ чему-то бессознательно и неуклонно. Вотъ скерда, — на сухомъ пескѣ взопла, и все тянется. Вотъ шелковисто-сѣрый астрагаль съ лиловыми цвѣтками лѣпится на песчаномъ обрывѣ. Вотъ ядовитый вехъ, томясь на болотѣ, раскинулъ свой бѣлый зонтикъ. Изъ цвѣтовъ любви всѣхъ стали Сашѣ въ эти дни одуванчики, хрупкіе да чуткіе, какъ и онъ. Уже когда созрѣвали ихъ круглыя сѣренькія корзиночки, ему нравилось, лежа въ травѣ, развѣивать ихъ, не срывая, легкимъ дыханіемъ, и слѣдить за ихъ неторопливымъ полетомъ.

Въ полдень въ поляхъ становилось истомно. Полу-

денные страхи таились за колосьями, прятались въ водѣ за тростниками, дрожали въ сѣрыхъ пыльныхъ вихряхъ по проселкамъ, неслышными, прозрачными тѣнями ширяли надъ землею,—страхи, понятные Сапѣ, но безсильные надъ нимъ. Тоска томила его. Тишина чаровала. Невозмутимое на всемъ просторѣ въ поляхъ было молчаніе. Знойнымъ воздухомъ тяжело и безрадостно дышалось.

Иногда Саша уходилъ въ лѣсъ. Это былъ лѣсъ величавый и тихій, какъ опустѣлый соборъ. Пахло смолой, какъ ладаномъ. Грудь легко дышала. Сумракъ между стройными столпообразными соснами обвѣивалъ душу миромъ. Безтревожно таилъ лѣсъ невѣдомыя дали.

Но ничего не говорила Сапѣ лѣсная тишина. Саша уходилъ изъ лѣса недовольный, смутный.

XII.

Прошло нѣсколько дней. Однажды утромъ, когда отецъ сидѣлъ у себя надъ тяжёлымъ дѣломъ, Саша унесъ изъ кухни кусокъ угля, и съ веселою улыбкою на загорѣломъ лицѣ вошелъ въ гостиную. Тамъ висѣло на стѣнѣ, въ орѣховой рамкѣ, мамино изображеніе, увеличенное со свѣтописнаго снимка. Саша взлѣзъ на стулъ, и углемъ начертилъ по стеклу мамѣ усы. Посмотрѣлъ, и засмѣялся. Мама молодая, веселая, съ намазанными усами, точно мальчижъ, вздумавшій пошалить,—и такая милая, и смѣшная.

Саша побѣжалъ къ отцу, и со смѣхомъ привелъ его въ гостиную. Отецъ угрюмо смотрѣлъ на мамино изо-

браженіе,—и вдругъ Саша увидѣлъ его словно иными глазами: усы грубо безобразили это милое, нѣжное лицо. Шаловливый задоръ соскочилъ съ Саши. Онъ раскаялся, и заплакалъ. И все-таки, вмѣстѣ съ раскаяніемъ, въ немъ ликовала радость. По строгому, неподвижному отцову лицу онъ понялъ, что отецъ недоволенъ и обиженъ, и, пожалуй, способенъ круто обойтись. Саша сказалъ плача:

— Видишь, папа, какой я сталъ. Высѣки меня побольнѣе,—право, давно пора.

— Давно пора,—задумчиво повторилъ отецъ.—Ну, что же,—сказалъ онъ,—бѣги къ березѣ, наломай для себя розогъ.

XIII.

... Отецъ бросилъ на полъ прутья, поставилъ Сашу на ноги, и слегка прижалъ его къ себѣ. Саша тотчасъ же пересталъ кричать, и уже устыдился своихъ криковъ. Боль разомъ смягчилась. Уже не стало ея невыносимаго, буйнаго нарастанія. Саша плакалъ, и стыдливо прижимался къ отцову плечу.

«Испыталъ таки»,—торжествуя подумалъ онъ, прислушиваясь къ жгучимъ еще болевымъ ощущеніямъ. Онъ подумалъ:

«Проходитъ боль,—и уже не страшно. Нестерпимая но проходящая, да она вовсе не страшна»,—уже думалъ Саша.

«А что же я кричалъ?»—спросилъ онъ себя и отвѣтилъ:—«Невольно, съ непривычки только».

И вотъ Саша успокоился, пересталъ шалить. Онъ испыталъ и тѣлесныя мученія,—но и въ нихъ не было побѣждающаго страха.

XIV.

Пришла осень. Начались уроки. Въ августѣ и ученики и учителя еще не втянулись въ дѣло,—ученики еле готовили заданное, учителя приходили поздно. Однажды, въ свободное время передъ урокомъ, Саша поссорился съ Колею Егоровымъ, задорнымъ шалуномъ. Началось пустякамъ. Егоровъ рассказывалъ нѣсколькимъ простодушнымъ мальчуганамъ, что въ пруду на Опалихѣ не чисто, живетъ шишига, и парни ее видѣли,—страшная. Саша вслушался, засмѣялся, и спросилъ:

— Шишига? Что за шишига такая?

Егоровъ отвѣтилъ неохотно, уже заранѣе сердясь на то, что Саша не повѣритъ:

— Такая, круглая, толстая, вся слизкая, голова у нея, какъ у жабы.

— Ну вотъ,—сказалъ Саша,—тоже вѣришь. Никакой шишиги нѣтъ.

Егоровъ совсѣмъ разсердился, покраснѣлъ, и запальчиво закричалъ:

— Какъ нѣтъ, коли Серега Рахинскій да Ванька Большой сами видѣли! Врать они тебѣ стануть!

— Мнѣ то не стануть, а тебѣ соврали,—спокойно возразилъ Саша.—Нѣтъ шишиги,—повторилъ онъ.—Имъ показалось, можетъ быть, нивѣсть что, съ перепугу, они и говорятъ зря.

Сашины возраженія лишили Егорова увѣренности

въ шишигу. Но изъ задора онъ не могъ признать себя неправымъ,—тихія Сашины слова да спокойныя Сашины взгляды все больше его раздражали. Онъ горячо доказывалъ, что шишига есть, и отъ злости готовъ бы начать драку, да боялся ударить Сашу,—зналъ, что Саша сильнѣе. Сердито и насмѣшливо онъ сказалъ:

— А увидишь шишигу, самъ ужаснешься.

— Чего ужасаться! Да вотъ и эта стѣна страшнѣе шишиги,—отвѣтилъ Саша, вспоминая, что все на свѣтѣ одинаково не страшно.

Егоровъ вспыхнулъ. Сашины слова показались ему явною издѣвкойю. А Саша словно нарочно дразнилъ его, и сказалъ со смѣхомъ:

— Ахъ ты, легковѣрный,—самъ то ты шишига!

Мальчишки засмѣялись. Уже этого Егоровъ не могъ стерпѣть. Онъ вдругъ подскочилъ къ Сашѣ, и со всего размаху ударилъ его ладонью по щекѣ. У Саши зазвенѣло въ ухахъ; передъ глазами запрыгали красныя искры и зеленые круги.

«Не даромъ говорятъ», быстро подумалъ онъ, «что изъ глазъ искры посыпались».

Онъ неловко стоялъ, ошеломленный неожиданнымъ ударомъ. Было больно и стыдно, и униженіе отъ чужой хотя и случайной, побѣды горько чувствовалось. Егоровъ смотрѣлъ торжествуя, и злорадно улыбался. Мальчишки сочувствовали, какъ всегда, побѣдителю, и начали было дразнить Сашу.

Вдругъ они замолчали и разбѣжались по мѣстамъ. На порогѣ показался учитель, гладко подстриженный, рыжій молодой человекъ. Онъ услышалъ издали ударъ,

а теперь увидѣлъ двухъ мальчиковъ въ такихъ положеніяхъ, которыя его наметанному взгляду сразу показали, въ чемъ дѣло. Онъ спросилъ у Саши:

— Что это, Кораблевъ? За что онъ тебя ударилъ?

Саша молчалъ, и притворно улыбался. На его щекъ горѣли яркія полосы отъ Колиныхъ пальцевъ. Товарищи рассказали учителю, какъ было дѣло. Учитель посмѣиваясь сказалъ:

— Егоровъ, ты останься сегодня. Надо тебѣ замѣчаньице написать въ дневничекъ, чтобы родители приняли мѣры къ твоему исправленію.

Егоровъ слезливо оправдывался:

— А онъ зачѣмъ меня шишигой назвалъ! Мнѣ тоже обидно, Василій Григорьевичъ,—какая же я шишига!

Учитель спокойно возразилъ:

— А ты рукамъ воли не давай.

На перемѣнѣ Егоровъ то плакалъ, то жаловался товарищамъ, что его изъ-за Кораблева дома высѣкутъ, то принимался бранить Сашу, то издѣвался надъ нимъ. Мальчишки дразнили обоихъ. Но Егорова больше,—уже теперь все же былъ Сашинъ верхъ. Сашѣ было, неловко и грустно. Слѣдовало что-то сдѣлать, но что пменно? Самъ онъ нисколько не сердился. Хотѣлось чѣмъ-нибудь утѣшить этого взволнованнаго, плачущаго, сердитаго мальчика, — но Саша не зналъ, чѣмъ его можно утѣшить, и вмѣстѣ съ тѣмъ невольно презиралъ его за эти слезы, за эту робость передъ домашнею расправою.

Уроки кончились. Молитву прочитали, ученики шумно расходились. Учитель Василий Григорьевич опять пришелъ въ классъ, и потребовалъ дневникъ у Егорова. Егоровъ плакалъ, и медленно вытаскивалъ дневникъ. Саша вдругъ подошелъ къ учителю, и сказалъ:

— Василий Григорьевичъ, простите его, вѣдь я-же на него не сержусь.

— Мало-ли что не сердисься, драться въ училищѣ нельзя,—наставительно отвѣтилъ учитель.

— Право, простите, — просилъ Саша,—мы съ нимъ помиримся. Я его самъ обидѣлъ, шишигой назвалъ. Простите.

Учитель, посмѣиваясь, сказалъ:

— Плохо просишь.

Ему было пріятно, что его просили о прощеніи. И пріятно было видѣть, что наказываемый мальчикъ плачетъ, и сознавать, что вотъ какая у него, учителя, власть. При томъ-же можно было такъ легко и правдоподобно оправдывать для себя и для другихъ употребленіе этой ненужной и жестокой власти тѣмъ, что это дѣлается для ихъ-же пользы.

Саша настойчиво продолжалъ просить. Уже онъ и самъ зналъ, какъ всѣ его товарищи, что учителямъ нравятся и слезы, и мольбы мальчишекъ.

— Плохо просишь,—повторилъ учитель съ вялою усмѣшкой.—Поклонись пониже,—сказалъ онъ усмѣхаясь, какъ будто-бы шутя.

— Да я хоть въ ноги вамъ поклонюсь, только простите его,—сказалъ Саша, и вдругъ покраснѣлъ.

— Ну что-жь, поклонись, вотъ тогда и прощу,— отвѣтилъ учитель.

Онъ не вѣрилъ, что Саша станетъ ему кланяться. И досадуя на это, уже сталъ онъ перелистывать дневникъ шалуна, отыскивая ту страницу, гдѣ слѣдовало написать замѣчаніе. Но Саша откинуль въ сторону свою сумку съ книгами, и быстро поклонился въ ноги учителю,—сперва руками уперся въ пыльный полъ, потомъ лбомъ стукнулся. Ему не было стыдно кланяться, но, подымаясь, онъ почувствовалъ, что если учитель все-же не проститъ, то будетъ ужъ такъ досадно. И онъ настойчиво сказалъ, глядя на учителя рѣшительными глазами:

— Ужъ теперь вы его должны простить.

Учитель былъ удивленъ. Неловко посмѣиваясь и краснѣя, онъ сказалъ:

— Ну, нечего дѣлать. Обѣщанное свято.

Онъ отдалъ дневникъ Егорову, и сказалъ:

— Не слѣдовало-бы тебя прощать, благодари Ко-раблева.

Егоровъ обрадовался. Онъ глупо улыбался, не зная, какъ выразить свою радость, и размазывалъ послѣднія слезы по щекамъ ладонью. Учитель, смущенно улыбаясь, смотрѣлъ на обоихъ мальчиковъ, и медлилъ уйти изъ опустѣлаго класса. Въ Сашиномъ поступкѣ онъ чувствовалъ что-то необычайное, и не вполне понималъ его. Что это,—товарищеская дружба, или просто новая шалость?

Саша былъ веселъ и безсознательно доволенъ собою. Егоровъ, неуспѣвшій еще собрать книгъ, просилъ его подождать,—имъ по дорогѣ,—и ласково смотрѣлъ на него. Саша вышелъ въ корридоръ, и ждалъ тамъ. Учи-

тель подошелъ къ нему, и хотѣлъ сказать что-нибудь привѣтливое, да не могъ придумать. И онъ говорилъ несвязныя слова, ласково и неловко.

— Что-жь, вы съ нимъ друзья, что такъ заступаешься, а?—спросилъ онъ.

— Друзья,—весело отвѣтилъ Саша.

— А, друзья,—забѣйка вѣдь онъ?—продолжалъ учитель тономъ вопроса.

— Ничего,—сказалъ Саша.

— Ну что-жь, домой пойдешь, милый?—опять спросилъ учитель.

— Домой,—такъ-же весело и радостно отвѣтилъ Саша.

Онъ улыбаючися смотрѣлъ на учителя, и ждалъ отъ него какихъ-то добрыхъ и мудрыхъ словъ, ждалъ съ простодушною вѣрою,—такъ какъ онъ еще воистину былъ ребенокъ, и думалъ, что взрослые знаютъ настоящія добрыя и мудрыя слова.

А учитель не зналъ такихъ словъ. И уже совсѣмъ больше ничего не придумалъ онъ сказать. Онъ взялъ Сашу за руку, тихонько пожалъ ее. Саша смутился, покраснѣлся. Учитель неловко отвернулся, и отошелъ въ сторону.

И вдругъ веселость словно соскочила съ Саши. Онъ почувствовалъ въ душѣ своей ту-же неловкость, какъ будто заразился ею отъ учителя. Въ мысляхъ и настроеніяхъ его опять началась смута.

XVI.

Вмѣстѣ съ Егоровымъ шелъ Саша по тихимъ городскимъ улицамъ домой. Егоровъ благодарилъ Сашу искренно и весело.

— Распреотличную-бы мнѣ дома порку задали,— говорилъ онъ, съ уваженіемъ глядя на Сашу.

Сашѣ отъ этого еще томительнѣе становилось. Егоровъ все посматривалъ на него сбоку, словно хотѣлъ что-то сказать, да не рѣшался. И Саша понемногу сталъ ждать, что Егоровъ сдѣлаетъ что-то настоящее, должное. Наконецъ Егоровъ надумался, и вдругъ спросилъ:

— Хочешь, я тебѣ тоже поклонюсь въ ноги?

— Не надо,— смущенно сказалъ Саша.

— А то поклонюсь,— продолжалъ Егоровъ, словно торопясь отдать долгъ. — Хотя сейчасъ, на улицѣ, право! а?

— Ну вотъ, говорю, не надо,— досадливо повторилъ Саша.

Егоровъ словно успокоился.

— Ну ладно, — сказалъ онъ по-прежнему весело, — я тебѣ заслужу чѣмъ-нибудь. Ты только скажи.

«Вотъ, — думалъ Саша, — я кланялся, молилъ, для того, чтобы у него кожа цѣла осталась, а онъ меня побережетъ при случаѣ. И мнѣ-же отъ всего этого польза: учитель похвалилъ, Егоровъ сталъ другомъ».

И мучило это Сашу, — этотъ корыстный его подвигъ.

Какая грусть! Какія во всемъ невозможности!

Вотъ въ огородѣ, мимо котораго они проходили, молочай-солнцеглады напрасно тянулись къ солнцу, — они были малы и слабы, ихъ подавляли глупыя, клопящаяся къ землѣ ромашки.

XVII.

Въ грустномъ Саша сидѣлъ раздуми подъ сѣрою ольхою на скамеечкѣ, внизу сада, надъ самою рѣкою. За день онъ набѣгался, былъ шумно веселъ, и утомился. Длинные рѣсницы бросали печальную тѣнь на загорѣлыя Сашины щеки.

Вечеръ мирно догаралъ. За рѣкою лежали тихія дали. Большіе босые мальчики опять, какъ всегда по вечерамъ, пришли на пустой песчаный берегъ играть въ рюхи и подымать легкую сизую пыль длинными палками.

Здѣсь, въ саду, былъ дикій, нетронутый уголокъ. У воды цвѣла зеленовато-бѣлая развѣсистая гречиха. Горлицы раскидывалъ бѣлые полузонтики, и отъ нихъ къ вечеру запахло слабо и нѣжно. Въ кустарникахъ таились ярко-лазоревые колокольчики, безуханные, безмолвные. Дурманъ высоко подымалъ крупные бѣлые цвѣты, надменные, некрасивые, тяжелые. Тамъ, гдѣ было сырѣе, изгибался твердымъ стеблемъ пасленъ съ ярко-красными, продолговатыми ягодами. Но эти плоды, никому не нужные, и эти поздніе цвѣты не радовали глазъ. Усталая природа клопалась къ увяданію. Саша чувствовалъ, что все умретъ, что все равно-ненужно, и что такъ это и должно быть. Покорная грусть овладѣла его мыслями. Онъ думалъ:

«Устанешь,—спать хочешь; а жить устанешь,—умереть захочешь. Вотъ и ольха устанетъ стоять, да и свалится».

И явственно пробуждалось въ его душевной глу-

бинѣ то истинно-земное, что роднило его съ прахомъ, и отъ чего страхъ не имѣлъ надъ нимъ власти.

Кто-то запѣлъ. Въ тихомъ воздухѣ печально звучала заунывная пѣсня. За рѣкою раздавались эти протяжные звуки,—словно кто-то звалъ, и печалилъ, и, лишая воли, требовалъ чего-то необычайнаго.

Но неужели суждено человѣку не узнать здѣсь правды? Гдѣ-то есть правда,—къ чему-то идетъ все, что есть въ мірѣ. И мы идемъ,—и все проходитъ,—и мы вѣчно хотимъ того, чего нѣтъ.

Или надо уйти изъ жизни, чтобы 'узнать? Но какъ и что узнаютъ отшедшіе отъ жизни?

Но, что-бы тамъ ни было, какъ хорошо, что есть она, смерть-освободительница!

И засмотрѣлся Сапа на воду, и думалъ:

«Если упасть? утонуть? Страшно-ли будетъ тонуть?»

Вода тянула его къ себѣ влажнымъ, пустымъ запахомъ. Нисколько не было страшно, и равнодушно думалъ Сапа о возможной смерти. Все равно уже не стало своей воли, и онъ пойдетъ, куда устремить его первое впечатлѣніе.

Онъ неподвижно смотрѣлъ передъ собою. Лепестинья подошла сзади. Она глядѣла на него суровыми глазами. Тихо и сурово сказала она, качая дряхлую головою:

— Что смотришь? Куда смотришь? Опять къ ей засматриваешь?

И она пошла мимо, уже не глядѣла на Сапу, и не жалѣла его, и не звала. Безучастная, суровая, проходила она мимо.

Легкій холодъ обвѣялъ Сашу. Весь дрожа, томимый таинственнымъ страхомъ, онъ всталъ и пошелъ за Лепестиньею,—къ жизни земной пошелъ онъ, въ путь истомный и смертный.

БАРАНЧИКЪ

I.

Въ деревнѣ Хотимирицы на пророка Илію праздновали. Со всей округи сходились и съѣзжались гости, и ѣли и пили, и пировали и день, и два, и три, переходя изъ дома въ домъ.

Хозяйственный мужикъ Власъ готовился загодя,—наварилъ пива, накупилъ водки, зарѣзалъ барана.

Когда онъ взялъ ножъ и пошелъ рѣзать барана, его дѣти, Аниска и Сенька, пошли за нимъ, стали близко, и смотрѣли. Анискѣ доходилъ пятый годъ, Сенькѣ начался четвертый,—все-то имъ было вновѣ, все-то ихъ забавляло.

Баранъ былъ весь бѣлый,—и волосенки у ребятъ были бѣлые. Ребята стояли, взявшись за руки, и дивились, и тарасили свѣтлые глазенки. Баранъ заблеялъ, кровь полилась, красная да широкая,—страсть, какъ весело!

Дѣти, лепеча и толкаясь, мѣшали отцу. Онъ прикрикнулъ на нихъ,—и ребятишки смѣючись побѣжали прочь.

II.

Отецъ ушелъ въ поле, мать по дому хлопотала, дѣти играли себѣ на дворѣ.

И сказала Аниска Сенькѣ:

— Сенька, а Сенька, давай играть въ баранчика.

Засмѣялся Сенька, говорить,—а самъ еще и выговорить чисто не умѣетъ:

— Давай,—говорить,—пусть я баранчикомъ буду.

— Ну, ладно,—говорить Аниска,—ты пусть баранчикомъ будешь, а я тебя по горлышку ножикомъ чикъ-чикъ.

— А кровь пойдетъ?—спросилъ Сенька,—красная, широкая?

— Пойдетъ,—сказала Аниска.

И оба засмѣялись, зарадовались..

— А ножикъ гдѣ мы возьмемъ?—спросилъ Сенька.

— Какъ-никакъ разживемся,—отвѣчала Аниска,— у мамки скрадемъ.

Тихохонько пробрались ребята въ избу,—а матери ни къ чему, знай себѣ дрова въ печь накладываетъ, жарено всякое, да пироги жданные про гостей готовить хочеть. Стащили ребята ножъ, большой, большой, какимъ хлѣбы рущать,—а мать и не видитъ, до ребятъ-ли ей.

Побѣжали дѣти во дворъ, забились въ уголъ.

— Ну, рѣжь скорѣе,—лепечеть Сенька.

Самъ заблеялъ, таково жалобно, словно баранчикъ,—самъ засмѣялся, и сестренку насмѣшилъ. И взяла его Аниска за плечи, опрокинула на спину, повалила на землю,—все блеялъ Сенька.

Полоснула Аниска ножомъ по Сенькину горлу. Затрепыхался Сенька, захрипѣлъ. Кровь, широкая, красная, хлынула на его бѣлую рубашенку и на Анискины руки. Кровь была теплая да липкая, Сенька за-тихъ.

— Баранчикъ, баранчикъ! — закричала Аниска, и засмѣялась.

А самой съ чего-то холодно стало.

— Ну, вставай, что-ли, Сенька, — закричала она,— будетъ.

Не хотѣлъ Сенька вставать, и кровь уже не текла, и слиплись Анискины руки. Сенька лежалъ, скорчившись, и все молчалъ, — страшно стало Анискѣ, побѣжала она отъ Сеньки.

Шмыгнула въ избу, отъ матери прячется, полѣзла въ печку, — а сердце-то у нея въ груди тяжелое. Забралась Аниска въ печку на дрова, сидитъ, молчитъ, вся дрожитъ. Страхъ на нее напалъ и тоска, и не пойметъ Аниска, что такое случилось.

Начала мать затоплять печку, — ничего не слышитъ Аниска, сидитъ, не подаетъ голосу. Тяжко да быстро бьется маленькое сердце, ничего не видитъ Аниска тоскливыми глазами.

Дрова плохо разгорались, пошелъ дымъ, наполнилъ всю печку, задушилъ Аниску.

III.

И вознеслись къ Господнимъ райскимъ вратамъ Сенькина душа и Анискина душа. Смугились ангелы, и проливали они слезы, свѣтлыя, какъ звѣзды, и не знали, что имъ дѣлать. Предсталъ передъ Господомъ Анискинъ Ангелъ, и съ великимъ сокрушеніемъ воззвалъ:

— Господи, врагу-ли отдадимъ младенца съ окровавленными руками?

Искушая ангела, спросилъ Господь:

— На комъ-же та невинная кровь?

Отвѣчалъ ангелъ:

— Да будетъ на мнѣ, Господи!

И сказалъ ему Господь:

— Проливающіе кровь искуплены Моею кровью, и научающіе пролитію крови искуплены Мною, и тяжкою скорбію приобщаю людей къ искупленію Моему.

Тогда впустили ангелы Аниску и Сеньку въ обители свѣтозарныя и въ сады благоуханныя, гдѣ на тихихъ травахъ мерцають медвяныя росы, и въ свѣтлыхъ берегахъ струятся отрадныя воды.

Л Е Л Ь К А .

Вечерѣло. Я шель за городъ побродить на берегахъ нашей мелкой, порожистой рѣки. Въ старину она была многоводна, пролегалъ по ней великій путь изъ Чуди въ Русь,—а теперь она давно ужъ обмелѣла, сжалась въ своемъ широкомъ руслѣ, какъ червякъ на зеленомъ листѣ, и затихла,—и сжался, затихъ и приунылъ надъ ея берегомъ, извилистымъ и крутымъ, когда-то богатый городъ Тихій-Омутъ.

Вечеръ стоялъ тихій, теплый, благоухающій свѣжими вѣянiями нежаркаго лѣта, полный очарованiя, какъ нѣжная колыбельная пѣсенка. Солнце было уже низко: багряно-желтый кругъ его почти касался мглесто-синей черты горизонта; темно-лиловыя тучки, съ золотыми краями, были разбросаны по розовому небу за ката. Все небо заливали восхитительно-мягкіе переливы голубыхъ, алыхъ и палевыхъ оттѣнковъ; узкія полоски тонкихъ облачковъ желтѣли и бѣлѣли на немъ, какъ прилипшіе къ нарядному платью засохшіе стебли. Прощальные солнечные лучи убирали въ пурпуръ бѣдныя городскія лачуги. Сѣрая пыль иногда подымалась отъ набѣгавшаго вѣтра, влеклась по немощеннымъ улицамъ, и тихонько ложилась на землю.

Я вышелъ на обрывистый берегъ рѣки. Откосы другого берега начинали терять свои ярко-пунцовыя краски; только верхи крутыхъ обрывовъ еще сверкали темно-красною, какъ мѣдь, глиною. Внизу слегка дымился

туманъ, еще почти не видный, замѣтный лишь по тому, какъ скрадывались имъ очертанія берега: словно прильнула рѣка, близко-близко, къ обрывистымъ берегамъ и, тая, цѣловала ихъ, и таялъ угрюмый берегъ, цѣлуя журчащую воду.

Глинистая тропинка бѣжала между откосами берега и широкими полями. Кусты ползли внизъ, по откосамъ, цѣпляясь за землю изогнутыми вѣтвями и охватываясь ими другъ съ другомъ, словно сгорбленные старушки, тихо ползущія въ гору. Становилось въ воздухѣ свѣжѣе.

Берегъ понижался. Въ прозрачной полумглѣ, которую ласково бросали на меня ивы съ пониклыхъ вѣтвей своихъ, меня обнимала нѣжная прохлада; воздухъ вливался въ грудь, какъ сладкій напитокъ, возбуждающій трепеть силъ и жажду жизни, навѣвающій отрадные мечтанія. Легкая задумчивость овладѣла мною.

Вдругъ услышалъ я дѣтскій голосъ, звонко и отчетливо выговаривавшій стихи:

Не знаю отчего, но на груди природы,
Лежить-ли предо мной полей нѣмая даль,
Колышетъ-ли заливъ серебряныя воды,
Иль простираетъ лѣсъ задумчивыя своды,
Въ душѣ моей встаетъ неясная печаль...

А вотъ и онъ, маленькій чтець. Лицомъ къ рѣкѣ, подъ ивою, прислонясь къ ея стволу спиною и разсѣянно глядя вдаль, сидѣлъ тоненькій мальчикъ, въ ситцевой рубахѣ и помятой шапкѣ. Ему по лицу можно было дать лѣтъ тринадцать; онъ былъ, очевидно, малъ для своего возраста. На блѣдномъ, нервно-подвижномъ лицѣ, слегка смугломъ и загорѣломъ, мечтательно теплились кроткіе каріе глаза. Такъ они пристально смо-

трѣли куда-то далеко, что мальчикъ и не видѣлъ меня, даже когда совсѣмъ близко подошелъ я къ нему.

Онъ говорилъ стихи наизусть и, сложивъ руки на колѣняхъ, слегка покачивался взадъ и впередъ. Говорилъ онъ ихъ задушевно и просто, какъ будто это были не чужія для него слова. Было такъ странно видѣть этого босоногого мальчугана, который читаетъ стихи, врядъ-ли ему вполне ясны.

Она—всегда нѣмая Галатея,

А я—страдающій, любя, Пигмаліонъ...

закончилъ мальчикъ,—и повелъ впередъ сжатыми руками.

Я молча стоялъ сбоку, немного позади его. Онъ повернулся, бросилъ на меня разсѣянный взглядъ, примѣтилъ меня, и быстро вскочилъ на ноги.

— Хорошо ты читаешь, молодець!—сказалъ я.

Онъ покраснѣлъ и молчалъ. Видно было, что ему хочется уйти. Но я рѣшилъ какъ-нибудь удержать его. Не вдалекѣ отъ рѣки я замѣтилъ небольшой домикъ, старенькій, погнувшійся, съ небольшими, тусклыми окнами.

— Ты не здѣсь ли живешь?—спросилъ я, показывая на эту лачугу.

— Да,—тихо отвѣтилъ мальчикъ.

Это былъ самый крайній домъ подгородной слободы Подолешья, населенной бѣднымъ людомъ. На плетнѣ, которымъ обнесенъ былъ дворъ, я увидалъ растянутыя сѣти. У берега виднѣлась лодка, привязанная не прочною, съ узлами, бечевкою къ тому дереву, подъ которымъ мы стояли.

— А это—твоя лодка?—спросилъ я.

— Отцова,—отвѣтилъ мальчикъ.

— А ты съ нею справишься?

Мальчуганъ легонько усмѣхнулся.

— Справлюсь, что жъ,—сказалъ онъ.

— Такъ прокати меня по рѣкѣ. Я тебѣ заплачу,—сказалъ я.

Мальчикъ глянулъ на меня, и отвѣтилъ:

— Ладно, вотъ только у отца спрошусь.

Онъ побѣжалъ въ избу. Черезъ минуту на порогѣ ея показался хозяинъ, — маленькій, тощій человекъ съ мочальною бородкою и смирною улыбкою на блѣдномъ лицѣ. Онъ подошелъ ко мнѣ, кланяясь съ нѣкоторымъ подобострастіемъ. Я и ему сказалъ, чего хочу. Онъ вызвался самъ сѣсть со мною. Я отказался:

— Справимся съ мальчуганомъ,—сказалъ я.

Тогда онъ суетливо задвигался по двору, покривая на сына:

— Ну, живѣй, живѣй, Лелька, пошевеливайся.

Лелька побѣжалъ въ сарай за веслами, потомъ въ избу, собрался въ мигъ,—и выбѣжалъ ко мнѣ.

Вотъ усѣлись мы вдвоемъ на узенькихъ и неудобныхъ бесѣдочкахъ лодки; вода тихо зашумѣла подъ веслами. Мы плыли внизъ по теченію. Я скоро взялъ у мальчика весла, и сѣлъ посреди лодки. Мальчикъ не обнаруживалъ большой охоты говорить, и въ началѣ только отвѣчалъ на вопросы. Но мало-по-малу мы разговорились.

— Любишь ты стихи?—спросилъ я.

— Люблю,—отвѣтилъ онъ, слегка краснѣя, и прибавилъ вдругъ, засмѣявшись и весело взмахнувъ головой:—я много стиховъ знаю.

— Учишься гдѣ-нибудь?—опять спросилъ я.

— Учусь, какъ-же,—въ городское училище хожу. Прежде ходилъ въ приходское. Кончилъ тамъ,—отецъ

меня сперва хотѣлъ къ саможнику отдать въ ученье,— а я ему говорю: я лучше, говорю, въ городское училище поступлю, тамъ тоже мастерская есть. Ну, отецъ и согласился. Я и поступилъ въ училище, и въ столярную сталъ тоже ходить, у насъ при училищѣ есть столярная. Теперь еще два года остается.

Межъ тѣмъ вечерняя мгла сгущалась внизу, и только на небѣ еще теплились розоватыя, потухающіе отблески догорѣвшаго дня. Плескъ весель по водѣ раздавался мягко и звучно. Было тихо,—мы тихо разговаривали, берега медленно двигались, теченіе несло насъ впередъ.

Берега раздвинулись, рѣка разлилась вдвое шире, заструилась лѣнивей и глаже; передъ нами легла сѣроватая гряда камней — мельничная запруда. Все слышнѣе и слышнѣе доносилось до насъ журчаніе воды, которая, лѣниво переливаясь черезъ плотину, падала на фашинникъ и камни. Мы поѣхали близко къ запрудѣ,—и повернули назадъ. Опять береговья тѣни побѣжали навстрѣчу взмахамъ весель.

Я попросилъ мальчика прочесть мнѣ еще какіе-нибудь стихи. Онъ сперва застыдился, но потомъ, все-таки, прочелъ мнѣ два стихотворенія,—изъ Лермонтова и Некрасова. Мнѣ стало грустно; разсѣянно слушая, вспоминалъ я, что всѣ подростки, всѣ юноши, которыхъ я встрѣчалъ, предпочитали стихи съ печальныхъ содержаніемъ.

Онъ помолчалъ.

— А вотъ, я вамъ еще скажу стихи,—промолвилъ онъ, слегка дрогнувшимъ голосомъ, почему-то смущаясь больше прежняго.

— Прочти, милый,—сказалъ я,—ты хорошо читаешь.

Онъ сказалъ незнакомое мнѣ стихотвореніе. Сначала голосъ его былъ робокъ и тихъ, но мальчикъ быстро справился со своимъ волненіемъ.

Стихи были слабы по формѣ, но подкупали искренностью и свѣжестью чувства.

— Чьи же это стихи?—спросилъ я, когда онъ кончилъ.

Мальчикъ покраснѣлъ, засмѣялся, поежился и сказалъ тихонько:

— Мои. Самодѣльные,—прибавилъ онъ, и глянулъ на меня смущенными и смѣющимися глазами.

— Вотъ какъ!—сказалъ я съ удивленіемъ,—такъ ты, братъ, сочинитель!

— Да. Только вы отцу не скажите, что я вамъ читалъ.

— А что?

— Да ужъ такъ. Пожалуй, опять достанется.

— А ужъ доставалось?

Мальчикъ помолчалъ немного,—и началъ рассказывать по-порядку:

— Сочинять-то стихи я давно началъ, а только показать ихъ некому было. Вотъ въ прошедшую зиму я и надумалъ, дай, думаю, покажу ихъ учителю. Ну, онъ прочелъ,—ничего, похвалилъ,—говорить, надо работать, ты, говоритъ, можешь научиться хорошіе стихи писать. Сталъ мнѣ книжки давать. Вотъ отъ него и другіе наши учителя узнали. Ну, вотъ разъ и вышло такъ, что меня батюшка по священной исторіи урокъ отвѣчать вызвалъ, а я не выучилъ въ тотъ разъ. И совсѣмъ не отъ стиховъ, а вовсе другая причина была. А батюшка и говоритъ: ты, говоритъ, только стихи сочиняешь, а уроковъ не учишь; еще и на насъ, можетъ быть, паск-

вили пишешь, говорить; погоди, говорить, вотъ я уже твоему отцу скажу. Отецъ у него печи тогда какъ разъ чинилъ. Вотъ батюшка ему въ тотъ же день на меня нажаловался.

Онъ опять помолчалъ, внимательно посмотрѣлъ на меня, и продолжалъ:

— Ну, мнѣ отъ отца шибко попало. Взаяся, говорить, учиться,—это отецъ мнѣ говорить,—такъ учись, а глупостями не занимайся. Денегъ то у меня нѣтъ, говорить, шальныхъ, чтобы ты попусту въ школѣ околачивался; къ шорнику, говорить, отдамъ въ ученье, коли еще чуть что. А коли въ школу, говорить, хочешь ходить, такъ о пустякахъ и не думай. И взялъ всѣ мои тетрадки со стихами, да и пожогъ.¹

Онъ досадливо и стыдливо нахмурился при этихъ словахъ: видно было, что онъ сильно жалѣлъ объ этихъ пожженныхъ тетрадкахъ.

— Такъ какъ же ты теперь?—спросилъ я.

— А теперь я потихоньку пишу, и никому не по казываю.

Становилось все темнѣе, надвигалась ночь. Мнѣ было грустно и странно смотрѣть на этого мальчика. Что изъ него выйдетъ? Мечта представляла мнѣ уголь сарая, полуосвѣщенный отблесками тонкихъ солнечныхъ лучей, пыльными спицами бѣгущихъ изъ многочисленныхъ щелей въ стѣнкахъ и потолокъ; тамъ, на сѣнѣ, мальчикъ съ пылающимъ лицомъ и блестящими глазами; въ рукахъ у него карандашъ и тетрадка; на лбу крупныя капли пота, взволнованно дышетъ грудь, озабоченное лицо выдаетъ тайну недѣтскаго напряженія мысли. Не преждевремененно-ли это напряженіе? Не бесплодно-ли оно? Или и точно это сила, стремящаяся

найти себѣ исходъ въ свободной дѣятельности—сила, которая побѣдитъ препятствія?

Лодка причалила къ берегу возлѣ городского бульвара. Я молча вышелъ изъ лодки на шаткія доски, прилаженные для прачекъ, и опустилъ въ Лелькину руку двѣ серебряныя монеты. Онъ весело поблагодарилъ меня, сунулъ деньги, не поглядѣвъ на нихъ, въ карманъ, усѣлся, и весломъ отпихнулъ отъ берега лодку. Плеснули весла, жалобно зароптали рѣчныя струи, плещась и разбѣгаясь, и повлекли за собою, въ мгlistый туманъ, остроносый челнокъ.

— Покойной ночи,—крикнулъ мнѣ Лелька съ рѣки, замѣтивъ, что я еще стою на берегу.

Звонкій голосокъ пронесся въ ночной тишинѣ, словно бряканье колокольчика, разбудивъ гдѣ-то далеко слабый и короткій отголосокъ,—и затихъ. И скоро затихли въ отдаленіи мѣрные всплески веселъ,—и я тихонько побрелъ домой.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТР.

Свѣтъ и тѣни	9
Червякъ.	45
Къ звѣздамъ	79
Улыбка.	109
Прятки	127
Бѣлая мама	145
Землѣ земное.	161
Баранчикъ	203
Лелька	209